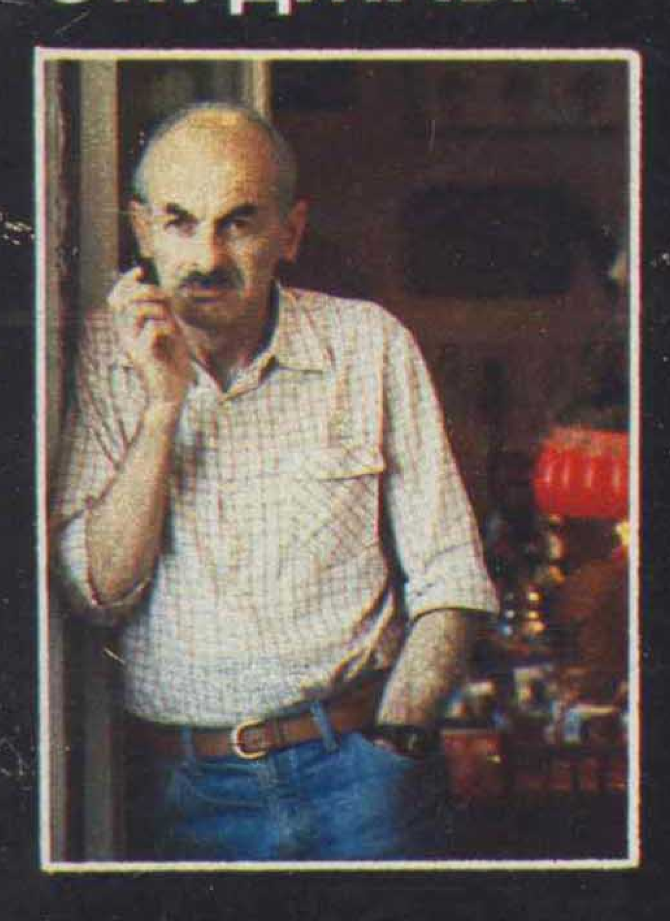
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 47 НОЯБРЬ 1986

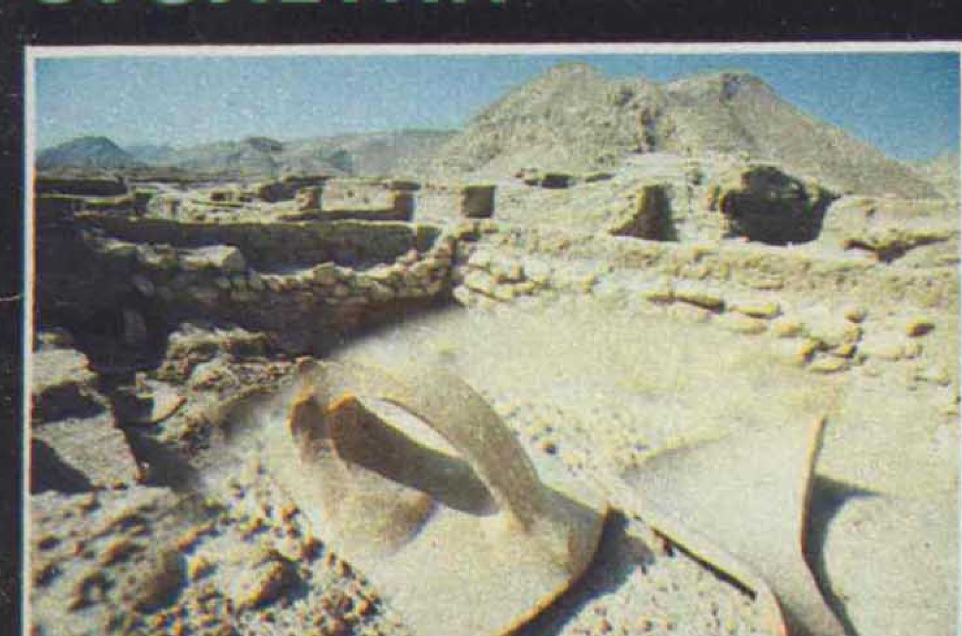

ШОФЕР ВЯЧЕСЛАВ СОЛДАТКИН

РАССКАЗЫВАЕТ БУЛАТ ОКУДЖАВА

ТАДЖИКИСТАН: СЛЕДАМИ СТОЛЕТИЙ

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ, САМЫЕ ПРИЗНАННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СОБРАЛИСЬ 12 НОЯБРЯ В МОСКВЕ, В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ. В ЭТОТ ДЕНЬ БЫЛ УЧРЕЖДЕН СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ — ОРГАНИЗАЦИЯ, ПРИЗВАННАЯ СОХРАНИТЬ И ПРИУМНОЖИТЬ ДУХОВНУЮ СОКРОВИЩНИЦУ НАРОДА.

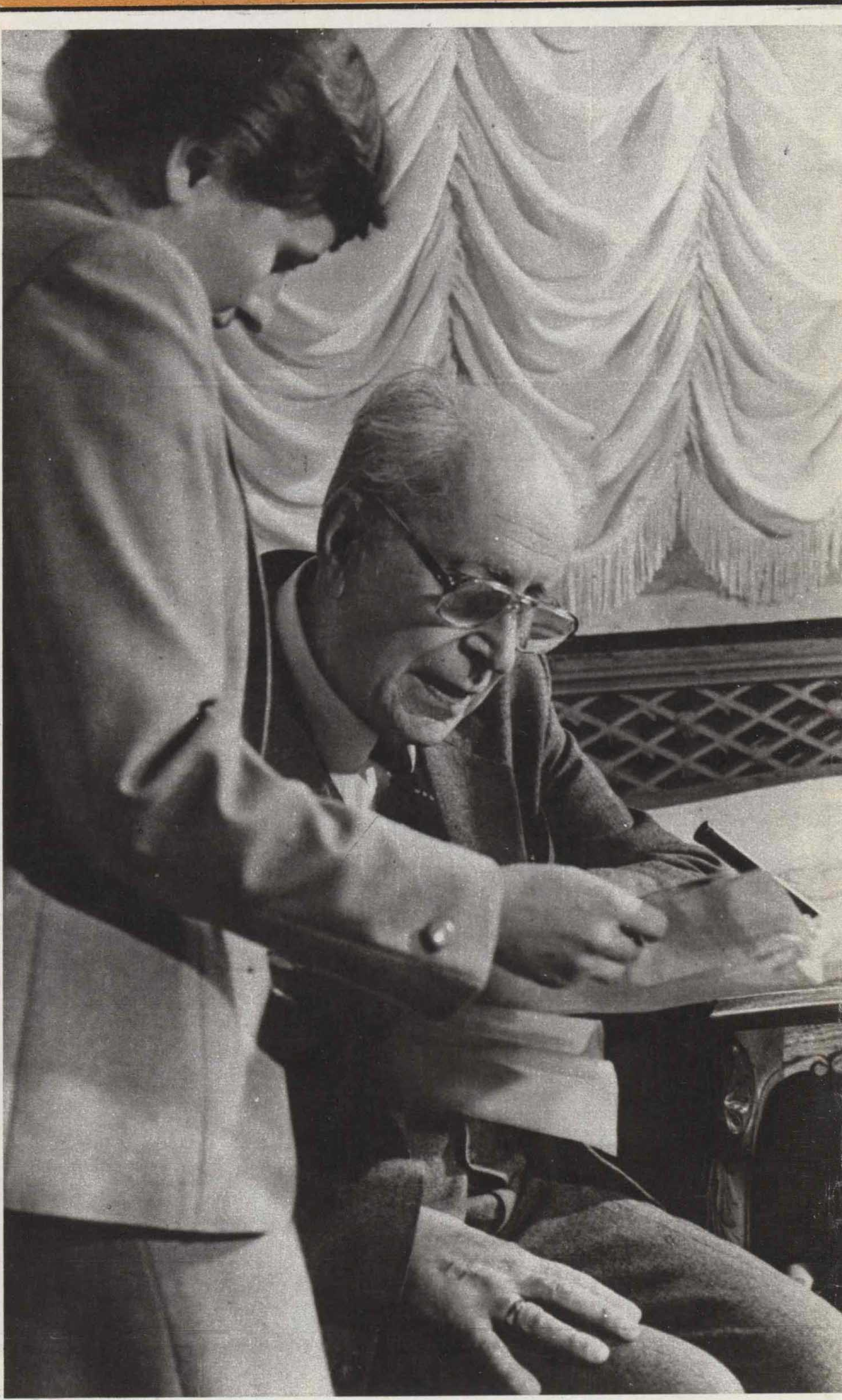

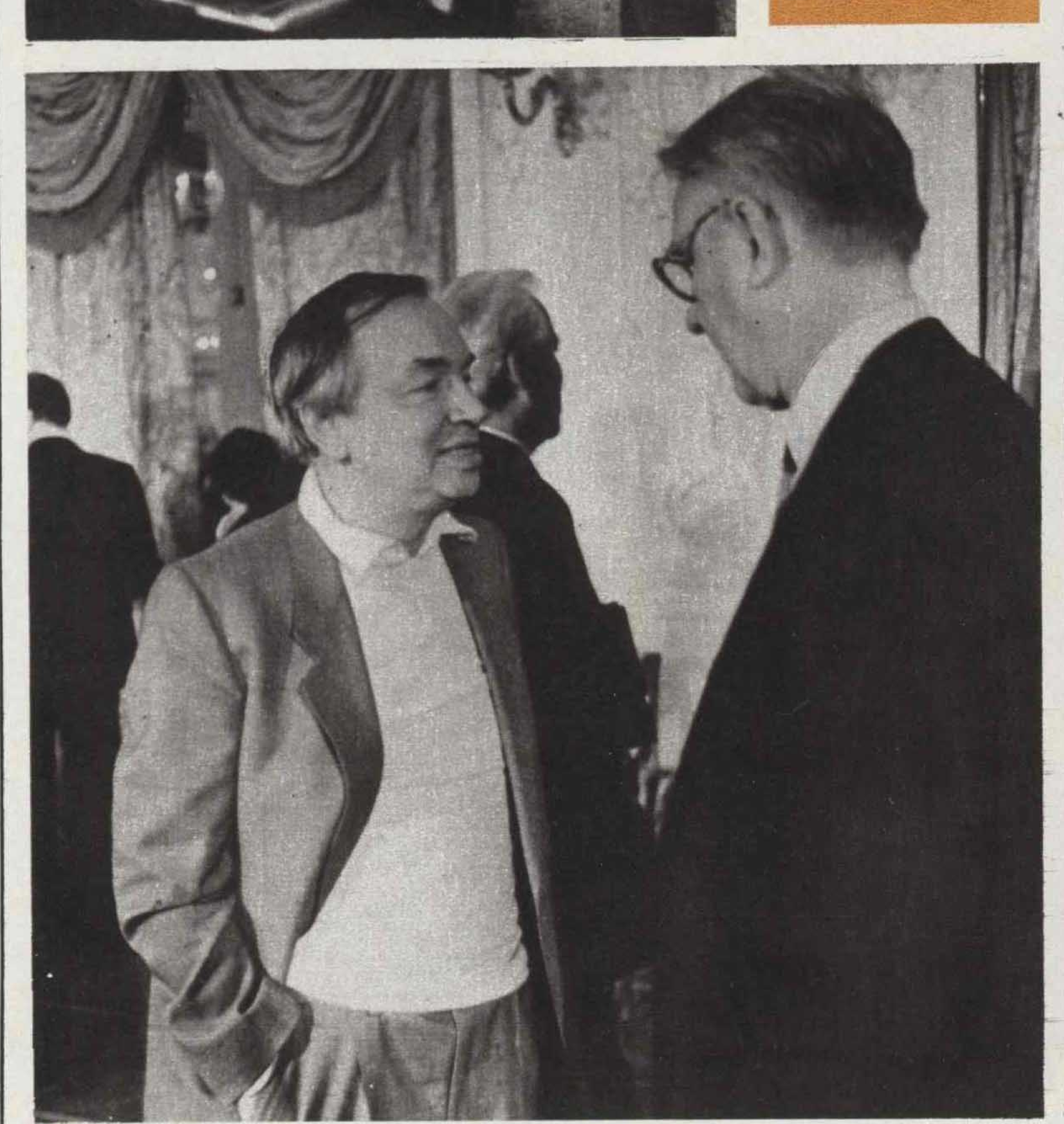
Народный артист СССР А. Райкин.

Академик Д. С. Лихачев.

Поэт А. Вознесенский и искусствовед В. Кеменов.

СОХРАНИТЬ БО

БЫЛ УТВЕРЖДЕН УСТАВ ФОНДА, И СОСТОЯЛИСЬ ВЫБОРЫ ЕГО РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ. ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПРАВЛЕНИЯ ИЗБРАН АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ. В ПРЕЗИДИУМ ПРАВЛЕНИЯ ВОШЛИ Д. С. ЛИХАЧЕВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Р. М. ГОРБАЧЕВА, И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Г. В. МЯСНИКОВ, Е. Е. НЕСТЕРЕНКО, Б. И. ОЛЕЙНИК, В. И. ПОПОВ, Б. С. УГАРОВ, В. М. ФАЛИН, С. В. ЯМЩИКОВ.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ГАТСТВА КУЛЬТУРЫ

Народный артист УССР А. Новиков, народная артистка СССР М. Плисецкая и народная артистка СССР Б. Кариева.

Писатель С. Михалков и главный режиссер МХАТа О. Ефремов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (3096)

22—29 НОЯБРЯ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 31.10.86. Подписано к печати 18.11.86. А 00760. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2959. Заказ № 3892.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Сергей КАРМАЛИТО,
корр. ТАСС,
специально для «Огонька»

ИНДИЯ ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

В Индии часто можно услышать: дружба с Советским Союзом имеет глубокие корни и выдержала испытание временем. Слова эти звучат в выступлениях руководителей республики на многотысячных митингах, говорят их и простые индийцы, с которыми знакомишься в разных уголках огромной многонациональной страны. Искренность этих слов не вызывает сомнений.

НАС ВДОХНОВЛЯЛИ СЛОВА ЛЕНИНА

С Баба Притхви Сингх Азадом я познакомился на одном из митингов, проводившихся в Дели Всеиндийской организацией борцов за национальное освобождение. В Индии его называют «живой легендой». Старейший деятель национально-освободительного движения Индии, отметивший четыре года назад свое 90-летие, поражает юношеским задором, который сочетается в нем с мудростью человека, посвятившего свою долгую жизнь борьбе за интересы индийского народа.

С особым удовольствием он рассказывал о своих успехах в спорте, перечисляя награды, завоеванные на международных состязаниях спортсменов-ветеранов, в том числе упомянул о четырех золотых медалях с одной такой встречи в 1984 году в Риме. Яркими были воспоминания Притхви Сингха о разных эпизодах из своей богатой событиями биографии: об участии в выступлениях против британских колонизаторов, о дерзких побегах из застенков колониальной охранки, о том, как вместе со своими соратниками продолжал бороться, даже находясь в шестилетней ссылке на далеких от родной земли Андаманских островах.

— Победа Октябрьской революции в России всколыхнула весь мир,— говорил Притхви Сингх.— У нас в стране она отозвалась новым подъемом борьбы против колониального правления. Мы воспринимали освобождение России от царизма, Страну Советов, где вся власть перешла в руки рабочих и крестьян, как предвестие крутых перемен в судьбах угнетенных народов колониальных владений империализма. Нас вдохновляли слова великого Ленина, предвидевшего освобождение Индии и других стран Азии от гнета колонизаторов.

Советская страна, вступившая на путь строительства социализма, покончившая с эксплуатацией, привлекала к себе внимание наиболее передовых мыслителей, политических деятелей Индии. В 1932 году побывал в Советском Союзе и Притхви Сингх. В Ташкенте, а затем в Москве он начал углубленное изучение марксистско-ленинской теории.

— Для меня это был очень важный период,— отметил Притхви Сингх.— Он дал мне возможность по-новому оценить процессы, происходившие тогда в Индии, во многом пересмотреть свои взгляды. Я понял, что борьба за независимость не может быть делом горстки революционеров, готовых идти на самопожертвование. Она увенчается успехом, только если будет получать поддержку широких масс.

В 1938 году лидер индийского национально - освободительного движения Махатма Ганди написал о Баба Притхви Сингх Азаде, что для него «нет другой цели в жизни, кроме освобождения Индии». Ветеран и сегодня остается в строю. Он много работает с молодежью, возглавляет Всеиндийскую организацию борцов за национальное освобождение, которая своей деятельностью способствует сплочению индийского народа, развитию курса Индии на укрепление мира, дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, солидарности с народами, борющимися за независимость и социальный прогресс.

СТАЛЬ БХИЛАИ

Три десятилетия назад у железнодорожной станции Бхилаи в индийском штате Мадхья-Прадеш развернулось строительство металлургического завода. По словам первого премьер-министра республики Джавахарлала Неру, ему суждено было стать «символом и предвестником Индии будущего». Среди тех, кто пришел тогда на гигантскую стройку, был молодой инженер К. Р. Сангамесваран. С 1956 года в составе первой группы своих индийских коллег он проходил повышение квалификации на заводе «Запорожсталь» на Украине, знакомился с советским опытом организации доменного и сталелитейного производства. Вспоминая об этом сейчас, К. Р. Сангамесваран — управляющий директор крупнейшего в Индии Бхилайского металлургического комбината — подчеркивает, что подготовка в СССР дала ему большой запас теоретических и практических знаний, позволила близко узнать советских людей.

В кабинете, где мы беседуем, на стене висит огромный план. Завод неузнаваемо изменился с февраля 1959 года, когда он дал стране первую продукцию. За минувшие годы рядом вырос современный город с 300-тысячным населением.

— Наш комбинат стал уже классическим примером индийско-советского экономического сотрудничества, дружбы и взаимопонимания между народами двух стран,— замечает К. Р. Сангамесваран.— Очень верное определение. На протяжении тридцати лет в Бхилаи индийские и советские специалисты успешно трудятся плечом к плечу, вместе идут от одного рубежа к другому. Мы начинали с миллиона тонн стали в год, а сейчас подошли к четырем миллионам. Бхилаи сегодня — это не только сталь. Он стал кузницей квалифицированных кадров ин-

В МОСКВЕ СОСТОЯЛАСЬ ШЕСТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОДИННАДЦАТОГО СОЗЫВА.

ДЕПУТАТЫ ОБСУДИЛИ И ПРИНЯЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛАН ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР И УТВЕРДИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ СССР НА 1987 ГОД.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

дийских сталеваров и металлургов. Многие инженеры, техники, административные работники, начинавшие свой трудовой путь на нашем заводе, занимают теперь руководящие посты в индийской черной металлургии, на других промышленных предприятиях и в государственных учреждениях.

Сейчас мы находимся на очень ответственном этапе перехода к внедрению передовой технологии в черной металлургии. Идет освоение новых агрегатов, расширение завода, его модернизация. Я уверен, и в этой области мы можем многому научиться у Советского Союза.

ПРАВИНА РИСУЕТ МИР

С 1970 года издающийся в Индии на многих языках народов этой страны журнал «Совьет лэнд» проводит общеиндийский конкурс детского рисунка. Свои работы в редакцию присылают юные художники из разных концов республики. Представительное жюри определяет пятерых победителей. Традиционные награды — путевки в Артек. Мне несколько раз доводилось присутствовать на пресс-конференциях, организуемых в советском информационном центре по возвращении ребят из поездки в СССР, слушать их восторженные рассказы о днях, проведенных на берегу Черного моря.

Среди лауреатов премии этого года — 12-летняя Годавари Бобби Прискила Правина из города Гунтур. Смуглая, большеглазая девочка с тугими косичками и открытой улыбкой охотно делилась впечатлениями:

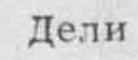
— В Артеке мы поняли, что все советские люди — и дети, и взрослые — хотят мира и дружбы,— рассказывала она.— У нас появилось много верных друзей, никогда не забудем мы гостеприимство и теплоту чувств...

Правина сегодня в центре внимания прессы. В начале ноября в посольстве СССР в Индии школьнице из штата Андхра-Прадеш был вручен ответ Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на ее письменное обращение, адресованное также премьер-министру Индии Радживу Ганди. Правина призывала политических деятелей сделать все возможное для сохранения мира, для устранения угрозы ядерного пожара. «Если дети, которым свойственно петь и смеяться, думают сегодня о грозящей опасности—значит взрослые должны осознать, что мир действительно подошел к критической черте,—говорилось в письме М. С. Горбачева.— Есть только один путь назад от пропасти: уничтожить ядерное оружие, больше не производить и не совершенствовать его. Советский Союз готов действовать именно так и призывает к этому все страны мира».

Созвучен этим словам был и ответ Р. Ганди, который подчеркнул, что руководители государств не должны пренебрегать призывами детей к миру, и выразил уверенность, что в борьбе против распространения ядерного оружия будет одержана победа.

— Я счастлива, как руководители наших стран откликнулись на мое обращение,— сказала мне Правина.— Конечно, можно было только мечтать о том, что получу ответы от товарища Горбачева и премьер-министра Раджива Ганди. Но я была полностью уверена, что меня поймут и поддержат. Артек помог по-настоящему оценить значение дружбы. Если бы планета была похожа на него, все люди жили бы в мире. И еще я думаю, что мечты всех детей о том, чтобы иметь возможность играть, учиться в школе, читать любимые книжки, счастливо жить со своими родными и друзьями, могли бы осуществиться, окажись повсюду такая дружба, как между нашими странами.

Дели

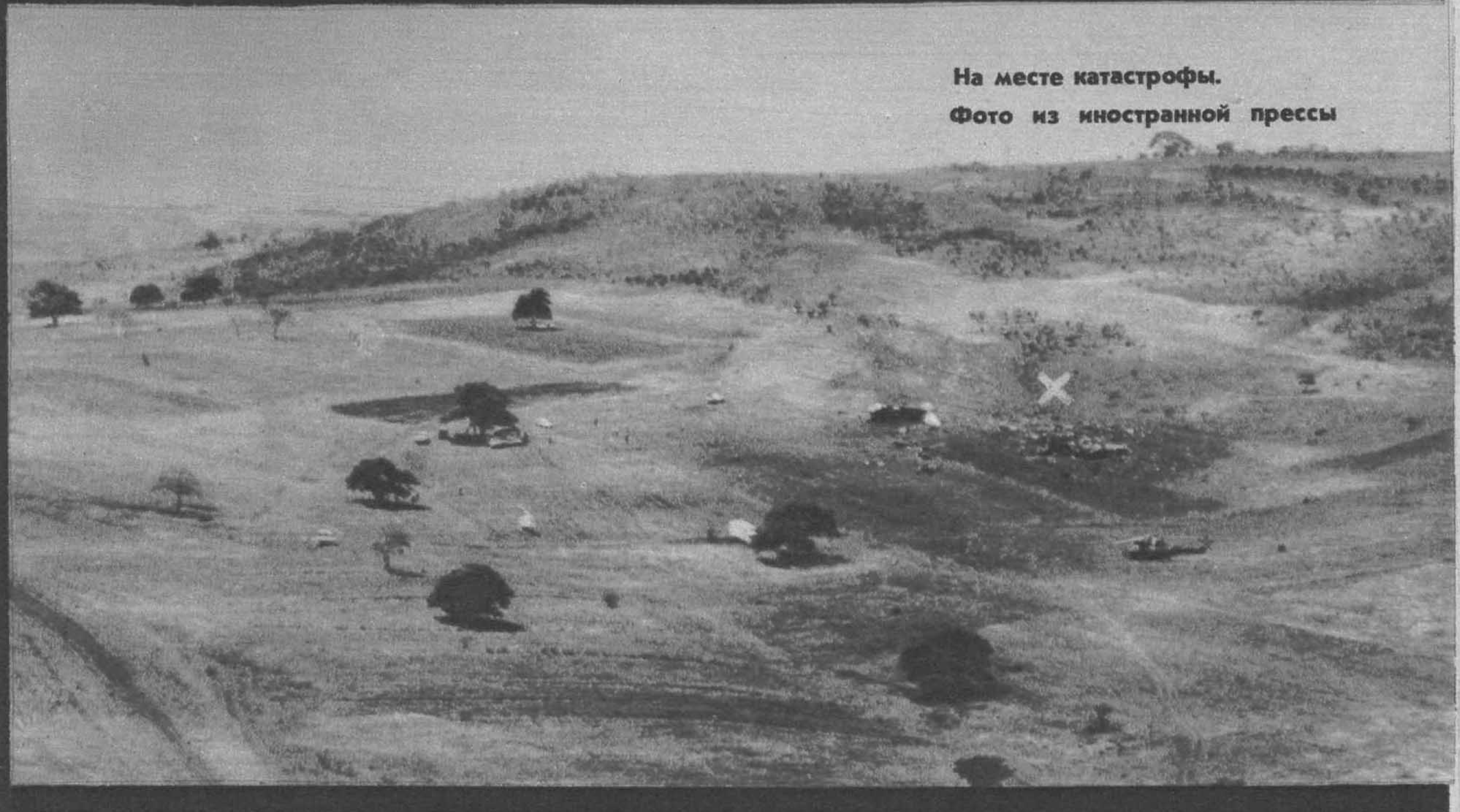

Правина с письмом М. С. Горбачева.

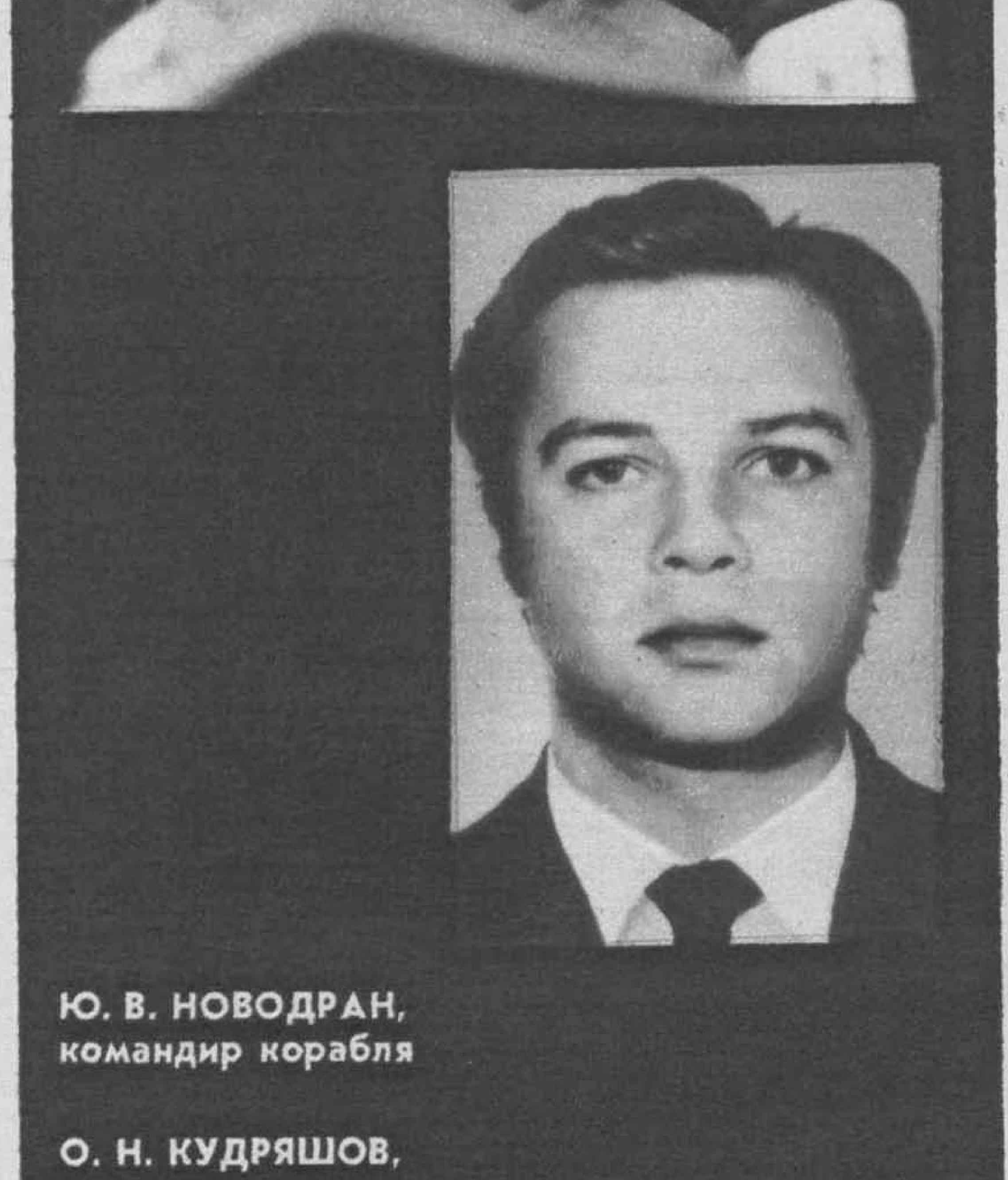
ОНИ ЧЕСТНО ИСПОЛНЯЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ. БЫЛИ ПРОФЕССИОНАЛАМИ ВЫСОКОГО КЛАССА, ЛЮДЬМИ БОЛЬШОЙ ДУШИ. СЕГОДНЯ МЫ ВПРАВЕ СКАЗАТЬ, ЧТО СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ ПОГИБЛИ НА ПЕРЕДОВОЙ, А СЧЕТ ЗА ЖИЗНЬ ЭКИПАЖА И ОСТАЛЬНЫХ ПАССАЖИРОВ Ту-134 ПРЕДЪЯВИТЬ РАСИЗМУ.

На месте катастрофы.

Фото из иностранной прессы

Ю. В. НОВОДРАН, командир корабля

О. Н. КУДРЯШОВ, штурман

И. П. КАРТАМЫШЕВ, второй пилот

А. А. ШУЛИПОВ, радист

Олег ПЕТРИЧЕНКО, собкор «Огонька»

Фото Ю. Щенникова и из семейных архивов погибших летчиков и В. Б. Новоселова

МАПУТУ. Сегодня радио Мозамбика распространило коммюнике Политбюро ЦК Партии Фрелимо, в котором говорится, что самолет, на котором президент НРМ Самора Машел возвращался из Лусаки, разбился на территории ЮАР в районе провинции Наталь. Самора Машел возглавлял делегацию НРМ на переговорах с президентами Замбии, Анголы и Заира.

(ТАСС, 20 октября)

Радость и беда пришли в эту семью рука об руку...

Долго стою у дверей, не решаясь нажать на кнопку звонка. Волнуюсь: что там? Как встретит меня человек, переживший, по сути, собственную смерть? В каком он состоянии? Сможет ли, захочет что-либо рассказать?

Дверь открыла жена, Надежда Владимировна. Не удивилась, не спросила, кто. Молча кивнула головой в сторону гостиной, негромко сказала: «Володя, к тебе».

Запахнув полы халата, он... встал. Едва заметно, виновато как-то улыбнулся, чуть похлопав рукой по правой, закованной в сталь какого-то аппарата ноге. Предложил: «Давайте сядем к столу, вам будет удобнее». Удивился: «Как узнали, что я уже здесь?»

Удивление понятно. По дороге сюда, на Пулковское шоссе, купил свежий номер «Известий», обратив внимание на заголовок: «Ж. Чиссано: Я знал этот экипаж».

Даю газету Владимиру Борисовичу.

«Система апартеида известна во всем мире как преступление против человечества, поэтому так важна борьба, которую мы ведем. Советские летчики погибли в этой борьбе, как многие мозамбикцы, как наш президент Самора Машел. Но борьба будет продолжаться»,— сказал Председатель Партии Фрелимо, нынешний президент Народной Республики Мозамбик Жоаким Алберту Чиссано в беседе с советским бортинженером Владимиром Новоселовым. Он находится сейчас на излечении в одном из госпиталей Мапуту, куда его перевели из военного госпиталя Претории.

Бортинженер В. Новоселов — единственный оставшийся в живых из советского экипажа президентского самолета Ту-134, который 19 октября разбился на территории ЮАР...

У меня, продолжал президент, особое отношение к случившемуся. Я летал на этом самолете и лично знал каждого члена экипажа. Это были простые, открытые люди, прекрасные специалисты. Нам всем их будет недоставать».

— Самому не верится,— говорит Новоселов.— Сколько лет в авиации, а все не привыкну к тому, что земля такая маленькая. Еще вчера жара, Африка — и вдруг поздняя осень, Ленинград, и сын с дочкой бегают счастливые — к школьным друзьям вернулись. Как будто и не уезжали никуда.

А позади полтора года, отданных чужим краям, чужому небу. Впрочем, чужим ли? Скорее дальним. В мае 1985 года экипаж в составе командира Ю. Новодрана, второго пилота И. Картамышева, штурмана О. Кудряшова, радиста А. Шулипова и бортинженера В. Новоселова сменил земляков-ленинградцев, в течение двух лет обслуживавших самолет президента Саморы Машела.

Их пригласили на работу не только как опытнейших специалистов, досконально знавших Ту-134, достигших в своей профессии того максимума, что дает сплав опыта и таланта. Их позвали как друзей-интернационалистов, твердо убежденных в правоте дела, за которое сражается молодая республика. Ее история прошита пулями колониза-

МАМА, ТЫ НЕ ВЕРЬ, ПАПА ЖИВОЙ...

Бортинженер В. Б. НОВОСЕЛОВ с детьми — Антоном и Еленой.

торов, мечтавших превратить Мозамбик в своего рода «коллективную колонию» высокоразвитых империалистических держав. Вооруженная борьба, начатая в 1964 году Фронтом освобождения Мозамбика (Фрелимо), разрушила план расистов. Воистину звериную ярость вызывают у них успехи страны в укреплении своей политической и экономической независимости, осуществлении социально-экономических преобразований для создания предпосылок строительства социализма. Постоянно растущий авторитет республики, ее президента стал ощутимой помехой захватнической политике иностранных монополий, привыкших видеть в Южной Африке прежде всего фантастически богатую кладовую дешево достающихся минерально-сырьевых ресурсов. Верный сторожевой пес империализма — реакционный режим ЮАР — не раз угрожал Машелу физической расправой, крепко «обиделось» на него и ЦРУ, агенты которого, действовавшие под видом дипломатов, были решительно выдворены из Мозамбика в начале 80-х годов.

Так что не просто трудная, крайне опасная работа ожидала ленинградских летчиков. Беззащитный пассажирский самолет — заманчивая мишень для врага, а современная боевая техника располагает широким арсеналом средств, позволяющих достать его практически на любой высоте. Авиакатастрофы, унесшие жизнь Омара Торрихоса, других прогрессивно мыслящих политических деятелей, неугодных западным спецслужбам, не раз использовались ими и как средство мести, и как способ устрашения тех, кто посмеет отстаивать собственные взгляды на судьбы мира, бороться против апартеида, за международную безопасность и разоружение.

Самора Машел был одной из самых ярких фигур современного национально-освободительного движения, и жизнь его постоянно находилась в перекрестье прицела. О попытках убить его на земле рассказывала печать, о том, что смерть поджидала его и в воздухе, я впервые услышал от Ю. Петрова, бортмеханика предыдущего экипажа.

Познакомился с ним в штабе Ленинградского объединенного авиаотряда, куда приехал, чтобы узнать что-то о жизни, биографиях погибших ребят. А первое, что случайно узнал,— о возвращении В. Новоселова. Состояние его, судя по телефонному разговору, было тяжелым, просили прислать носилки, машину. Решил встречать, хотя меня честно предупредили: никаких расспросов, пока не даст разрешения врач. Могли бы и не предупреждать, меня интересовало только одно: куда отвезут Владимира Борисовича — в больницу или домой. Если домой, значит, все не так плохо.

Ну, а пока командир авиационного подразделения В. Ермолаев скупо перечисляет...

Коммунист **Юрий Викторович НОВОДРАН.** 25 лет назад окончил Сасовское летное училище под Рязанью. Освоил несколько типов самолетов и только на Ту-134 налетал свыше шести тысяч часов, в том числе более двух тысяч — ночью.

Коммунист **Игорь Петрович КАРТАМЫШЕВ** — выпускник Кременчугского летного училища. В 1984 году получил диплом Академии гражданской авиации. Четыре тысячи часов в воздухе, из них более тысячи ста — ночью.

Коммунист **Олег Николаевич КУДРЯШОВ** окончил Челябинское высшее военно-авиационное училище штурманов и Академию гражданской авиации. Налетал тринадцать тысяч часов.

Коммунист **Владимир Борисович НОВОСЕЛОВ.** За плечами Егорьевское авиационное техническое училище, Московский институт инженеров гражданской авиации, более шести тысяч часов полетов.

Беспартийный **Анатолий Александрович ШУЛИПОВ** после окончания школы воздушных радистов и школы высшей летной подготовки налетал свыше четырнадцати тысяч часов.

— Все это лишь цифры,— вздыхает Ермолаев.— Разве ими талант измеришь? Я, например, с Новодраном летал вместе. Он пилот-наставник, других учил. Так вот, когда сидишь рядом с ним, понимаешь, что это не просто ас, это человек, одаренный, помимо всех качеств, еще и особым чувством неба. Из тех, кто родился, чтобы летать,— другой профессии у него и быть не могло. Не представляю естественно сложившейся ситуации, из которой он не сумел, не смог бы найти выход.

— Но ведь условия полетов в Африке, наверное, все же отличны от европейских?

— Об этом вам лучше расскажет Петров,— представил Валентин Михайлович вошедшего в кабинет человека.— Юрий Васильевич два года там летал.

— Да особо рассказывать нечего,— усмехнулся Ю. Петров,— условия как условия. Правда, грозы сумасшедшие бывают, к тому же внезапные. Но к ним приноровились, да и метеослужба обычно не дремлет, предупреждает. А в остальном все нормально, к природе особых претензий нет. Но напряжение, конечно, всегда чувствуешь. Были случаи, когда в наш самолет стреляли. Однажды ночью на подходе к Мапуту, километрах в сорока от него, ракетами ахнули. Хорошо, заметили, успели уйти в сторону.

Гроза была упомянута Ю. Петровым не случайно. Именно на погодные условия ссылались расисты, объясняя гибель самолета на своей территории. Вместе с тем французская «Либерасьон» сообщила, что «жители деревни, расположенной в пятистах метрах от места падения мозамбикского самолета... показали, что в момент катастрофы в этом районе не было дождя...». А вот что еще писали в те дни газеты.

ЛИССАБОН. Как передало со ссылкой на источники в ЮАР португальское информационное агентство АНОП, перед падением самолета, на котором летел президент Мозамбика, в средней части фюзеляжа произошел взрыв. Об этом говорит и тот факт, что уцелели лишь пассажиры, находившиеся в носовой и хвостовой частях салона.

ЛОНДОН. Самолет президента Машела взорвался за несколько минут до того, как коснулся земли, сообщила британская телекомпания Би-би-си, ссылаясь на свидетельства очевидцев.

ЛУСАКА. Президент Замбии Кеннет Каунда прямо обвинил режим Претории в причастности к трагической гибели президента Мозамбика. Эта трагедия была спланирована Южной Африкой, заявил он.

Еще 15 октября, напомнил Каунда, министр обороны ЮАР Магнус Малан угрожал «прифронтовым» государствам, в том числе Мозамбику и Замбии, обвинив их в «террористической деятельности». Эти угрозы расистов — одно из свидетельств их причастности к случившемуся. Гибель С. Машела, подчеркнул президент, наглядно показывает, что режим Претории не намерен останавливаться ни перед чем ради сохранения системы апартеида.

— Что же случилось с самолетом?— с этого вопроса и начался наш разговор с бортмехаником Новоселовым.

— Поймите меня правильно,— сказал Владимир Борисович,— я имею моральное право высказать только свою личную точку зрения. В момент аварии потерял сознание и пришел в себя через двое суток. Хорошо помню лишь последние часы, минуты перед этим провалом. Но все версии о плохой погоде, технических неисправностях считаю несостоятельными. Ту-134 — прекрасная машина, из лучших в мире, и работала как часы. Да и случись невероятное — какая поломка,— Новодран сумел бы использовать самый минимальный шанс для благополучной посадки, летчик был милостью божьей.

Да, в жизни командира уже была критическая ситуация. В 1981 году при взлете в Киеве у его Як-42 отказал двигатель. Но не дрогнул, не растерялся командир, спас и машину, и многие десятки человеческих жизней. А продолжался взлет всего 35 секунд. Сколько мгновений на решение отпустила ему судьба в этот раз?

— Постепенное, плавное снижение мы начали еще за 220 километров от Мапуту,— продолжал В. Новоселов.— Когда до аэродрома оставалось около семидесяти километров, Новодран выключил автопилот, попросил всех подготовиться к посадке. Ничего подозрительного, необычного не обнаружили, без сомнений пошли на радиомаяк.

— Могли ли вам помочь такие приметные ориентиры, как огни города, океан?

— Нет, все вокруг было затянуто дымкой. Африканская ночь несравнима с нашей, после восемнадцати все как черной тушью заливает. Местные жители, например, даже обязаны вечером носить белые одежды, иначе человека просто не видно. А мы начали заходить на посадку около 21.00. А потом вместо полосы мы вдруг коснулись склона горы. Рассматривая фотографии места происшествия, могу только восхищаться самообладанием командира. В последний, роковой миг он успел-таки подобрать рули на себя, а это давало надежду не разлететься вдребезги при следующем касании.

— Вы показываете на снимке границу. Она что, так близко?

— Да, колючая проволока, обозначающая ее, примерно в 250 метрах от места падения. Еще бы чуть-чуть — и мы упали бы на территории Мозамбика. Хитро задумано, спрашивать было бы вроде и не с кого.

— Значит, вы считаете...

— Уверен, это был мощный радиомаяк, установленный для того, чтобы сбить нас с курса. Но, повторяю, это — мое личное мнение. Окончательный ответ даст специальная комиссия, созданная для расследования причин катастрофы.

Понимаю Владимира Борисовича. Но из всех допустимых версий (мина на борту, сбили с земли и т. п.) эта кажется мне наиболее убедительной, хоть подлость вполне могла быть задумана и с двойным «запасом прочности» (радиомаяк и мина в салоне, для надежности).

Разумеется, это тоже только мое предположение, не претендующее на какую-либо официальность. Однако есть такой инструмент познания, как логика. И логика диктует самый главный вопрос: кому выгодно происшедшее? Ответ однозначен.

«Как могло случиться,— писала мозамбикская столичная «Нотиси-

аш»,— что абсолютно исправный самолет, уже видимый на экранах радаров международного аэропорта Мапуту, вдруг изменил курс и разбился на территории ЮАР? Как могло случиться, что наземные службы ЮАР, сопровождавшие президентский самолет с помощью аппаратуры слежения от Лусаки до места катастрофы, информировали мозамбикскую сторону об аварии с более чем шестичасовым опозданием? Ответ может быть только один — совершено преступление».

Я встречался с родственниками погибших, и это были минуты, когда проклинаешь свою работу — видеть чужое горе невыносимо. В памяти звучат слова товарищей:

— Новодран? Вы посмотрите, какая у него улыбка! Общительный, всегда доброжелательный. Встретиться с ним все равно что с солнцем в пасмурный день — заряд бодрости получаешь надолго.

— Картамышев? У него жизнь, считай, только начиналась — еще и тридцати нет. Недавно женился. Очень способный летчик, иначе бы такую работу не доверили.

— Кудряшов? Детей любил самозабвенно. И ребятишки это как чувствовали, где ни приземлимся, стаями к нему слетались. Дарил им все, что было при себе, вплоть до мыльниц. Еще подшучивали, что как-нибудь он из рейса в одних плавках вернется.

— Шулипов? Золотые руки, кажется, умел делать все на свете. Кому нужна помощь, чтобы квартиру отремонтировать или в гараже покопаться с машиной, всегда звали его. Безотказный, надежнейший человек.

— Хорошо знали мы и президента,— говорит Новоселов.— Народ его любил искренне, это чувствовалось, действительно народный вождь. Ну, а в общении прост, к нам в пилотскую кабину частенько заглядывал, показывал сверху, где воевать пришлось. Очень следил за собой, всегда брал в поездки велотренажер, накручивал на нем десятки километров. С сыном кроссы по пляжу бегал. И в других расхлябанности не любил. Встречают его друзья в каком-нибудь аэропорту, и, если кто успевал животик отрастить, непременно шутя похлопает: мол, убирать надо...

— Почему вы оказались в Претории?

— Непонятно. Мапуту было куда ближе, а они меня увезли к себе аж за двести верст. Очнулся, слышу английскую речь. Потом появились наши — вице-консул, врач-травматолог, Надя. Первое, о чем спросил жену: как там ребята? Она заплакала. Ну, а мне до слез жалко и самолет — какую прекрасную машину сгубили!

...Тогда он еще не знал, что пережила Надежда Владимировна, услышав черную весть: погиб весь экипаж. Кто совершенно не поверил случившемуся — это одиннадцатилетний Антон и десятилетняя Лена. «Мама, ты не верь, папа живой»,— сразу сказали они. И, всем смертям назло, оказались правы.

Никто сейчас уже не скажет, были ли шансы на счастливый исход у остальных. Из пилотской кабины всех в момент удара вышвырнуло наружу, разбросало, а дальше... Дальше до утра вокруг ходили полицейские, собирая деньги, документы, диппочту. На стоны раненых никто не обращал внимания. Из 63 человек уцелело десять.

Счет за остальные жизни мы вправе предъявить расизму.

первый этаж города

КАФЕ ДЛЯ ПОЛУНОЧНИКА

ЗАМЕТКИ О РАБОТЕ ВЕНГЕРСКОЙ ИНДУСТРИИ УГОСТИТЕЛЬСТВА

К. БАРЫКИН,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

У «Таверны» свой едок. Это человек, который спешит. И тот — нередко это один и тот же человек,— кошелек которого не обременен лишними форинтами. «Таверна» кормит быстро и недорого. Тут, сами понимаете, нет блюд, что можно получить только в подвальчике «У Матьяша», но здесь не напорешься и на еду случайную, невкусную. У «Таверны», кроме своего едока, есть свой стиль и свой ассортимент — он выдерживается неукоснительно. И рано — работает кафе с трех утра, да и за полночь — закрывается оно в час ночи. Всегда горячие, прямо с плиты бифштексы, кофе с горчинкой и ароматом, по которым и узнается, как сварен этот популярный у будапештца напиток... Всегда вас ждут пирожные и булочки,

Покровитель торговли — Меркурий. Он стоит на самой оживленной пешеходной улице города.

Горячую сосиску или котлету можно купить на ходу.

стакан сока. Если же очень понравился вот тот марципановый крендель или надо прихватить с собой «гамбургер», вам быстро, ловко и доброжелательно все упакуют в ладную коробочку—то ли из особого картона, то ли из вспененной пластмассы. И не помнешь еду и не остынет она тотчас...

— Недостатка в посетителях не испытываем, но за клиента держимся. Хотим, чтобы к нам приходили снова и снова,— говорит заместительница заведующего кафе Лапошне Солоки. Она опытна и рассудительна, двадцать пять лет отдала выбранному делу и ориентируется в нем так, как и положено ориентироваться профессионалу.

В «Таверне» работников столько, сколько нужно для дела. И я не видел, чтобы кто-то отошел от стойки, к примеру, посудачить с подругой.

Девушки — а младшей нет еще и семнадцати — работают. В понятие «работа» входит не только качество еды, не только порядок в зале, не только аккуратные столики и стойки, но и два-три слова с постоянным посетителем, улыбка впервые заглянувшему в «Таверну» человеку. Дети — особая категория посетителей. Здесь кормят так, что родители даже поощряют, если их чада по дороге из школы или спортклуба перекусят в той же «Таверне».

Работники кафе подумали и о ребятах, и о спокойствии мам, и о своем товарообороте. Они учредили симпатичные блокнотики — «дневнички», на обложке нарисована аппетитная булочка с котлеткой, а на обороте схема городских улиц с отмеченными кафе «сити-гриль». На развороте расчерченные на клеточки страницы. Пришел в кафе, а тебе вместе с бифштексом дают такую карточку и вклеивают в нее яркую марочку. Еще раз позавтракал — еще одна вклейка. Если дома поинтересуются «дневником», все как на ладони. Да и ребятам эта игра интересна. За заполненную марками карточку можно получить приз...

Ночью посетитель редок. Но будапештец знает, в «сити-гриле» его ждут в любое время суток. Ночные часы могут показаться чуть убыточными для экономики кафе, но они нужны для популярности «Таверны». А без популярности нет и экономики.

Похоже, больший доход организаторам индустрии угостительства приносят не элитарные кафе, варьете и рестораны, а именно массовое, быстрое, доступное, я бы сказал, близкое питание. Именно близкое. В пятнадцати метрах от той же «Таверны» — «экспрессо», заведение с более широким ассортиментом. Побогаче выбор пирожных, тут пять-шесть сортов мороженого, отличный кофе, соки на самый капризный выбор, а горячая еда насчитывает пять-шесть блюд. Словом, можно поесть основательно. Но чуть-чуть дороже, чем в «Таверне».

Напротив «экспрессо» — прямо на тротуаре стоят несколько стеклянных «домиков» с небольшими электропечками. Здесь вы всегда получите котлету, только что приготовленную, с жару, вместе с зеленью и соусами положенную в разрезанную булочку.

«Еда на ходу»,— говорят тут. И не пренебрегают такой едой.

Приходится искать и находить— чем и как привлечь к себе клиента, как сделать, чтобы он, клиент, открыл дверь именно в этот кафетерий, а не в соседний, чтобы он и сам остался доволен приготовленным в этом ресторанчике гуляшом или фруктовым супом и друзьям посоветовал их.

— Несколько лет назад мы столкнулись с проблемой нерентабельности. Некоторые ресторанчики и кафе стали работать без прибыли, могли перейти в разряд убыточных.— Мы беседуем с доктором Ласло Беницем, который руководит отделом в министерстве внутренней торговли, редактирует к тому же «общепитовский» журнал. Тогда-то и пришла мысль передать такие заведения на подряд. Объявили конкурс. Собрали опытных организаторов ресторанного дела, официантов, именитых поваров. Сказали: «Кто из вас взял бы такой ресторан на договор?»

— На поруки? — улыбаюсь я.

— В какой-то мере так, на поруки,— не возражает Ласло Бениц. И продолжает:

— Оказалось, вести самостоятельную, ответственную работу желающих больше, чем было прогорающих ресторанчиков. Чем объяснить? Руководители договорных ресторанов ведут творческую, подлинно коммерческую работу. Она не скована инструкциями и приказами. В конце концов главный человек в ресторане — гость. Он, его запросы и должны диктовать условия работы!

В договорном ресторане все поставлено в прямую зависимость от клиента. Нравится — будет сюда заходить, появится постоянный клиент (и постоянный доход), поднимется и благополучие работников ресторана. Всех — от директора, что на договоре, до повара.

— Мы многое определяем. От меню до того, какие и где продукты покупать,— объясняет мне Эрвин Аубел, договорный директор ресторанчика с улицы Акаций.— Договор на пять лет. Недавно срок моего первого контракта истек Снова был конкурс...

— И много претендентов?

— Были,— не вдается в подробности Эрвин.— Но меня поддержали в коллективе и на предприятии, в которое входит наш ресторан.

Эрвин Аубел снова директорствует... Он деликатно ушел от вопроса о его личных заработках и от выяснений, сколько получают повара и официанты. Судя по всему, здесь подобралась хорошая команда, коллектив, где интересно и выгодно всем.

Сейчас на договорных началах в Будапеште, других городах организуется работа нескольких тысяч небольших предприятий, в каждом занято по десять — двенадцать человек. Проверки института контроля качества товаров и услуг подтверждают: уровень обслуживания в таких «точках» высок и стабилен.

— Предложение должно превышать спрос!— говорит Ласло Бениц.— Только тогда не клиент будет искать кафе, а произойдет обратное. Количество обеспечит качество. Наша ближайшая программа — вывести из первых этажей центральных улиц и площадей бюро и конторы, отдать их индустрии угостительства. Квадратный метр кафе приносит казне доход, а квадратный метр конторы — пусть не всегда, но частенько только вынимает из городского кошелька форинты...

— Да и заметили мы,— смеется Ласло Бениц,— что бюро и конторы лучше работают, если они расположены не в центре города.

— Соблазнов меньше?— спрашиваю.

— Может быть...— не уточняет собеседник.

Будапешт — Москва.

ПОБРАТИМАМ — СОРОК ЛЕТ

Шел второй год мира... Польша еще залечивала раны, нанесенные войной, а в киосках возрождающейся к жизни Варшавы появился новый журнал. Небольшого формата, на желтоватой газетной бумаге, с черно-белыми фотографиями... Надо было, однако, видеть, с каким неподдельным интересом варшавяне стремились получить в руки новое издание. «Пшиязнь» — «Дружба» — с этим названием журнал прошел все послевоенные десятилетия.

О, годы! Если собрать воедино все вышедшие номера, получится не один увесистый том хроники. Вернее, художественной летописи дружбы двух наших стран, скрепленной совместно пролитой кровью на фронтах войны, затем испытанной в годы мирного строительства. Такой остается «Пшиязнь» и сегодня, награжденная одной из высших наград ПНР — орденом «Штандар працы» за вклад в укрепление польско-советской дружбы.

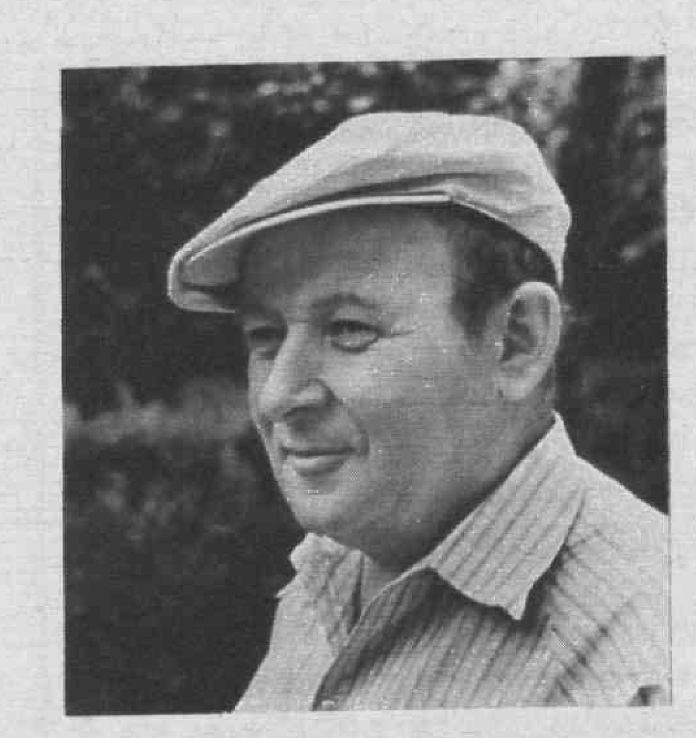
Этот вклад вырастает из путешествий сотрудников редакции по просторам Страны Советов. Плод поездок — портреты современников, героев труда и науки, репортажи о совместных проектах в промышленности, сельском хозяйстве, прямых связях и кооперации. Широте охвата «Пшиязни» можно позавидовать. Экономика и культура, общественная жизнь и образование — словом, все сферы, включая новинки моды для женской половины читателей и адреса для переписки юным.

Давно, очень давно журнал перестал быть только для польских читателей. Его получают и подписчики нашей страны. Включая тех, кто еще не изучил язык друзей. Для них есть обязательное русское приложение-вкладыш, маленький журнал в журнале...

От всей души «Огонек» шлет привет побратимам в год их 40-летнего юбилея.

РАССКАЗЫ

Константин
ВАНШЕНКИН

Любителям поэзии хорошо известно имя Константина Ваншенкина. Часто обращается он и к прозе. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию три рассказа писателя.

ФЛАЖОК

Праздники... Как там у Твардовского?

И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

Нам же запомнились не попы. Старинные праздники остались связанными с блинами, куличами, крашеными яйцами... Престольные праздники, их приметы, большей частью метеорологического свойства. «Если на Самсона дождь, значит, будет идти еще сорок дней...»

Новым праздникам дополнительные приметы не требуются. Они сами примета жизни. Первомай. С детства и навсегда чуть свет уже марши и песни из домашних и уличных репродукторов, духовой оркестр где-то невдалеке. Ярко-красное сквозь первую нежную зелень... Октябрьские. Крепкая, приморроженная земля. Снежная крупка в лицо. Волшебные слова: «Аврора», Зимний, Смольный... День Красной Армии. Впервые с начала службы белый хлеб в училище, еще в сорок третьем... Восьмое марта. Желтые веточки мимозы. Любимые женщины... Не только на работе, но и в школе, подарки к двадцать третьему февраля и к восьмому марта. Не подарят девочки, сами не получат. Таким образом, двадцать третье стало просто мужским праздником... И девятое мая. Моя жена недавно сказала, что этот праздник, как Новый год,— настолько же общий, настолько же личный, трогательный... А что! С этого рубежа вполне можно было бы начинать счет дням. Между прочим, в некоторых странах, в Азии, Новый год вообще летом.

День Победы — особый, кровный наш праздник.

9 мая 1986 года позвонила днем Вела Орлова, поздравила и, волнуясь, рассказала, что сегодня прямо с утра, после дежурства — она работает в Лужниках, на теннисных кортах,— поехала на Кунцевское кладбище к Сереже. Народу в автобусе было мало, и уже на Можайском шоссе она вдруг заметила на противоположной стороне мостовой, посреди асфальта, красный флажок, видимо, выбитый ветром из гнезда шибко идущего троллейбуса или иной машины.

И тут же автобус их остановился.

— Ну, что там еще! — недовольно воскликнул сидящий рядом человек, не видевший причины.

Водитель, молодой парень, открыл левую дверцу, спрыгнул, перебежал на сторону встречного движения, поднял флажок, вернулся и укрепил его над своим окном. Теперь уже многие пассажиры обратили на это внимание.

Через две остановки Веле было выходить, и она спросила водителя, как его зовут.

— Роберт,— ответил он.

— Спасибо тебе от вдовы солдата.

— Я сам в Афганистане был,— сказал он серьезно и растворил перед ней двери.

— Вернулась, чувствую, нужно рассказать кому-то об этом, а тут, едва вошла, слышу, по «Маяку» поют «Алешу», и решила позвонить тебе,— сказала она со слезами в голосе...

АЛЕША И АЛЕНА

Алеша Иноземцев женился поздно, по понятиям родителей.

Сперва им это нравилось, что он такой серьезный, усидчивый, занимается много. Но и тогда друзей у него было полно, и девочки приходили, сначала одноклассницы, потом однокурсницы, и среди них попадались симпатичные,— Капитолина Григорьевна во все вникала, со всеми знакомилась.

Жили Иноземцевы раньше в коммуналке, но когда Алешка был еще детсадовского возраста, вступили в кооператив по месту работы, в один из первых, дешевый еще. Но все равно записались на маленькую двухкомнатную квартирку, и, когда сын подрос, стало тесно.

Алексей окончил институт с отличием, взяли в солидную фирму, и все шло у него успешно, но и время шло. И тут родители слегка забеспокоились: внука надо бы. Прямо, конечно, не говорили, намеками, а он будто бы не понимал.

Девушки появлялись, но все как-то не так: эта — просто товарищ, та — жена друга. Была правда, одна, Аня, очень им нравилась, маленькая, приветливая, из Перми. Бывала, можно сказать, постоянно, и по праздникам, и на днях рождения, и так стала своим человеком, почти членом семьи.

Тут уж они за него взялись: не тяни, где ты еще такую найдешь! И тайно подали заявление в правление — пока на однокомнатную, а то ведь тесно будет вчетвером.

А сын посмеивается, кивает, но все на месте. Аня поехала в командировку длительную, потом реже стала бывать, совсем редко и вообще исчезла. Капитолина Григорьевна до этого пыталась с ней как-то пооткровенничать как союзница, но ничего не получилось, та уклонялась, отнекивалась, отмалчивалась. На том и окончилось.

И вдруг, года два уже прошло, он говорит:

— Друзья! Сообразите завтра что-нибудь на стол, приду с товарищем...

Они удивились:

— С каким товарищем?

— Со знакомой.

И привел. Но это была уже не Аня. Алена! Дело, разумеется, не в имени. Эта была другая — высокая, подкрашенная, правда, в меру. Курила. Пепельницы в доме не нашлось, задевалась куда-то, она длинным розовым ногтем сбрасывала пепел на блюдечко. Держалась вежливо, сдержанно.

Потом Алешка повел ее провожать, а они с Валерием Денисовичем даже не обменялись мнением. Вымыли посуду и сели смотреть телевизор. По Московской программе передавали третий период «Спартак» — «Торпедо».

Сын вернулся нескоро, веселый, чуть смущенный, она знала за ним такую манеру, сказал бодро:

— Ну, что, не понравилась? А ведь показывать приводил. Женюсь! — и засмеялся.

— Шутишь? — спросила она тихо, хотя знала, что это правда.

— Но вы же сами хотели!

Свадьба была в кафе «Молодежном», и действительно преобладала молодежь, но и пожилые присутствовали, какие-то его начальники и руководители. Говорили об Алексее уважительно. От невесты были двоюродный брат, быстро упившийся, и древняя бабка. И она, и старшие Иноземцевы чувствовали себя здесь почти лишними. В какой-то момент отец, расчувствовавшись, сказал напутственную речь о долге и ответственности молодых перед обществом и друг перед другом, но затянул, и его плохо слушали.

Молодоженам выделили одну комнату, жить стали, конечно, по-людски, общим хозяйством, но Валерий Денисович вскоре первый заметил, что Алена старается по возможности ограничить общение с ними. А Капитолина Григорьевна говорила ей «ты» и долго настаивала, чтобы невестка называла ее мамой, но та почему-то упорно уклонялась от этой родственной привилегии.

Тут после ряда кооперативных передвижек подоспела однокомнатная квартира, которой добивались, имея в виду еще Аню, и молодые переехали.

Теперь они жили в том же доме, но бывали у стариков редко — Алена явно тормозила их отношения. Но когда заходили, все протекало нормально. Алешка любил рыться в своих старых книгах, что-то искал, и находил, и, увлекшись, тихонько счастливо смеялся. Алена иногда возмущалась:

— Да возьми ты их с собой!

Он этого не делал, так ему было интереснее.

Однажды, когда еще жили вместе, зашла к Алене подруга Дина, и они уселись на кухне пить чай. Алеши и отца дома не было. Капитолину не позвали. Она возмущенно походила по своей комнате, выдержала минут десять и появилась на кухне:

— А, чай пьете?

Алена промолчала. Дина пригласила:

— Садитесь, Капитолина Григорьевна.

Та налила чаю, подсела к столику.

Дина рассказывала:

— В пятницу норовит уже на дачу к родителям. Устал, говорит, отоспаться. Один норовит. Хоть бы ребенка взял. Так нет, прямо с работы.

— Теперь все такие,— усмехнулась Алена.

Капитолина Григорьевна слушала, расширив глаза.

— Возможно,— согласилась Дина.— Отдыхать только отдельно. Нет, не погулять. У меня тетя Глаша говорит: «Смотри, наверно, он у бабы». А я ручаюсь, что не у бабы! Зато на теннис у него хватает.

— Времени? — спросила Капитолина.

Та посмотрела на нее с сожалением, помолчала, ответила:

— И времени тоже.— Они обе закурили, и Дина добавила:

— У нас шеф новый, молодой, стройный такой. И тут выясняется, что холостой. Но ни на кого не глянет. Так его прозвали «холостой патрон»! — И засмеялась как-то задето.

— Так то шеф,— утешила Алена.— Чего захотела!

— Диночка,— сказала Капитолина Григорьевна, потрясенная услышанным,— а как там Света?

Света была одноклассница Алеши и в то же время знакомая Дины — мир тесен.

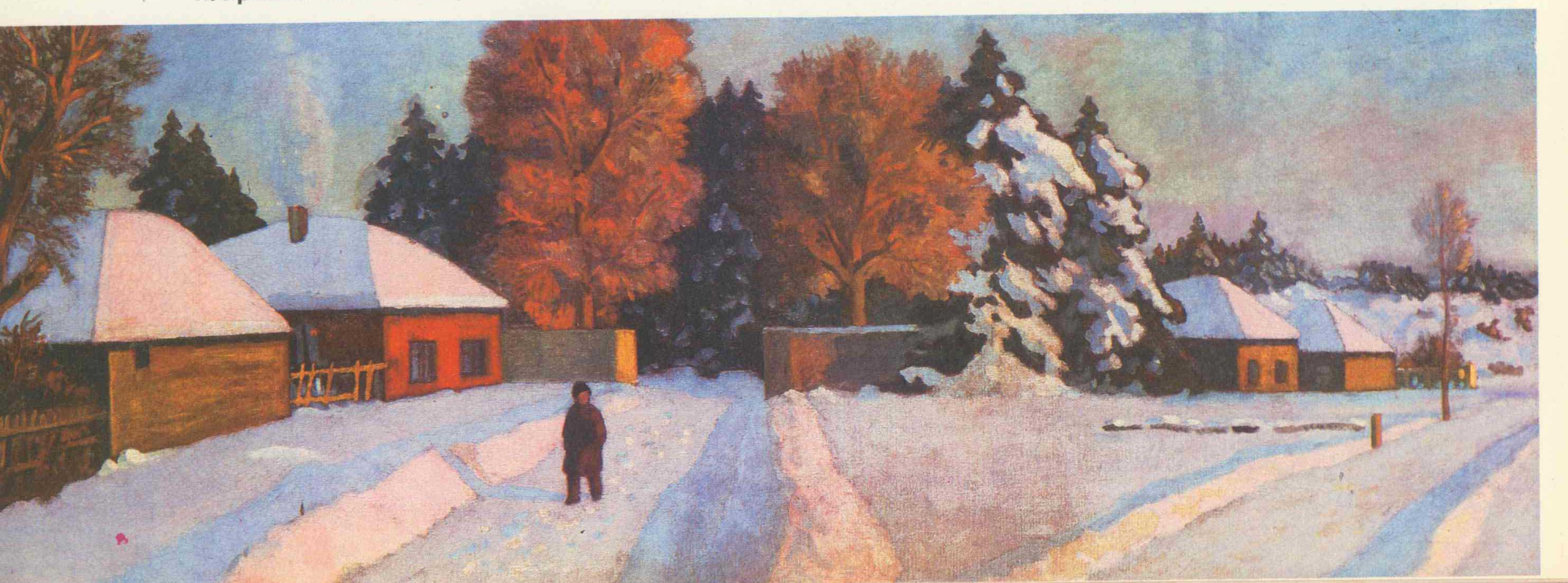
— Разошлась. Сама. Да нет, не пьет. Иждивенец он, понятно? Ну и что, что мальчик! Ну-

В. Серов. 1865—1911. ПЕТР I В МОНПЛЕЗИРЕ.

А. Бенуа. 1870—1960. ПРОГУЛКА.

Н. Крымов. 1884—1958. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

жен кому такой папаша! Вот Светка и говорит ему стишок детский:

Не хочу водиться,
Хочу разводиться!

А? И правильно!

Вечером, когда легли, Капитолина пересказала все это мужу.

— А ведь правда,— горячо дышала она ему в ухо.— И наш тоже — то к бабушке, то к другу. Поговори с ним, Валера...

— Я? Да ты что! — И вдруг расчувствовался, вспомнил: — А мы не так, бывало! — И обнял Капу.

Разговор все же произошел полгода спустя — Алена была на чьей-то защите, и Алешка заявился поужинать.

Валерий Денисович мигнул жене и, когда они остались одни, как-то особенно внимательно посмотрел в молодое худощавое лицо сына.

— Ну как, сынок, жизнь?

— Все в порядке.

— Диссертация?

— Заканчиваю.

— Ну, а дома как?

— Тоже все хорошо.

— Ты меня пойми правильно,— сказал отец, с трудом подбирая слова.— Мы ведь уже старые. Погоди, погоди, не молодеем. Как там у вас с этим?.. Нам ведь это тоже нужно, нас это еще тоже подержит на земле...

— Да брось ты, отец, ну что ты... Все будет хорошо. Но нельзя же воспринимать женщину как устройство по производству внуков.

Старшему Иноземцеву неожиданно страшно захотелось закурить — он бросил двадцать лет назад, и ни разу так не тянуло.

— Не хочешь так, государственно погляди.— Он помахал в воздухе ладонью, будто отгонял дым.— Мы сами сплоховали: не одного тебя надо было родить. Но время тяжелое было. Ты слушай: у моих родителей было трое детей, у матери твоей еще три брата, так? Значит, две пары произвели семерых. А мы только тебя одного. А вы вообще на нуле. Чем же это кончится?

— Демографическое исследование серьезное. Но не волнуйся, отец, скоро все будет.

— А как вы живете? — неожиданно закричал отец.

— Отлично.

— Помогает она тебе?

— Да ты что! Конечно. И я ей тоже.

— Что за шум? — заглянула мать.— Валера, успокойся.

Но тот уже не мог остановиться:

— Почему редко заходите?

— Папа, времени нет. Ну совершенно.

— Почему к себе никогда не зовете?

Алешка был обескуражен:

— Действительно. По той же причине, наверное. Другой нет.

— Мы вам поможем, не сомневайтесь,— пообещала мать.

— Диссертацию ей напишешь?

Позвонили в дверь.

— Есть хочешь? — спросил Алеша.

Алена улыбнулась:

— После защиты?

— Садись, чаю выпьешь,— пригласила мать. Она упорно отстаивала это свое «ты».

— Нет времени! — громко продолжал между тем Валерий Денисович, и Алена посмотрела на него с удивлением.— Нет времени! Удивительно, как раньше на все его хватало: гулять, ходить на футбол, в гости, в кино. На лодке кататься. Да оно раньше просто другое было! Раньше, еще в шестидесятые, если заменяли, скажем, вратаря в хоккее,— он повернулся к жене,— ему для разминки, для разогрева полагалось десять минут. Целых десять минут он разминался, а партнеры ему бросали, готовили его. Поняли? А сейчас — ни секунды! Вышел — вставай в ворота и играй! Жизнь не ждет, не дает поблажек, не прощает медлительности. Времени нет!

Все смотрели на него, пораженные его красноречием.

— Ну, монолог ты выдал, отец! Хоть на эстраду. А главное — правильно. Нет времени. Порой даже дослушать. Нам вот, например, пора.

— Ох, и ловкач ты, Алешка! — восхитился отец и добавил неожиданно: — Зато играли прежде вратари без масок! Сейчас трудно себе представить...

Когда молодые ушли, Иноземцевы вымыли посуду и сели смотреть телевизор.

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ САША

У него была замечательная, подаренная кем-то очень толстая китайская авторучка. В нее набиралось чуть ли не полпузырька чернил. А писал он в общих тетрадях под клеенчатой обложкой. Мог сесть и писать без остановки, пока свет не выключат.

Он сочинял идиллические рассказы о деревне. Он еще не догадывался, что должен писать про войну. Про море. Про то, как волна у причальной стенки готова разбиться вдребезги, лишь бы доказать свою силу и правоту. О придурковатых криках чаек. О стальной палубе катера, по которой гремят в полутьме не зашнурованные по тревоге ботинки. О том, как во время боя заклинило башню и его освободили только через двое суток, когда пришли на базу и разрезали броню автогеном.

Ему нужно было сразу писать об этом, но ведь никто не надоумил, а сам он тоже не скоро додумался.

Как все моряки, клешá он клал на ночь под матрас, а по воскресеньям утюжил на кухне общежития огромным, наполненным раскаленными угольями утюгом, отпаривал сквозь мокрое отжатое полотенце. Утюг готовила уборщица Зина — как самовар.

Мы с ним корешевали, вели общее хозяйство, вечерами часто гуляли по Москве.

Однажды он сказал небрежно:

— С девушкой хочу познакомить. С Оксаной.

— Меня?

— Посмотришь, во девка!

Эту фразу он повторял по дороге туда несколько раз.

Помню, нас почему-то мучила жажда, и мы выпили на углу по кружке пива. Так и вижу, как мы стоим друг против друга, держа пузатые граненые кружки, а в левой руке у каждого — горящая папироска.

Ехали на метро, вышли у привокзальной площади.

— Посмотришь, во девка!

— А я-то зачем?

— Ну, мало ли что. Вдруг у нее подруга, я тебе мигаю, ты говоришь: «Давайте я вас провожу»...

— На хрена мне ее провожать!

— К примеру. А пойдем куда-нибудь или дома останемся, я тебе мигаю, ты говоришь: «Эх, забыл, мне ведь нужно в Историческую библиотеку».

— Она уже закроется.

— Еще будет работать...

— Я тебе говорю.

Хорошо, я тебе мигаю, ты говоришь: «Мне нужно на выступление».

Я скажу: на обсуждение.

— Во! Прекрасно.— И опять: — Посмотришь, во девка!

Подошли к двухэтажному дому. Номер квартиры значился прямо на наружной двери. Сашка позвонил. Очень долго не открывали, потом дверь все же отворилась. На пороге стояла высокая девушка в длинном халате.

— Здравствуй, Оксана! — сказал Сашка прочувствованно.— А это мой друг, некто Костя.

Она даже не улыбнулась и стала подниматься по крутой деревянной лестнице.

Сколько потерял я в молодости дружков и приятелей из-за неразумности их жен и подруг! Достаточно было с их стороны самого слабого, неосознанного оттенка равнодушия, смутного холодка, и меня уже невозвратимо отбрасывало в сторону.

Оксана поднималась первой, что вообще-то являлось нарушением корабельных правил, этики трапа, о чем Сашка, разумеется, знал, хотя на кораблях, где он служил, никогда не бывало женщин. Правда, Оксана была в длинном халате.

Она поднималась первой, Сашка за ней, я замыкал шествие. А наверху, над нашими головами, били пулеметные очереди. Хотя, скорее, автоматные. Оксана, однако, поднималась безбоязненно.

Мы оказались в большой комнате, заваленной ворохами синего сатина. За двумя швейными машинами сидели, как выяснилось, мать и тетка Оксаны, швеи-надомницы, шившие халаты для ремесленных училищ. Работа у них была сдельная.

Они разом остановились, наступила тишина, мой друг поклонился и несколько чопорно представился:

— Молодой писатель Саша...

И они в ответ тут же опять застрекотали на своих машинах.

Я всю жизнь поражался, как это люди не стесняются вот так называть себя. Писатель... Поэт... Но у него получилось как-то беспомощно-наивно.

Я же, конечно, не пропустил, запомнил и уже до конца называл его так.

За окошком были видны зеленые спины поездов, пригородные кассы, копошение толпы у ларьков. Я сидел в уголке дивана, меня клонило в сон, и я обо всем забывал, идя сквозь волну автоматного боя.

Когда же я заставлял себя открыть глаза, я видел, что Оксана сидит в кресле, плотно запахнув халат на коленях и положив сверху закрытую книгу. Названия ее не было видно, так как книга была аккуратно обернута бумагой — в моем детстве говорили: обложена.

Саша сидел на стуле и, наклоняясь к Оксане, что-то горячо говорил. Можно было подумать, что он просит ее руки. Складка на его черных брюках была безупречная.

Тут швеи снова, как по команде, остановились, и я услышал, что Сашка приглашает ее в кино.

Она ответила:

— Я лучше за это время прочту двести страниц текста...

Она готовилась к экзаменам.

И, видя обескураженное Сашкино лицо, я вскочил с места, всплеснул руками и крикнул:

— Саша! Мы совсем забыли. Нам же нужно в Историческую библиотеку! — И, помолчав, добавил: — На обсуждение.

И, не дожидаясь его реакции, я кивнул хозяйкам и стал спускаться по их сухопутному трапу. И уже внизу с облегчением услышал, как ловко, по-матросски, сбегает по ступенькам следом за мной Сашка.

Мы закурили. Уже давно наступил вечер.

— Подумаешь! — сказал я.

— Двести страниц текста! — простонал Сашка.

Эту фразу он повторял всю обратную дорогу.

— Что ты в ней нашел?..

— Тек-ста!

Назад мы шли пешком. Сашка здорово ориентировался.

Мы шагали по темным улочкам и переулкам, где у ворот стояли ребята и девушки, слышался смех, звучала гитара. Женский голос кого-то звал из окна. Мы неожиданно попадали на ярко освещенные магистрали, будто внутрь помещения, в зал или в фойе, и пересекали их, вновь погружаясь в зыбкий колеблющийся полумрак.

Сашка время от времени бил себя кулаком по колену и вскрикивал:

— Двести страниц текста!

— Да ладно,— успокаивал я его.

Молодой писатель Саша выпустил-таки свою книгу. Ее заметили, дружно хвалили, по ней был отснят фильм.

И Оксана написала ему. Что вышла замуж, что несчастлива, что очень переживает, ругает себя и упрекает мать и тетку.

Но сам письма этого я не видел. Мне пересказал его молодой писатель Саша.

«Развернула «Огонек» № 34 и сразу обратила внимание на последнюю страницу. Было тоскливо, одиноко, холодно на душе, и вдруг показалось, что рядом появился добрый, все понимающий друг, — написала врач-хирург М. С. Бурмистрова из Мичуринска.— Как хорошо, что вы обратились к читателям с такой необычной анкетой! Кто вы, наш читатель, ради чего живете, какова главная цель вашей жизни,— вопросы эти достают до самых глубин нашего «я», хотя ответить на них непросто».

Так считают и многие другие наши читатели, приславшие свои отклики на анкету. В большинстве своем это не просто формальные ответы на поставленные редакцией вопросы. В них человеческая судьба, история поисков самого себя, обретения радости, горечь страданий, хотя есть среди многих просто циничные признания. Сегодня мы публикуем выдержки из некоторых писем.

Кто я? Офицер пограничных войск, журналист, мечтатель в сущности своей. Я — человек, который с юных лет хотел, чтобы людям было хорошо жить на земле, и делал все возможное, чтобы этого достигнуть. В 41-м был на фронте, получил ранение, партизанил, снова вернулся в действующую армию. После войны занимался журналистикой. Немало зла видел от людей, но никогда не мстил. Роль злодея не для меня. Может быть, поэтому друзей у меня множество, и верных.

А. Г. Ушев

Гомельская обл.,
д. Кобюковка.

Ради чего я живу? Живу не для того, чтобы просто пить да есть, а для того, чтобы приносить обществу какую-то пользу, в стремлении использовать свой жизненный и профессиональный опыт в решении проблем, волнующих и общество, и меня лично. Конкретно: не могу спокойно видеть, как порой гибнут памятники нашей истории и культуры. С недавних пор стал активно работать в Обществе охраны памятников. Счастлив, когда что-то удается сделать реальное.

Личное счастье для мужчины возможно только тогда, когда он состоится как муж, отец, глава семьи, любящий, внимательный, способный взять на себя основную тяжесть забот. Состоялся ли я в этом качестве, судить моим близким. Но семья у нас дружная. Освещение тем семейных взаимоотношений очень важно, ибо семья — ячейка, где формируется нравственность во всех ее аспектах, основополагающих для общества в целом.

В. С. Кузнецов

Брянская обл.,
Жуковка.

Работаем мы грузчиками на базе приемки и отправки промышленных товаров, хотя оба окончили политехнический институт, факультет неорганических соединений и химизации биохимических волокон. Цель нашей жизни — прожить без забот и хлопот, и пока это удается. Планы на будущее просты: обзавестись всеми благами (машина, дача и т. д.), но без семьи. «Любимый человек» — все это бред и чушь, мы сторонники свободной любви. Ошибок в жизни мы не совершали, от одиночества не страдаем. Мы — современные люди — красивы, модны, увлекаемся диско, каратэ.

Ю. А. Засухин,
Ю. В. Хлестаков

Тамбов.

Живу, чтобы бороться с упадком моральных ценностей, бороться с дурным вкусом, хочу, чтобы социализм строили эмоционально и нравственно богатые и чистые люди. Я художник-самоучка, но мечтаю: если мои работы кому-либо нужны, то средства от их продажи хотел бы предоставить в распоряжение сельских Советов для оказания помощи старикам, сельским школам и больницам, на создание памятни-

КТО ПОМОЖЕТ ИНВАЛИДУ?

О. ТИМОФЕЕВ

Недавно в «Огоньке» (№ 27, 1986 г.) было рассказано о том, как проходил праздник для пожилых людей и инвалидов, проведенный в Таллине. Редакция получила много откликов, некоторые из них опубликованы (№ 41, в подборке «Старики?»). Одобряя доброе начинание таллинцев, авторы писем особо выделяют один важный момент: необходимость чуткого отношения и внимания к инвалидам, создания для них условий, облегчающих недуги,— специальной техники и приспособлений, удобств в домашнем быту, на улице, в общественных местах и т. д. Редакция продолжает начатый разговор.

Разные письма доводилось получать известному ленинградскому новатору В. А. Шмаринову, но такое пришло впервые.

На конверте незнакомый обратный адрес, незнакомая фамилия, в письме рассказ о трудной мужественной судьбе женщины, много лет назад, еще подростком, пострадавшей от тяжелых ожогов.

Беда, как известно, не приходит одна: болезни, обрушившиеся на О. Ф. Весегину после этого несчастья, привели ее к инвалидности, лишили возможности нормально работать, ограничили мир рамками квартиры, по которой она передвигается с трудом.

Но испытания не сломили Ольгу Федоровну. Надежды на лучшее она не теряет, лечится, старается быть полезной своим близким. Сейчас доктор посоветовал ванны со специальным раствором, совет оказался удачным, хоть следовать ему не так-то просто — самостоятельно принимать ванну Ольга Федоровна не может, нужно какое-то механическое устройство, чтобы без посторонней помощи опускаться в воду, подниматься. Какое? И тут Весегина обратила внимание на статью в городской газете, где рассказывалось об умельце из объединения «Ленинградский Металлический завод» В. А. Шмаринове. А потом взялась за перо.

«Вы, наверное, удивитесь,— написала она,— почему я прошу вас, зная, что вы станочник, фрезеровщик, уважаемый рационализатор, парторганизатор, человек, до предела занятый на производстве. Я очень надеюсь, что вы не останетесь безучастным к моей беде и с помощью друзей посоветуете, а быть может, и изготовите мне приспособление. Я так нужна моей семье, ведь у меня дочь-студентка, внучке шесть лет, так хочется облегчить их жизнь. Вы последняя моя надежда, Владимир Александрович».

Сразу после смены В. Шмаринов отправился на проспект Просвещения, где живет Ольга Федоровна. Познакомился, прикинул, как должна выглядеть будущая конструкция. Опытному новатору, а на его счету около ста внедренных предложений, не составило особого труда уяснить суть неожиданного задания. К тому же в помощниках недостатка не было: к работе подключились токари Б. Андреев, А. Семенов, М. Селезнев, слесарь Ю. Ненахов, другие коллеги. Справились быстро, и получилось именно то, что нужно: надежное, достаточно простое в обращении приспособление, действительно облегчившее жизнь О. Ф. Весегиной.

— Мы, честно говоря, и не надеялись на скорый отклик,— говорит ее дочь Татьяна Николаевна,— а люди оказались замечательные. Владимир Александрович, например, три раза приезжал, смотрел, как все лучше, удобнее сделать. А ведь добираться до нашей окраины ему от своего дома, завода весьма неблизко. Так что огромное наше спасибо и самому Шмаринову, и всем его товарищам, так живо отозвавшимся на нашу беду.

Что ж, рабочие-металлисты, конечно же, заслужили благодарности. И писать об этом приятно, как о любом проявлении душевной чуткости. Но, признаюсь, в гости к Ольге Федоровне я поехал не ради того, чтобы просто услышать ее личную благодарность бескорыстным мастерам. Насторожила меня отчаянная фраза из ее письма: «Вы последняя моя надежда, Владимир Александрович». Значит, уже куда-то обращалась, от кого-то услышала отказ?

К сожалению, самой Весегиной дома не застал — очередной приступ болезни потребовал стационарного лечения. Встретиться мне довелось с дочерью, и, когда поинтересовался, к кому еще обращалась мама, прежде чем написать на завод, она ответила вопросом на вопрос:

ков погибшим односельчанам. Многие сочтут это донкихотством, но уверен, что донкихотство должно войти в моду: бескорыстные люди у нас на Руси еще не перевелись. Живу по формуле: нужно работать, чтобы жить, и жить, чтобы работать.

В. Н. Щепкин

Владимирская обл., Меленковский р-н, п/о Ляхи, д. Черниченка.

По характеру я оптимистка, но не могу быть счастлива, когда рядом есть несчастные люди. Работаю в школе учителем химии, люблю детей. В семье многого добилась: дети выросли хорошими, муж прекрасный. Хотя начинали не просто. До встречи со мной муж пил, дети его были очень трудными. Стали жить семьей, сумели преодолеть все трудности.

А. В. Иванова

Ленинград.

Одиночество — самое тяжелое несчастье человека, особенно одиночество среди близких родственников, да и вообще среди людей. Трагедия эта особенно тяжела для пожилых. Жэки, красные уголки, скамейки скверов — пока их единственное пристанище. Надо подумать, как снова включить их в активную сферу жизни общества, проявить больше терпения и заботы.

П. Н. Горбунов, ветеран войны

Москва.

Трудно собраться с духом. Давно хочу поделиться с кем-то своей бедой, и вот ваша анкета. В жизни все так запутано, сложно, порой самой просто не разобраться даже в собственной судьбе.

С первым мужем разошлась пять лет назад. Не знаю, может быть, поторопилась, молодая была, нетерпеливая. Очень он пил, а пьяный был совершенно невыносим, оскорблял меня, моих родителей и даже собственную дочь не жалел. Однажды соседи, услышав наши крики, вызвали милицию...

После развода жили мы вдвоем с дочерью тихо и мирно. Когда девочка стала постарше, я решила снова выйти замуж за вдовца, у которого тоже был ребенок. Думалось, что вместе легче будет поднимать детей на ноги. Второй муж не обижал мою дочь, но внимания, ласки от него она не видела, как, впрочем, и его собственный сын. А я металась между ними, чтобы всем от меня было поровну. Первое время жили более или менее сносно, но, когда муж выпивал, у него прорывалась ревность. Потом стали поговаривать, что для мира в семье нужен общий ребенок. Я согласилась, и вскоре у нас родился мальчик. Забот у меня прибавилось, но окрыляла надежда, что муж успокоится и всем нашим детям будет лучше и веселее. Но веселился только мой муж. Пьянки участились, а вместе с ними брань, оскорбления, скандалы. Не знаю, что и делать. Опять разводиться — значит лишить детей семейного счастья. Нервы уже на пределе. Никаких надежд, иллюзий не питаю, зачем живу, не знаю, ни на что хорошее не надеюсь.

С. Н. Рыжухина

Московская обл., Дрезна.

Решился написать о главной ошибке в моей жизни. Прозрение наступило слишком поздно, но, может быть, мои уроки помогут другим. Для этого и делюсь своей бедой. Пишу от третьего лица и не называю подлинной фамилии. Стыд заливает мне всю душу, а так вроде бы легче. Итак, вот моя история.

Блестящий молодой хирург. От поклонниц, серьезных претендентов отбоя не было. Но ни одна не устраивала его ученую маму-профессора, считала, что любая помешает его карьере. Любовь с молодой скромной лаборанткой окончилась разрывом, несмотря на ожидавшегося ребенка. Лаборантка, будучи уже в положении, вышла замуж, уехала в другой город. Связь была потеряна. А что же карьера? Карьера удалась. Научные симпозиумы, зарубежные поездки, масса публикаций. О рождении сына так и не узнал, семейную жизнь не устроил. И вот неожиданная встреча в детском саду с внуком. Не знал, как подступиться к мальчику, как сообщить ему, что он его дед, при другом, пусть не родном по крови дедушке, дедушке, приобретшем это право, звание всей своей жизнью, своей добротой, тем, что воспитал хорошего, порядочного сына, заменил родного отца ребенку, брошенному еще во чреве матери ради блестящей карьеры. Жизнь потеряла смысл без этой запоздало вспыхнувшей любви к малышу. Завоевать маленькое существо непросто, но мать его уже уступила, разрешила сделать попытку. А вот сын навсегда остался чужим человеком. Исправить ошибку невозможно, слишком поздно, подорвано доверие к искренности чувств.

В. А. Истомин

Казань.

ОТ РЕДАКЦИИ. *Благодарим всех приславших ответы на нашу анкету, высказавших предложения, замечания о новых темах, рубриках журнала. Подробный обзор всей полученной почты вы прочтете в последующих номерах.*

— А к кому бы в ее ситуации обратились вы?

— Ну, скажем, в управление здравоохранения, отдел социального обеспечения...

— Попробуйте, позвоните,— устало вздохнула Татьяна Николаевна.

И я сел за телефон. Честно скажу, как-то не верилось, что из поля зрения этих далеко не беспомощных ведомств могла выпасть значительная группа людей, нуждающихся, как и О. Весегина, в различных нестандартных приспособлениях. Болезнь, коли насела, не спрашивает, как скрутить: бывает, кому-то и обычный порог не переступить, по лестнице не спуститься или за стол не сесть — да мало ли что хвороба придумает, всего и представить невозможно. Так неужто нет специальной мастерской, которая могла бы взять на себя эти столь же нестандартные заботы, прислав мастера, который рассчитает, что именно нужно инвалиду, побеспокоится о дальнейшей судьбе заказа, сдаст его, как говорится, «под ключ». С соответствующей льготной, понятно, оплатой.

«Нет такой мастерской»,— однозначно ответили мне в Главном управлении здравоохранения Ленгорисполкома, научно-исследовательском институте протезирования, протезно-ортопедическом предприятии, городском отделе социального обеспечения, областном отделе социального обеспечения. Именно в такой последовательности (одна организация адресовала меня к следующей) обзванивал я все причастные к проблеме организации, и лишь в последней старший инспектор сектора трудового и бытового устройства инвалидов Т. Баранова подала какую-то надежду. «Поговорите с Сергеем Вадимовичем Бородавкиным. Он и инвалид, и изобретатель, наверняка знает, где и что можно заказать».

Верно, есть у преподавателя философии Тихвинского филиала Северо-Западного политехнического института и лифт, доставляющий его к балкону первого этажа, и подъемник в ванне, и другие придуманные им удобства. Придуманные... А кто их сделал?

— Не ищите, чего нет,— сказал Сергей Вадимович.— Государственный сервис до такой услуги инвалидам еще не додумался. Все решается исключительно частным образом.

Одним словом, чтобы осуществить задуманное, и без того обделенный человек должен идти к кому-то на поклон.

К кому? Хорошо вот Ольга Федоровна, доверившись газетной статье, попала к отзывчивым людям. И хорошо, что администрация цеха, проявив понимание, разрешила выполнить этот «непрофильный» заказ из отходов.

А представьте, что сейчас тому же Шмаринову начнут писать другие нуждающиеся в технической помощи люди. Отказать — сердце не позволяет, помочь — по сути, тоже нельзя: для работы нужны различные недешевые материалы, станки, время, наконец.

Как же быть? Знаю, есть в городе объединение «Уют», где по вашим чертежам соорудят из дерева любую мебель. Но обращаться туда рядовому гражданину, живущему на одну трудовую среднестатистическую зарплату, не посоветую: заглянув однажды с простеньким эскизом требуемого мне стеллажа, был ошарашен несусветностью назначенной за грядущий труд цены. В магазине на эти деньги можно было бы купить два стеллажа. Причем импортных. Тема эта заслуживает отдельного разговора, но и без него ясно, что инвалиду с его весьма скромными доходами этот, с позволения сказать, сервис не по карману.

Значит, опять вся надежда на «дядю Васю». Которого еще надо отыскать, как следует попросить, заранее капитулировав перед его тоже отнюдь не божескими расценками.

В общем, нехорошо получается.

Мне, правда, в одном потревоженном мною учреждении намекнули, что «процент нуждающихся в такого рода помощи, очевидно, мал».

А кто его, этот процент, высчитывал? С. Бородавкин, например, как человек сведущий возмутился такому предположению, сказал, что проблема эта—давняя, наболевшая, волнует тысячи людей — не только самих инвалидов, престарелых, но и их родственников, озабоченных хлопотами, от которых их вполне можно было бы избавить.

Причем и мудрить-то особо не нужно: скажем, в Ленинграде при посредничестве отдела социального обеспечения изготовление всякого рода изделий из дерева можно поручить упоминавшемуся уже объединению «Уют», механические приспособления — объединению «Сокол», специализирующемуся на ремонте бытовых машин и приборов. Ну, а посредничество необходимо для того, чтобы заказы инвалидов, престарелых шли вне общей очереди, чтобы оплату их (по аналогии с лекарствами) частично или полностью взяло на себя государство.

Возможно, это предложение в чем-то уязвимо, быть может, существуют иные, более приемлемые варианты — где бы узнать о них? Надеюсь, что исчерпывающий ответ на этот вопрос даст Министерство социального обеспечения РСФСР.

Но, что бы ни ответило уважаемое министерство, есть и иная, касающаяся каждого из нас сторона этого дела. Потому что, находясь в добром здравии и расцвете сил, мы порой в чем-то напоминаем страусов, упорно прячущих голову в песок, дабы не видеть неприятностей — в нашем случае грядущей старости и тягот, которые по причине собственной немощи большинству из нас суждено возложить на плечи ближних. Редко, ох как редко задумываемся мы над тем, насколько наш энергичный, стремительный мир удобен для пожилых, а тем паче инвалидов, насколько приспособлен наш быт к их темпу, физическим возможностям.

Давным-давно исчезли с большинства центральных улиц скамейки; совершенно необъяснима мания архитекторов затруднять вход в любое учреждение часто совершенно ненужными ступеньками: человеку в коляске не съехать в лифт, не попасть ни в один магазин, кафе... Сотни подобных «мелочей» огорчают старость, усугубляют немощь, и кому, как не нам, отвечать за это, так как и планируем, и проектируем, и возводим эти неприятности мы сами.

С нас и спрос...

Ленинград.

И СНОВА „ВЕРТЕР"

В Большом театре Союза ССР состоялась премьера оперы Ж. Массне «Вертер» в постановке народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Елены Образцовой. «Вертер» — режиссерский дебют Образцовой. Она же исполняет роль Шарлотты.

Фото С. ПЕТРУХИНА

— Елена Васильевна, и все-таки почему режиссура! Ваше решение поставить оперу представляется неожиданным...

— Пожалуй, оно было неожиданным и для меня самой.

«Вертер» включили в план Большого театра по моей просьбе. Это одна из лучших опер мирового репертуара, долгие годы она с успехом шла на сцене Большого в постановке Сергея Яковлевича Лемешева, и нам хотелось вернуть ее зрителям. Кро-

ме того, я очень люблю партию Шарлотты. Я пела ее в Вене, в Мюнхене, в «Метрополитен опера», это был мой дебют в Ла Скала. Работала над ней с очень большими дирижерами, а партнерами моими были такие замечательные певцы, как Хосе Каррерас, Пласидо Доминго, Альфредо Краус, Ален Ванзо. И когда решали, кто же будет ставить эту оперу, и предложили мне, я согласилась, не удержалась от соблазна.

Я подумала: а почему бы и нет! Я очень хорошо знаю эту музыку, знаю различные постановки «Вертера». Мне захотелось поделиться со зрителями своими ощущениями, создать свой сценический вариант этого произведения.

В прочтении «Вертера» я не собиралась открывать ничего нового. Мы сегодня устали от модернизма на сцене, соскучились по нормальному классическому спектаклю, нам не хватает простоты и естественности. И мне хотелось, чтобы мой спектакль был о высокой поэзии человеческих чувств, о красоте любви, о чистоте. Важную роль в моем замысле играет освещение сцены. Постоянно меняющееся, оно должно все время передавать настроение в природе, «помогать» внутреннему состоянию героев спектакля. К сожалению, мы не все могли сделать со светом, как задумывалось, техника Большого театра — увы! — не на высоте, но в целом получилось.

— Как вы ощущали себя в новом качестве, как шла работа!

— Дебютанткой я себя не чувствовала: уже одиннадцать лет занимаюсь со студентами (я профессор Московской консерватории), каждый день у рояля рассказываю, как произведение петь, как дышать, что чувствовать... Я очень увлечена режиссурой, даже думаю, что через какое-то время, наверное, к ней вернусь. Но пока я очень устала. Не могла себе представить, что быть режиссером так трудно. Столько надо видеть, держать в поле зрения! И солистов, и актеров, и миманс, и художников, декорации, освещение, костюмы... Огромное количество людей заняты созданием одного спектакля, а режиссер — связующее звено между всеми.

Мы работали очень много, утром и вечером. Зная по собственному опыту, как раздражают режиссеры, прерывающие актера из-за каждой мелочи, из-за чего тот теряет общее ощущение сыгранного куска (очень важное при работе!), мы репетировали по-другому. Я давала исполнителю разыграться, спеть большой отрывок целиком, а то, что меня не удовлетворяло в исполнении, мешало моему замыслу, я записывала. И по окончании мы обсуждали уже все.

Я относилась к артистам как к коллегам. Да они, собственно, и есть мои коллеги, с которыми мы много вместе работали,— Александр Ведерников, Артур Эйзен... Атмосфера во время репетиций у нас была откровенная, раскованная. Много было неожиданных находок, импровизаций. Например, я никогда не думала, что таким даром комического обладает Виталий Нартов — сколько он изобрел в небольшой роли! А как много остроумных деталей нашли наши маститые — Ведерников и Эйзен! Надо сказать, что для меня элементы юмора, даже, пожалуй, некоторой гротесковости в спектакле очень существенны. Я боялась впасть в сентиментализм... В нашем спектакле даже судья — персонаж традиционно строгий, выдержанный — решен несколько юмористически.

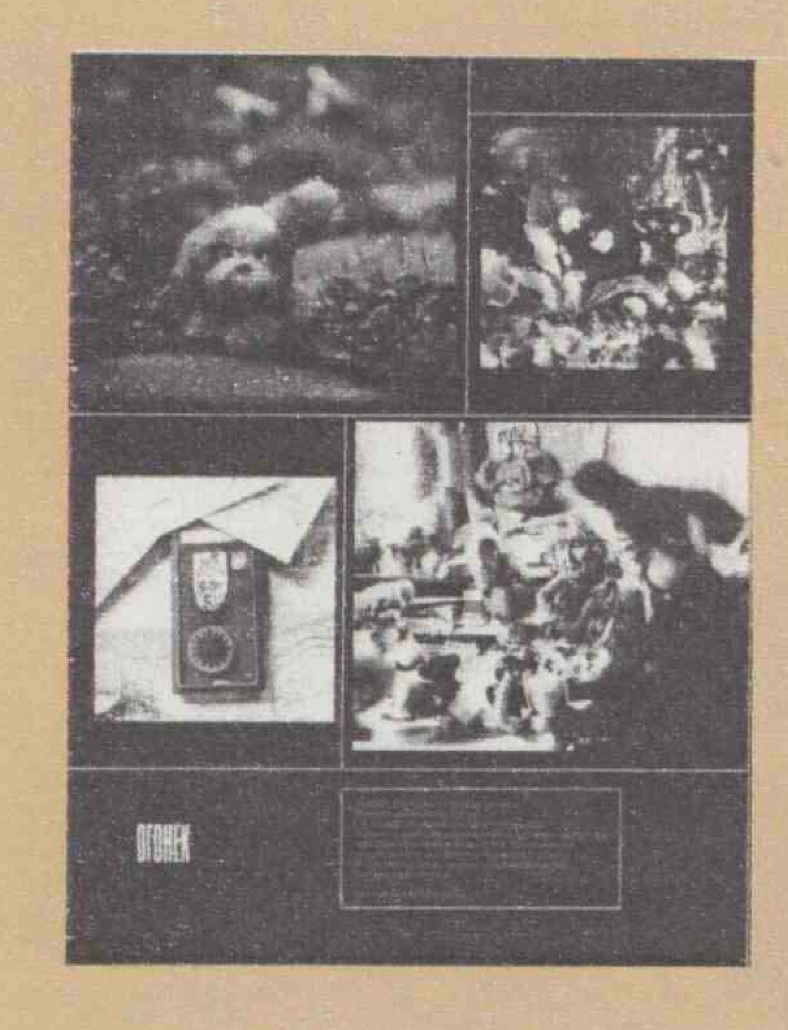
— В вашей постановке занято много молодых исполнителей. Как они работали!

— Замечательно. Они любят и хотят работать, и, когда у них эта возможность появляется, они показывают себя людьми творческими, способными на истинное горение, на огромную отдачу. Общее дело для них — главное. Например, Марина Шутова, Владимир Богачев, Александр Федин часами стояли в мизансценах, когда на них ставили свет. Очень помогла мне молодежь своей эмоциональностью, неожиданными реакциями, интересными идеями. Многое из предложенного ими я взяла в спектакль, который рождался как дитя общей любви.

Беседу вела
М. ДЕМЕНТЬЕВА.

Работа над постановкой «Вертера» завершена. Но труд музыканта, раздумья об оперном искусстве беспрерывны: спектакль живет, стремясь к совершенству...

ДОБРАЯ СКАЗКА

У литовцев не принято обращаться по отчеству, поэтому Самулявичене всегда звали мягко и ласково: Стасе. Сегодня она и ее игрушки известны далеко за пределами Каунаса. В 1978 году на сцене Центрального детского театра вместе с Сергеем Михалковым и доктором Илизаровым ей был вручен Орден Улыбки — международная награда, которую учредили ребята Варшавы за труд, который приносит детям больше всего радости. Так народная художница Литвы стала одним из шести живущих в нашей стране кавалеров этого ордена.

...Вечер. Зажигаются огни старого Каунаса. Фуникулер поднимает последних пассажиров на Зеленую Горку. В доме № 16а по улице Вайсю давно уже все спят. Опять не спустилась на первый этаж к своим «малышам» на стеллажах прихворнувшая хозяйка. Без нее маленькие обитатели этих полок приуныли, погрустнели их веселые и лукавые лица. Тишина стала уже настолько нестерпима, что...

Первым не выдержал медведь. Как же — ведь он самый представительный. Сопровождал продукцию вильнюсского мебельного магазина в Париже и Лондоне, возглавлял делегацию игрушек, сделанных в этом доме, на выставках народного творчества в Монреале, Берлине, Токио.

— Хоть и не может сейчас наша хозяйка отвечать на письма, они все идут и идут. Со всей страны пишут дети: «Каунас. Бабушке Стасе», а дом, улицу указать забывают — верят, что так дойдет.

— И доходят,— подхватывает белоглазый, со светлым виском щенок. Он точная копия того, самого первого, сделанного в 1935 году. Тогда, как говорит сама Самулявичене, к ней пришел «собачий успех».— Знают люди нашу хозяйку, ее доброту, бескорыстие. Потому и шлют письма, а то и сами приходят...

— Вот-вот, правильно о ней соседи говорят: «Не умеет жить, глупая»,— заводится «Сплетница». Все у этой медведицы в жесте, взгляде, повороте головы говорит о бесконечной хитрости.— Другие бы своими талантами умеючи распорядились, а она все одно: хочу нести радость людям. А что ей жизнь принесла? Одни потери: умер муж, уже сына нет.

— Все она кому-то что-то делает, посылает,— поддерживает подругу «Себеха», необъяснимое животное, которое нигде в природе не встречается. Она заняла свое место на стеллаже после смерти единственного сына Стасе, когда весь мир был немил.— Вон ведь кошек никогда не делала, сколько раз повторяла: «Не люблю их. Ко всем ластятся, а сами всегда себе на уме». Но понадобилось одному ее знакомому попасть к врачу, который коллекционировал различные изображения кошек, так упросил — сделала. А привел он того врача, когда она слегла?

— Все несчастья в доме изза того чертовского черта, которого знакомые попросили сделать для коллекции художника Жмуйдинавичуса, ну, знаете,— сейчас это экспозиция музея чертей,— останавливает болтушек медведь.— Такой он получился молодой, красивый, но зловещая улыбка у всех вызывала дрожь...

— Даже у меня,— вновь привлекла к себе внимание «Себеха»,— мурашки по коже бегали от одного его взгляда с верхней полки. Да и ни к чему он здесь, вполне хватает и меня в единственном экземпляре. Другие «уникальные» пусть расходятся толпами, как, например, «шелестята».

— А мы все разные, разные, друг на друга не похожие,— разом загалдели маленькие меховые комочки.

— Идея вашего создания,— поделился воспоминаниями белоглазый щенок,— придала ей сил в один из самых тяжелых моментов жизни. Тогда мы все с тревогой наблюдали за ней... В один из дней она молча стояла у окна. Только что прошел дождь. О его силе еще долго напоминал шелест листвы, по которой неспешно каплями скатывалась вода. Ее взгляд приковала одна из них. Эта капля каждый раз страшилась падения. Она всеми силами, данными ей природой, цеплялась за ребристую кромку листа. Медленно раздув от напряжения щеки, вытягивалась на руках, затем распрямляла в поисках опоры свои маленькие ножки. Как все сущее в природе, она явно предпочитала, чем сорваться в неизвестность, на что-то опереться.

Со следующего дня Стасе начала искать, как воплотить вот этих живущих среди деревьев «шелестят». Но еще лет пять, пока она шла к вашему сегодняшнему облику, часто слышалось ее роковое «в печку».

— Да, так она уходит от неудач,— нехотя прорычал царь зверей лев.— И она добилась, чего хотела: даже самый унылый пессимист, увидев вас, расплывется в улыбке.

— У Стасе редко получалось зло,— подал голос тихий мышонок.— Мы и собаки — вот ее любимые темы в работе над игрушкой. Наверное, потому, что одни беззащитны, а вторые верны и трудолюбивы.

— Мы всего лишь тысячная часть ее созданий,— продолжил медведь,— а еще ковры и масса всевозможных изделий из овчины, которые она делала по заказу комбината народного творчества «Дайле»...

Тут первые лучи солнца коснулись стеллажей с игрушками Стасе Самулявичене. Каждая из них стояла на своем месте, давно ожидая, что вот-вот спустится хозяйка и привычным движением смахнет налетевшую пыль. За окном распускался рассвет наступающего дня.

Валерий КРАСНОВСКИЙ.

ПОКА — С ПУСТЫМИ РУКАМИ

прошу слова!

С. КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

За последние годы из торговли (значит, и из производства?!) безжалостно вымываются многие виды ручного, так необходимого домашнему мастеру, инструмента. Вместо десяти—пятнадцати разновидностей напильников — три-четыре. Найдите надфиль с бархатной насечкой. Хоть один, хоть какой-нибудь. А их мастеру надо десятка полтора, и разных... Зайдите в любую парикмахерскую и спросите у мастера, где он приобрел свои ножницы. Ни один не скажет, что купил в ближайшем магазине. До войны мы выпускали считанные миллионы тонн стали, но на хорошие ножницы хватало. Теперь выпускаем в десять раз больше тонн, а вместо ножниц штампуем тупых уродцев с пластмассовыми наконечниками, но и тех не хватает. За те ножницы, что когда-то стоили копейки, теперь уважающий себя и клиента парикмахер платит 10—15 рублей.

Однажды мне посчастливилось увидеть в продаже стусло со станковой пилой. Радость была недолгой. Продавец объяснила, что их магазин, «Учтехприбор», продает товары только для школ и только по безналичному расчету. Правда, дала адрес завода, который эти изделия выпускает. Написал я туда письмо, набрался нахальства, упомянул: к вам, мол, обращается писатель, у которого хобби — всякие поделки. И за ценой, мол, не постою. Ответили мне в том духе, что фирма веников не вяжет и продукцию сдает только на базу.

В Киеве, на Подоле, возле знаменитейшего Житнего рынка был магазин «Инструменты». Едва ли не каждый киевлянин знал сюда дорогу. Где теперь этот магазин? Убрали, перевели с людного места в отдаленный тупик. А возле Житнего рынка рядом с одной комиссионкой открыли еще одну — пошире, попросторнее. Так повелось: мастер-умелец в престижности весьма уступает барахольщику. Пусть не подумают в планирующих и торговых инстанциях, что такое положение только на Украине,— по всей стране. Лично удостоверился. Вот и в Москве всего один более или менее достойный инструментальный магазин. Но и в нем нету и половины необходимой номенклатуры инструментов.

Еще хуже с их качеством. Сверла, как правило, продаются в наборах (всё в наборах: отвертки, надфили, стамески): ради одного размера берешь пять-шесть ненужных. А каковы эти сверла, для чего предназначены, что можно ими сверлить: алюминий, сталь, медь, бетон, дерево? Об этом ни слова.

В магазине «1001 мелочь» увидал электромонтерские кусачки. Стал выбирать. Пар пять перебрал — у всех «челюсти» не совпадают, прикус не тот. Наконец нашел, совпадают. Взял из ящика небольшой гвоздь, спрашиваю у продавщицы:

— Можно попробую, перекушу его?

— Что вы! — испугалась.— Кусачки испортите.

Изучая тему, попал я недавно на республиканскую оптовую ярмарку хозтоваров. Продавали там инструмент. Собрались на ярмарке представители баз хозторга и предприятий, где изготовляют хозтовары и инструменты. Колоссальное зрелище! Горы хрусталя и фарфора, вся бытовая химия... Изделий из металла поменьше, но, в общем, до сотни одних только разновидностей бутылкооткрывателей и консервных ножей. Много отверток. В основном в наборах.

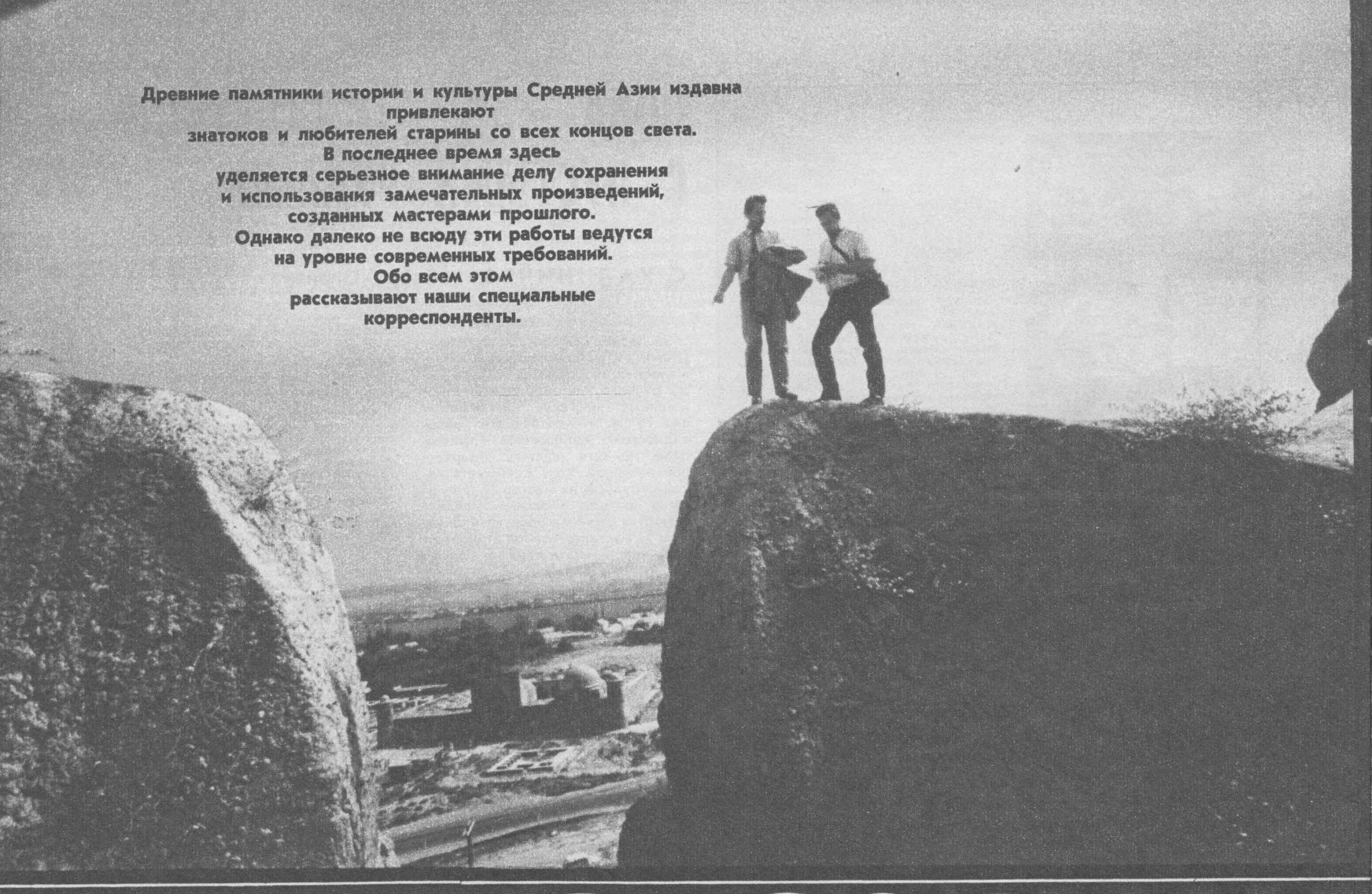
Кусачки же были представлены одни; круглогубцев ни одних; стусла ни одного; надфилей с бархатной насечкой ни одного; пинцетов ни одного... Не буду утомлять читателя. Многого на ярмарке не было. А из того, что увидел, не все появится в продаже сразу, в этом году.

Только что же получается? Многие новые и очень, я бы сказал, заманчивые инструменты начисто лишены необходимой рекламы. Те же плоские резцы... Да с их помощью из дерева в считанные минуты можно выточить такое — залюбуешься! Где это буйство фантазии, чтобы увидеть его уже в деле? Или взять набор паст «КТ» (карбит титана). Он нужен в каждой мастерской: притереть подтекающие краны или клапаны двигателя, что-то отполировать, почистить, снять царапины со стекла или керамики... Но где, в каком хозмаге увидишь хотя бы небольшую рекламу?

Конечно, проще всего было бы свалить всю вину на торговлю: промышленность, мол, поставляет только то, что ей заказывают. Увы! Машиностроительные и станкостроительные министерства, а еще конкретней — руководители предприятий станкостроения и машиностроения открещиваются, как могут, от обременительной для их масштабов «мелочевки». И недостаток рекламы — тоже не вина торговли. В Киеве, например, магазины хозторга всего лишь на одну пятую обеспечены необходимой по нормам торговой площадью. Вдвое перегружена база. (Не по причине обилия товаров, а из-за нехватки помещений.)

Производство ручного домашнего инструмента для широкой продажи должно стать заботой всех местных органов власти. Ведь речь идет не только об организации содержательного досуга, о разгрузке бытовых служб, но еще и об умножении нравственного потенциала общества. Я не преувеличиваю. Мужчина в доме — пример для семьи. И ребенку, который играет с дорогим заводным луноходом, я предпочту карапуза, который что-то пытается сделать клещами или напильником. У него больше шансов дорасти до настоящего лунохода.

Мы все понимаем, что организация содержательного досуга, который нравственно обогащал бы людей,— дело хлопотное и многоплановое. И свою роль в этом деле может сыграть отличный инструмент для умельца. Такой, мимо которого не пройдешь, не примерив его по своей руке.

Древние памятники истории и культуры Средней Азии издавна привлекают знатоков и любителей старины со всех концов света. В последнее время здесь уделяется серьезное внимание делу сохранения и использования замечательных произведений, созданных мастерами прошлого. Однако далеко не всюду эти работы ведутся на уровне современных требований. Обо всем этом рассказывают наши специальные корреспонденты.

В. ПОТРЕСОВ,
фото А. ВИКТОРОВА

следами

Таджикистан — страна древней культуры, загадочная и щедрая, суровая и лукавая, полна легендами и мифами, тайнами и открытиями. Свидетели древности — многочисленные археологические и архитектурные памятники, разбросанные по всему Таджикистану от Айваджа на пыльном юге до Канибадама у северных границ, от зеленого Пенджикента до Мургаба возле вечных снегов Памира.

Часть этих безмолвных свидетелей давно известна ученым и даже туристам, другие нехотя раскрывают свои тайны. Есть и такие, которые затаились и надежно прячут от людей секреты древних цивилизаций.

ЗАГАДКИ ГИССАРА

Первые описания Гиссарской области, лежащей в благодатной долине Кафирнигана, на знаменитом «Шелковом пути» из Китая в Переднюю Азию, относятся к IX веку. Однако археологи, заложившие шурф на склоне цитадели, обнаружили следы более древней цивилизации. Недавно из глубины был извлечен двухпудовый снаряд, используемый в осадных катапультах.

Не случайно Гиссар, насыщенный археологическими и архитектурными памятниками, превращен в заповедник — музей под открытым небом. Множество тайн окружает старый город. Далеко не все раскрыли ученые. Например, откуда на базарной площади-регистане перед воротами в цитадель могильные плиты XVI века? Почему на стенах поминального помещения мавзолея известного в XV веке просветителя и прозаика Магдуми Азама изображения кистей рук, растений и даже летящего на полном скаку хуттальского жеребца со всадником? Ученым известно, что украшать мавзолеи рисунками было не принято.

Существует легенда, что жена Александра Македонского, бактрийская царевна Роксана, родом из Гиссара и в ее честь назван родник-чашма в крепости: Рукшона. Не удается пока проверить и легенду о том, что медресе Чашма-Мухиён — единственное в средневековой Азии женское учебное заведение.

Решением Совмина Таджикской ССР от 1979 года заповеднику передана территория, граница которой определена три года спустя. Но до сих пор не произведено отчуждение земли, то есть фактически она заповеднику не принадлежит. На ней сейчас возводится монументальное здание школы, на фоне которой мавзолей Магдуми Азама смотрится жалким анахронизмом. По сей день режет заповедную зону оживленное шоссе, по обочинам которого громоздятся аляповатые киоски и домики чайханы. В этой пятилетке намечен перенос старинной маслобойни, водяной мельницы, двух сельских домов и ткацкой мастерской со всем оборудованием. Но прошел уже год — дело не движется с места.

В планы заповедника входит реконструкция в Гиссаре нескольких десятков памятников каменного и сырцового зодчества.

Мубина Кабирова, хрупкая девушка в национальной одежде,— секретарь парторганизации заповедника. А по специальности — инженер-химик. Она, возможно, лучше многих понимает, с какими трудностями столкнутся реставраторы при сборке на новом месте старинных строений.

— Потребуется тщательный химический анализ связующих веществ, различных декоративных материалов,— поясняет Мубина,— а ни в Гиссаре, ни вообще в Таджикистане нет ни одной специальной лаборатории. А такие сооружения в нашей стране переносятся впервые. И здесь немало вопросов. Конечно, нам помогают крупные институты в других городах, но ведь каждый образец туда не повезешь.

Все же часть загадок удалось разгадать. Например, где взять плоский средневековый кирпич? И научные работники стали каменщиками. Сейчас гиссарский кирпич идет на реставрацию памятников и в другие районы республики. А когда появился свой кирпич, реставраторам удалось восстановить в Гиссаре ряд ценнейших памятников национального зодчества: медресе Кухна XVI века и Нав XVIII века, законсервировать основание караван-сарая и единственной обнаруженной пока в Средней Азии таоратханы XV века — помещения для ритуальных омовений.

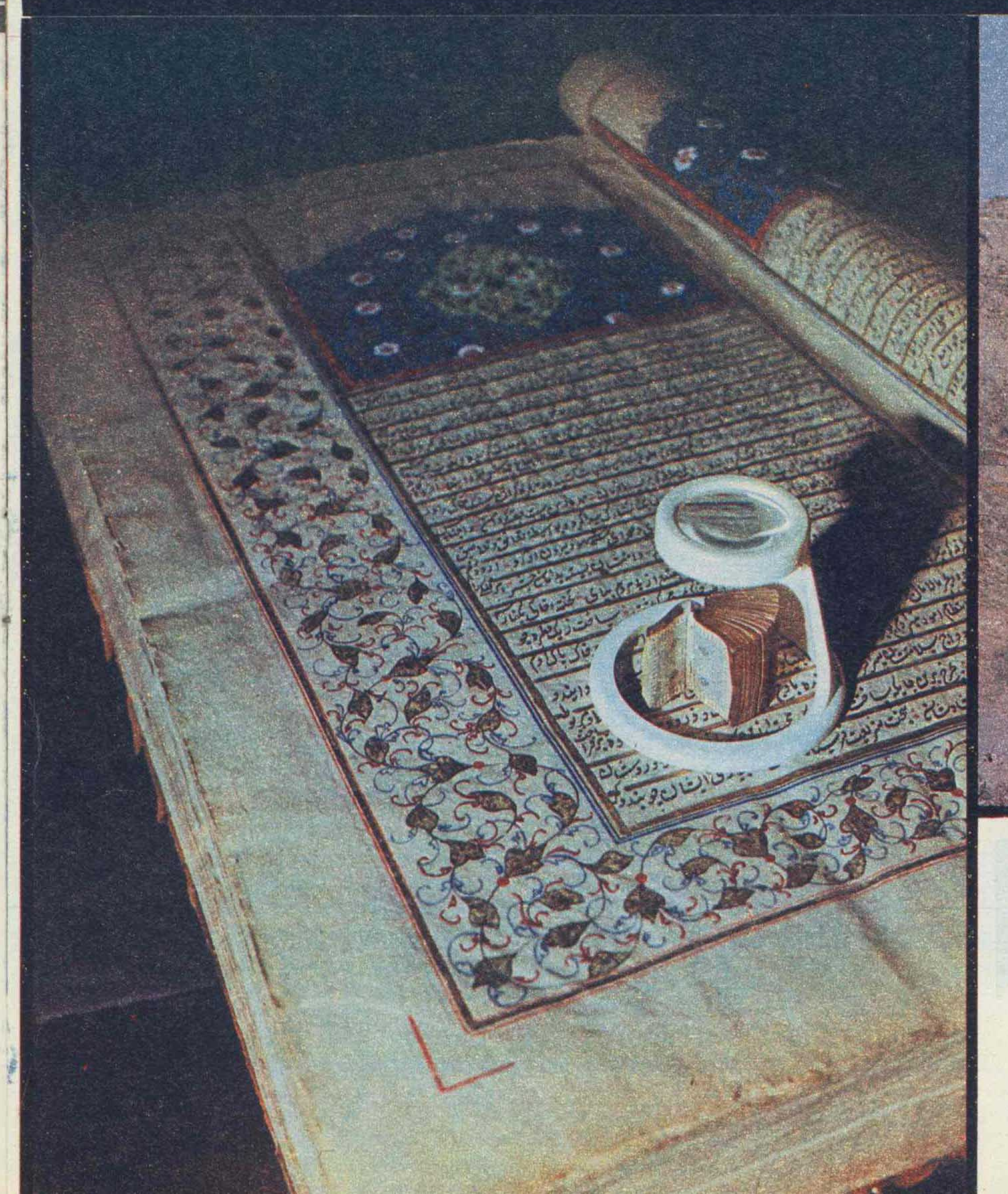
Долго гадали, как лучше использовать старое медресе, и решили: школа есть школа. Сейчас в тридцати классах-худжрах создаются мастерские, где возрождаются традиции народных промыслов. Старые мастера обучают искусству изготовления ювелирных украшений, гончарных изделий, музыкальных инструментов. Здесь же выставочный зал, продажа изготовленных на ваших глазах сувениров. Уже сейчас гончар Мирзо Мирзоев, разгадав секреты мастеров прошлого тысячелетия, создает в старом медресе для реставраторов удивительно красивые глазурованные плитки.

Иду по каменной кладке древнего медресе, покрытой тончайшей пылью, давно не знавшей дождя. В знойной тишине каждый шаг производит какую-то неясную музыку. И представляется, что скоро в эту музыку шагов вплетутся поскрипывание гончарного круга, ритм молоточка чеканщика,

Окончание на стр. 20.

столетий

наследие

КАМЕННЫЕ СТЕНЫ АНТИЧНОГО ТАХТИ САНГИН.

ГРАФИКА ДРЕВНИХ ТАДЖИКСКИХ КНИГ.

ЗДЕСЬ РАБОТАЛИ РЕСТАВРАТОРЫ. ВОРОТА «АРК» ГИССАРСКОЙ ЦИТАДЕЛИ.

ЖИВЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
МЕСТНЫХ
ГОНЧАРОВ.

КАЖДЫЙ МАСТЕР
ВЫРЕЗАЛ
ИЗ НЕПОДАТЛИВОЙ
АРЧИ
СВОЮ КОЛОННУ.
МЕЧЕТЬ
В ГАФИЛОБАДЕ.

ЭТОМУ МАВЗОЛЕЮ
ХОДЖА ДУРБОД
ПОЧТИ
ТЫСЯЧА ЛЕТ.

ТАК ГОТОВЯТ ЗНАМЕНИТУЮ КРАСКУ ДЛЯ ПОЛИВНОЙ ГЛАЗУРИ.

ДРЕВНИЕ КУФИЙСКИЕ НАДПИСИ ИСКУСНО ВПЛЕТАЮТСЯ В РАСТИТЕЛЬНЫЙ ОРНАМЕНТ НА ПОРТАЛЕ МАВЗОЛЕЯ В МАЗАРИ ШАРИФ.

750.000
5320
БОЛЬШОЙ ПРИЗ
КАМАЗА"
750000
К А М А З
ЕДЕШЬ—
ПЕРЕД ТОБОЙ
БЕСКОНЕЧНАЯ ДОРОГА РАССТИЛАЕТСЯ.
ЛЕГКО ДУМАЕТСЯ.
ГОРОДА ОТКРЫВАЮТСЯ,
КОТОРЫХ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ.
СТРАНУ УЗНАЕШЬ...

МЕЧТА, СОЛДАТКИН И БОЛЬШОЙ ПРИЗ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото
Геннадия КОПОСОВА

Признаться, я не таким представляла себе Славу. Думала: если и не Илья Муромец, то все же... А тут на сцену поднялся худенький, невысокий паренек. Секретарь комитета комсомола КамАЗа Николай Ларин вручил ему громадный, чуть не в половину его роста, символический ключ от юбилейного, только что сошедшего с главного конвейера КамАЗа. И вот теперь, счастливый, поедет он на этой машине прямо домой, в свою Ивантеевку, в производственное объединение грузового автотранспорта.

Славу Солдаткина пригласили как почетного гостя остаться в президиуме, где мы и познакомились с ним. А разговорились уже на месте, в Подмосковье.

Кто мечтает о «Жигулях». Кто о ЗАЗе последней модели. Кто о «Волге»...

Вячеслав Солдаткин мечтал... о КамАЗе. Не о ЗИЛе, не о «Колхиде», а о КамАЗе для междугородных перевозок.

— О КамАЗе? — переспрашиваю.— И давно?

— Давно, лет десять назад. Когда впервые увидел КамАЗы,— блеснул темно-карими глазищами Слава.— Незнакомые машины гордо шли по шоссе — лобастые, сильные, быстрые. До того я видел их на экране телевизора, на Красной площади, в дни работы съезда партии. Ивантеевское объединение стало получать их в том же, 1976 году из первой сотни, сошедшей с конвейера. Водитель восседал в высокой прозрачной кабине, как маг. Я еще с завистью подумал: «Вот бы и мне на таком!» Я тогда еще в школе учился.

— Значит, ты еще в школе выбрал себе профессию?

— Не выбирал. Она меня выбрала. Запрограммирована по всем законам генетики, потому как наследственная... Пока был на последних соревнованиях водителей, отца моего, к сожалению, без меня, провожали тут на пенсию. Сорок четыре года он за баранкой, и всего одно за это время дорожное происшествие, и то не по его вине. Отец, когда я еще малым был, брал с собой в поездки. Потом купил мопед. Мне всего лет десять было...

Мысленно сопоставляю: сейчас ему двадцать пять. А тогда, пятнадцать лет назад, камский автомобильный комплекс только начинал прочерчиваться вешками в степи. Мы, корреспонденты «Огонька» — Геннадий Копосов, который только что фотографировал Славу для журнала, и я,— впервые приехали в Набережные Челны. В обнаженных по весне полях стояли лишь колышки с врезавшимися в память надписями на щитках: «Здесь будет литейный завод»...

— В 1978 году окончил среднюю школу. До службы в армии у меня в запасе был еще целый год. Времени не терял, устроился на работу и попросил, чтоб направили меня в Мытищинскую школу ДОСААФ. Получил удостоверение водителя третьего класса. А с ним прямая дорога в автомобильный батальон. Меня определили, как имеющего уже опыт вождения, инструктором.

— Когда же ты сел на КамАЗ?

— В 1981-м. Тут же, в Ивантеевке. Но достался мне поначалу самосвал модели «55-11». Это, конечно, не бортовой с прицепами для дальних рейсов. Тот мне во сне пока снился. Но я не протестовал. Осваивал новую для меня технику. Позже сдал на водителя второго класса и получил право на вождение автопоездов...

— Тогда-то и исполнилась твоя мечта, да? Тебе доверили КамАЗ «53-20». С бортовой платформой и тентом. С прицепом. В общем, на тридцать тонн. И он был такой же величественный и неотразимый, как на том буклете, который ты привез сейчас из города Брежнева...

Слава вздохнул.

— Не величественный и не неотразимый. А видавший виды старый КамАЗ под № 0042. И не с тентом, а с железным фургоном. Но я его полюбил. Где я с ним только не побывал! На Урале и в Беломорье, на Украине и в Прибалтике. Я его берег, привел в порядок. Старался...

Пожалуй, поточнее, по-деловому рассказывает о водителе Солдаткине, чем он сам о себе, начальник колонны № 2 Юрий Иванович Агафонов: «У него большое желание получше узнать машину. Добросовестный и честный. Не было случая, чтоб накидывал себе лишние тонны или километры. И товарищам, если что случается на дороге, первый помощник».

— Но работа ведь у тебя нелегкая,— снова допытываюсь у Славы.— Сменить баллон и то чего стоит: весит-то он сто килограммов. Да и все время в дороге, в командировках. Чем же тебя такое дело прельщает?

— Как чем? — удивился до возмущения Солдаткин.— Едешь — перед тобой бесконечная дорога расстилается. Легко думается. Города открываются, которых никогда не видел. Страну узнаешь. Фотоаппарат при мне, увлекаюсь. В Перми никогда не были?.. Там такой чудесный вид со стороны Камы, где речной вокзал. Поснимал. А Рига... До чего же красива! Море рядом... И вот что особенно радостно: везде меня ждут, везде я нужен. Одним контейнеры с часами, другим — шерсть, третьим — приборы. В уборочную в Новосибирской области возил пшеницу, а под Курском — свеклу... Приедешь домой — рассказываешь. У меня ведь сынишка, Сережа — в честь деда,— растет. Я ему «камазенка» подарил.

— А как же ты стал обладателем Большого приза?

— Даже сам не знаю. Когда Агафонов сказал, что мне нужно участвовать в соревнованиях, я отказывался, думал, что не сумею оправдать доверие, подведу. Но тут и комитет комсомола вынес свое решение. Мне не оставалось ничего другого, как начать готовиться. Прежде всего теоретически. Засел за книги по устройству КамАЗа, потом начал тренироваться в искусстве вождения. Днем работа, а после как слаломист зигзаги выписывал... Под конец даже отпуск взял для этого. Начались отборочные соревнования. Я очень волновался. Даже там, в Брежневе, не так, как здесь. Когда объявили, что занял первое место, удивился и... осмелел. Уверенность появилась. Уезжая, пошутил, что вернусь на новом КамАЗе. Очень уж хотелось его добиться. Ведь юбилейный будет на гарантийном обслуживании. Что бы ни случилось с ним — автоцентр в Раменском отремонтирует вне всякой очереди и бесплатно и снабдит запчастями.

...Право на юбилейный КамАЗ оспаривали тридцать два аса, ставшие победителями зональных соревнований. Кое-кто приезжал уже не впервые. Игорь Скоробогач из Кишинева, сосед Солдаткина по гостиничному номеру, например, во второй раз.

Славе достался билет № 6 с довольно заковыристыми вопросами, касающимися устройства и работы автомобиля. Но они показались ему несложными, и он пошел отвечать с ходу, первым. Но вот при скоростном маневрировании получилась у него осечка. Подвела его собственная телоконструкция. Надо было по ходу машины высунуться из кабины, снять со столбика кольцо и затем, не останавливаясь, перевесить на другой столбик. Но Слава-то миниатюрный такой... Тянулся, тянулся... Сбил в результате столбик, нарушил колею. Стал нервничать. Но по затраченному времени результат оказался хорошим, лучшим, чем в Ивантеевке.

Третий показатель многоборья — устранение неисправностей в машинах под наблюдением придирчивых экспертов. Тут Солдаткин снова оказался на высоте. Быстро докапывался до причин... А потом потянулось томительное, полное неведения ожидание...

В субботу ко Дворцу культуры КамАЗа, где должен был состояться торжественный вечер в честь Дня машиностроителя, подогнали 750-тысячный КамАЗ. Большой приз разочаровывал своим неброским, синевато-голубым видом и ничем не отличался от собратьев, если б не значилось на нем соответствующих надписей. А так хотелось, чтобы он был празднично красным или оранжевым, как иные КамАЗы.

К Солдаткину подошел парень из заводского комитета комсомола:

— Ты у нас вроде победитель. Поздравляю! Пошли — получай своего персонального богатыря.

Потом Слава дозвонился наконец до Ивантеевки.

— Юрий Иванович, рапортую: КамАЗ наш! На-аш! — кричал он срывающимся от радости голосом сквозь какие-то далекие гудки и шорохи начальнику колонны.— Везу пять двигателей для ЗИЛа.

А еще через три дня стоял у порога дома, в котором родился.

— Как ты похудел!

Это были первые слова, которыми встретила его Галя, жена. Сережка уже спал.

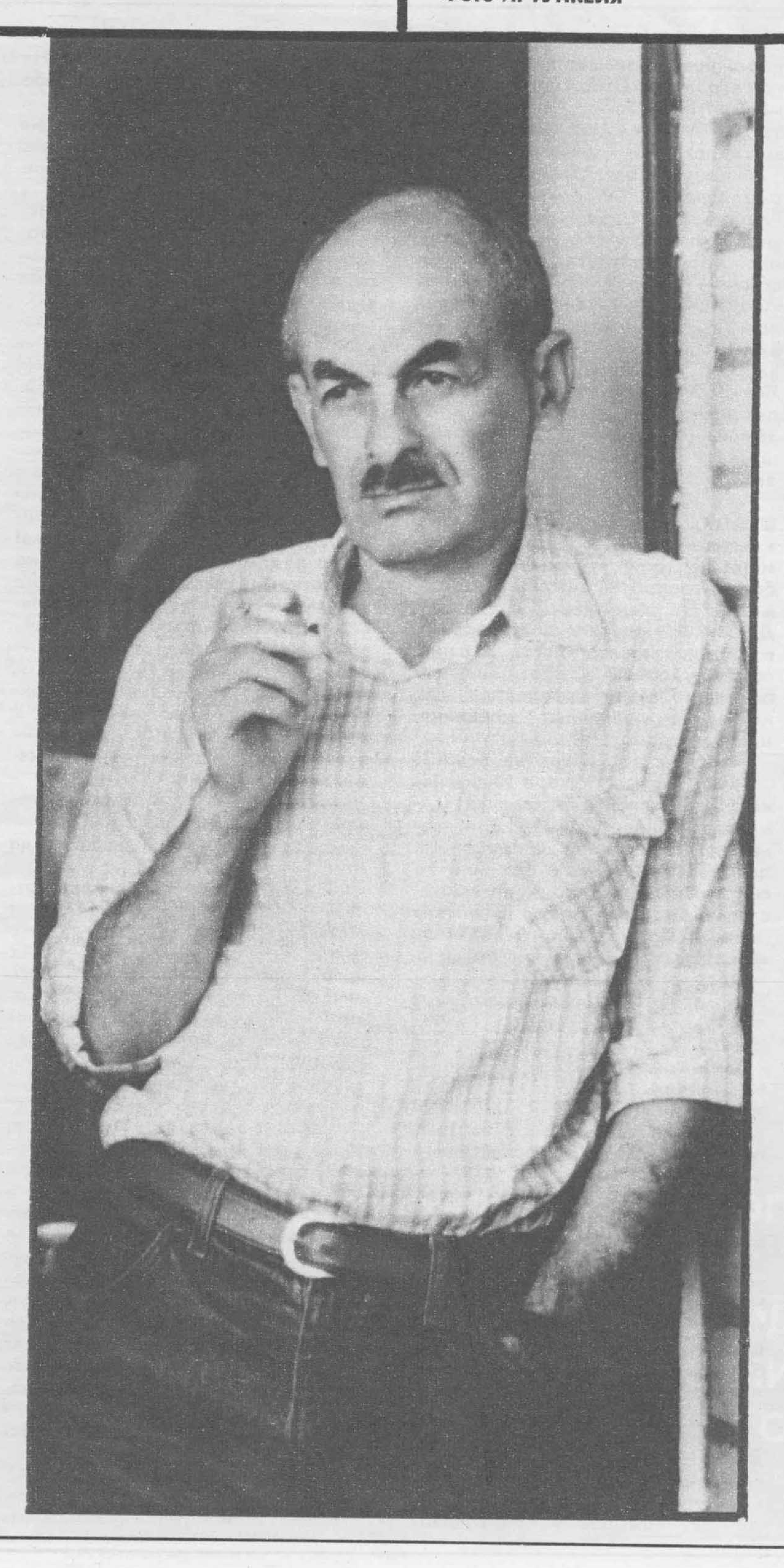
НАША ЖИЗНЬ НЕ ИГРА

Он говорит, что приходит теперь на свой Арбат нечасто. Того, на котором вырос, о котором спел, уже почти не осталось, а зализанная «пешеходная тропа» с нарочитыми фонарями как-то не тянет... В комнате, где мы беседуем, книги, портреты на стенах, узкая золоченая шпага с вензелями знаменитых фамилий на чашке рукояти [подарок ленинградских друзей автору необычной исторической прозы], но нигде не видно сакраментальной гитары. Она, конечно, есть, притаилась, должно быть, в недрах квартиры. Песни Булат Окуджава продолжает писать и исполнять, и любимы они по-прежнему не только моим поколением сорокалетних, осененных ими на заре туманной юности. Хотя, надо признать, как поется в одной из них, уже нынешней: «Все слабее звуки прежних клавесинов, голоса былые...» У сегодняшнего поколения другие ритмы, другие слова. А жаль. Жаль тех, кто разминулся с поэзией окуджавских песен, этим уникальным явлением нашей послевоенной культуры.

интервью «огонька»

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Булат ОКУДЖАВА

— Нет, песни и стихи романам не мешают, а те, в свою очередь, побуждают иногда взять в руки гитару,— отвечает на мой вопрос Булат Шалвович. — Необходимое переключение. Но не только. Скорее творческая потребность и в том, и в другом. Стихи, правда, с возрастом становится писать труднее. Песни, пожалуй, тоже. По крайней мере мне. Однако пишу. Не регулярно, от случая к случаю. Иногда стихи захватывают меня с головой, порой же месяцами к ним не притрагиваюсь. Поэтом, размеренно и равномерно «выдающим» продукцию, никогда себя не чувствовал. Тем не менее, по своим меркам, стихов за последние годы написал довольно много. Хороших ли, плохих, судить не мне...

— Вас считают создателем особого исполнительского стиля, так называемой «авторской песни». Определение это придумал Владимир Высоцкий. А он, как известно, относил себя к числу ваших учеников. И все же сегодня, несмотря на популярные клубы самодеятельной песни, избравшие своим гимном давно вами написанные «стихи под гитару» — «Возьмемся за руки, друзья...», гитарные кружки у костра тонут в ВИА-потоке, а сменяющие друг друга эстрадные «звезды» заглушают негромкие голоса поэтичных бардов. Как вы смотрите на подобную ситуацию?

— С тревогой и грустью. Выступая перед публикой, я не случайно говорю: «Вы услышите стихи под гитару» или «стихи под аккомпанемент». Главное в авторской песне — поэзия; музыка ей служит, является вспомогательной. В этом коренное отличие авторской песни от эстрадной, где доминируют музыка и ритм. Здесь-то и таится угроза обесценивания песенного текста. Кто из фанатичных поклонников нынешних эстрадных кумиров вникает в смысл тех слов, что они поют? Произнесите большинство куплетов их песен без музыки — и псевдомногозначительность, откровенная пошлость резанет вам слух. А ведь этот «кич», этот суррогат песенной поэзии воспринимается многими зрителями как откровение, вытесняя с эстрады, с телеэкрана подлинные мысли и чувства, которые несет музыкальное слово. Тенденция опасная, с ней надо бороться. Но как?

Авторская песня, постепенно завоевывая все новые высоты, приобретая все больше поклонников, начала оказывать влияние на песню эстрадную — та стала стремиться к глубине содержания. Тем досаднее, что сама авторская песня, к сожалению, нередко перенимает в последнее время у дурной эстрады склонность потрафлять обывательским вкусам. Из песен ряда авторов-исполнителей исчезают мысль, подлинное чувство, поэзия. Хочется, чтобы лучшие образцы авторской и эстрадной песни помогали друг другу, двигали вперед песенное искусство. Ведь эти жанры не соперники. Просто у них разные задачи и законы. Концерт эстрадного артиста — это всегда показ. Творческий вечер автора — прежде всего форма духовного общения единомышленников, друзей поэзии.

Поначалу я страшно боялся публики, и только ее расположение позволило мне расковаться на сцене. Знакомые до сих пор удивляются: как тебе удается сохранять спокойствие перед публикой в течение всего вечера, находчиво реагировать на самые неожиданные вопросы? Признаюсь, что на сцене я и сейчас еще нахожусь в напряжении, граничащем с отчаянием. Просто преодолеваю себя, иначе не смог бы работать в избранном жанре. Поэтому мне странны рассуждения некоторых поэтов (со сцены сегодня читают почти все): «Все равно, каков я перед публикой. Важно, что я пишу». Не умеешь держаться на сцене — сиди дома, не выступай. А одного сознания, что пишешь неплохо, для твоих слушателей недостаточно. На авторском вечере от тебя требуется культура общения, чему нынешний поэт подчас и не обучен...

Возвращаясь к эстраде, добавлю: удручает также нивелировка модных певцов и певиц. Вырабатывается некий всеобщий штамп поведения, исполнительской манеры, к которому, видя в нем залог успеха, стремятся многие молодые артисты. Очевидно, такой штамп устраивает и руководителей, призванных содействовать повышению уровня эстрадной песни. Тому я сам свидетель. В клубе имени Зуева на Лесной улице еже-

месячно собирается авторитетная комиссия Москонцерта для прослушивания дебютантов. Пригласили туда как-то и меня. Пришел и наблюдал, как вершители судеб молодых дарований отвергали все, выходившее за пределы привычных стандартов. Где уж тут пробиться живому, индивидуальному голосу!

Впрочем, нечто аналогичное происходило до сих пор и в редакционно-издательском аппарате, где подразумевается бережность, культура обращения с выстраданным писательским словом. Увы, даже относительно элементарной и совершенно необходимой в данной сфере деятельности общей культуры, не говоря уже о литературном вкусе и профессионализме, там сплошь и рядом не хватало. Надеяться на перемены к лучшему? Разумеется, очень бы хотелось. Однако в скорые перемены как-то не верится. Слишком серьезная перестройка требуется, новый подход, новые кадры, которые еще надо воспитать, подготовить. А на это уйдет время, и, думаю, не малое. Но начинать, естественно, следует безотлагательно.

Вот мы теперь любим рассуждать о нравственности в ее различных аспектах, и я рискну высказать мнение, что понятие это напрямую связано с пресловутым «уровнем некомпетентности». Человек, не соответствующий занимаемому положению, но не отказывающийся от него, уже безнравствен в полном смысле слова. Вообще, по моему убеждению, дефицит культуры и профессионализма, впервые за долгие годы представший в столь обнаженном угрожающем свете, подспудно препятствует тому, чтобы активнее прививать подрастающим поколениям понятия чести, добра, справедливости, ведь, оставаясь лишь на бумаге, эти понятия бессильны...

— Тем не менее они продолжают вдохновлять писателей, художников, и сами вы пишете о них в стихах и в прозе. А как, интересно, рождаются ваши песни?

— Вначале приходят стихи. Мелодия — потом. Случается, не приходит вовсе. Когда пишу стихотворение, о будущей песне не думаю. Иногда получается стихотворение, ну, совсем похожее на песню, но песней не становящееся. Вроде и рефрен в нем есть, и музыка вот-вот зазвучит, ан нет... Тогда ее сочиняет профессиональный композитор. Бывает, что слабые стихи вдруг получат запоминающуюся мелодию. И все равно у такой песни жизнь короткая. Если же моя песня завоевывает признание, для меня это в первую очередь признание поэзии.

— Булат Шалвович, вы пишете в расчете на определенного слушателя, видите его во время работы над песней?

— Нет. Пишу, как в лихорадке: тороплюсь поскорее высказаться, исповедаться. Оказалось интересным для слушателей — радуюсь удаче. Не приняла публика песню — жду, когда время покажет, кто из нас прав. Но в основном я своей публике доверяю. Считаю себя счастливым человеком — на мои вечера приходят люди, которые знают, на что идут...

Прирожденный лирик, Булат Окуджава сумел сказать в стихах о судьбе поколения, народа, страны, о войне и любви, о высотах человеческого духа. Сказать словами-мелодиями, превратившимися, по удачному выражению одного драматурга, в «фольклор городской интеллигенции». Тот же драматург прибавил: «Народ, очевидно, становится все интеллигентней, потому что Окуджаву поют все». Поют со всеми, но и каждый — сам по себе. О себе — тоже. Настолько эти общедоступные, как фольклор и как истинная поэтическая лирика, неожиданно-смелые песни индивидуальны. А вот к какому общепринятому роду лирики их отнести: гражданской, интимной, громкой, тихой?.. Что сами вы думаете по этому поводу?

— В литературе все решает только талант. Гимн цветку может стать гимном Родине. У нас порой еще довольно примитивно понимается гражданственность поэзии. Раз стихи о строительстве, значит, они гражданственные; если о любви — сугубо лирические. Мне подобная родовая градация вообще кажется весьма условной. Поэзия всегда и прежде всего поэзия.

— Ваша поэзия органично перетекает в вашу прозу. И мелодия в ней угадывается все та же, знакомая по вашим песням: трагическая, страдающая и победительная. Побеждают человечность, любовь и вера в людей, которые дали силы выстоять среди ужасов войны юному герою автобиографической повести «Будь здоров, школяр» и которые упорно несут через жизнь персонажи «Бедного Авросимова» («Глотка́ свободы»), «Путешествия дилетантов», «Свидания с Бонапартом»...

— Я не вижу существенной разницы между первой моей повестью и последующими романами, написанными на историческом материале начала XIX века. Я использовал в них мемуары, письма, документы, но только в качестве отправного момента. Далее — вымысел, опыт пережитого, близкие люди. Поэтому льщу себя надеждой, что отнесенность в прошлое не умаляет современности названных книг. Последней особенно, поскольку там отражены события двенадцатого года, а суть и последствия войны во все времена едины...

— Кстати, недавно вы опять обратились после большого перерыва к этой давней вашей теме, исполнив новое стихотворение под аккомпанемент: «Если ворон в вышине, дело близится к войне. Чтобы не было войны, надо ворона убить...»

— Да, почувствовал острую потребность сказать в стихах о том, что тревожит сегодня всех. Жизнь на Земле в опасности, и ни один писатель не вправе устраниться от борьбы за мир. Конечно, сама по себе литература едва ли способна сокрушить зло. Зато она может помочь нейтрализовать его, утверждая вечные идеалы добра и справедливости. Если каждый писатель будет садиться за рабочий стол с мыслью, что пишет произведение в противовес злу, он тем самым окажет услугу человечеству. Правда, писать надо талантливо. Тогда наши произведения будут очищать и возвышать людские души.

— И все же, как сказал поэт, «года к суровой прозе клонят», вернее, к исторической?

— Наверно. Хотя как ее обозначить? Я ведь пишу о вымышленных героях и волен распоряжаться ими по своему усмотрению. Но не пылится на складе памяти моя фронтовая гимнастерка, а с ней — послевоенное учительское пальто, подбитое опилками, которому я посвятил один из последних своих рассказов, «Искусство кройки и житья». В складывающемся у меня постепенно фрагментарном биографическом цикле я возвращаюсь к прожитому, к годам молодости, оценивая все, что было, со мной и с другими, с позиций сегодняшнего дня нашими нынешними мерками. При этом меня занимает отнюдь не копание в болезненных подробностях недавнего прошлого, но возможность различить за грядой пройденных лет историческую перспективу, уберегающую нас от повторения прежних ошибок и заблуждений.

Прошлого бояться не надо. Не надо прятать голову под крыло. Литература должна понять и осмыслить во всех аспектах психологию людей того времени, когда под влиянием объективных условий одни, мимикрируя, утрачивали в душе главное, а другие — большинство! — в тех же обстоятельствах сохраняли свое человеческое достоинство, свою личность. Вот почему мне представляются очень значительными готовящиеся увидеть свет романы В. Дудинцева и А. Рыбакова. Они, как и «Пожар» В. Распутина, «Печальный детектив» В. Астафьева, новый роман Ч. Айтматова «Плаха», — свидетельство зрелости нашей литературы, ее возросшей гражданской ответственности за день вчерашний, сегодняшний и грядущий. С мыслями об этом грядущем дне буду «вспоминать» дальше...

— И одновременно путешествовать фантазией в облюбованном вами девятнадцатом веке?

— Вероятно. Оконченный роман обыкновенно оставляет у меня ощущение недовысказанности, а реализованный замысел рождает новый. После «Свидания с Бонапартом» я испытал необходимость сделать некоторую паузу. Она затянулась, зато и замысел следующей вещи успел, как мне кажется, оформиться и сейчас уже начинает проситься на бумагу. Волнуюсь, удастся ли встреча. Ну и хватит об этом, чтобы не сглазить. Скажу только: мне снова удалось найти, подобрать исторические документы, которые меня увлекли и от которых я попытаюсь оттолкнуться в сюжете. Теперь дело за правдой характеров эпохи...

— «Вымысел не есть обман, замысел еще не точка...» — так ведь поется в одной из ваших песен, рассказывающих как раз о процессе сочинения исторического романа. Сегодня жанр этот непосредственно связан с проблемой воспитания историей, воспитания памятью. Причем встречный интерес широкой публики к былому, к духовному наследию прошлого неуклонно растет...

— Да, вы правы. Вопрос действительно крайне важный и серьезный. Я давно над ним размышлял и страдал оттого, что долгое время у нас бытовала тенденция забвения многих страниц родной истории, пренебрежительного к ним отношения, а подчас даже умышленного их искажения по воле начальственных лиц — невежественных или лукавых. В результате мы немало утратили из сокровищницы культурно-исторической памяти, которая способна лечить эпидемию цинизма и неверия, поражающую души молодых. А разве «уважение к преданию», на необходимости которого настаивал Пушкин, не способствует воспитанию истинно советского патриотизма? Воспитание патриотизма не должно быть формальным — формализм притупляет восприятие высокого.

Между прочим, это касается и Великой Отечественной войны. Я никогда не пользуюсь ветеранским удостоверением и не виню тех, в ком ветеранские льготы и привилегии вызывают кощунственное раздражение. Виновато воспитание — патриотическое воспитание, в методах которого у нас что-то неладно. Средства пропаганды, искусство, литература отвечают за то, чтобы молодежь по достоинству оценила вклад отцов и дедов в дело спасения Родины и человечества, всю значимость слов «жертвовать своей жизнью», безмерность народных жертв и народного подвига.

Не следует, по-моему, опасаться прямого контакта читающей аудитории с историей становления и развития нашей государственности, нашей поколениями бескорыстных борцов выстраданной общественной мысли. Речь здесь не только о своде больших и малых «Историй», то есть о книгах, но также о некоей сумме понятий, в этих книгах заложенных и подразумевающих конкретное знание того, кто мы, для чего мы, откуда пришли. Иначе нам грозит участь превратиться в иванов, не помнящих родства в гигантских городских агломерациях, на безумных скоростях ядерного века.

Обнадеживающие симптомы нового подхода к вопросу налицо. Объявлено о переиздании трудов Карамзина, Соловьева, Ключевского... Замены им нет и быть не может. Современные хрестоматийные переложения и критические толкования для учащихся трудов крупнейших отечественных историков и философов без их массового переиздания приучают к догматизму и верхоглядству. Пора, наконец, уяснить, каким бесценным культурным достоянием мы разбрасываемся!

Повторяю, симптомы нового подхода есть. Однако инерция старого сохраняется и, судя по всему, будет изжита не скоро. В намеченном к переизданию списке мы пока не видим Чаадаева да и ряд прочих совершенно обязательных имен. Реставрируются одни памятники истории, культуры и преступно разрушаются другие. Да что там отдельные здания! На наших глазах нередко гибнут целые архитектурно-заповедные зоны. Взять хотя бы тот же старый Арбат, Выборгскую сторону и Васильевский остров в Ленинграде, не говоря уже об остальных российских городах и весях... Взывают из запустения к нашей совести, к нашему нравственному чувству писательские гнезда, усадебно-парковые ансамбли, даже мемориальные кладбища.

А сами исторические названия? Сколько ни порицали их переименования, сколько ни каялись в содеянном, роковое поветрие это туго идет на убыль. Вот и в Москве, где сейчас возвращают площадям и улицам их исконные названия (Красные ворота, Остоженка), нет больше Зубовской площади... Теперь она площадь Шолохова. Безусловно, Михаил Александрович заслужил увековечения своего имени, но ведь новых «свободных» площадей на столичных просторах предостаточно...

— Булат Шалвович, тридцать лет назад вы и несколько ваших ровесников вошли в литературу своеобразным монолитным поколением. И память о нем именно как о литературном поколении не изгладилась, хотя с тех пор много воды утекло...

— Тому, вероятно, имеются особые причины, мне судить трудно. Все мы были разными, одно нас крепко объединяло — Время. Ему мы обязаны своим появлением едва ли не в большей степени, нежели собственным достоинствам. Кое-кого время потом заставило уйти «внутрь», не дало раскрыться. Видел я, как губили свой талант в суете и погоне за успехом некоторые из тех, с кем мы

среди книг

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА

Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12-ти томах. Т. 9. Все для фронта. Сост. Е. Ионов. М., изд. «Современник», 1985, 575 с.

«Исход смертельной схватки с фашизмом решался не только на полях сражений, но и в глубоком тылу»,— пишет военный историк Александр Баженов в комментарии к книге «Все для фронта» — девятому тому антологии «Венок славы». Ярко, образно воплощают эту тему стихи и рассказы, отрывки из романов, повестей и поэм, статьи и страницы дневников, повествующие о великом подвиге тружеников тыла.

«И стал нам полем боя цех»,— писал в своем дневнике бригадир комсомольско-молодежной бригады Г. Ф. Семенов. В самом деле, разве не на переднем крае оказались металлурги Магнитогорска? 23 июля 1941 года, через месяц после начала войны, они выпустили первую плавку броневой стали. «Танки, сделанные из магнитогорской брони, приняли участие в подмосковных боях».

Повсеместно девизом было: «Работать столько, сколько нужно для победы». Заменив ушедших на фронт отцов, сыновей, мужей и братьев, самоотверженно трудились на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах женщины и подростки.

«Хлеб, взращенный вашим трудом на полях,— это тоже оружие, и сила этого оружия велика»,— писал в октябре 1943 года колхозникам-новосибирцам К. К. Рокоссовский.

Колхозное поле, по существу, было тоже полем боя, и об этом очень хорошо сказал участник войны поэт Константин Мартовский:

На этом поле не найдешь
патрона,
Пробитой каски,
ржавого штыка.
Но здесь стояла насмерть
оборона
Четыре года долгих,
как века.

Многие произведения, включенные в том «Все для фронта», посвящены ленинградцам, их беспримерному мужеству и стойкости. Писатель Леонид Пантелеев в декабре 1941 года занес в записную книжку услышанный на улице разговор:

«Женщина—другой (о муже, который на фронте):

— Он меня в каждом письме спрашивает: что нового в городе? А что я ему напишу? Что у нас дома шатаются и падают?

— А ты ему вот как напиши: мол, дома шатаются, а сами-то мы еще стоим и выстоим».

Почти шестисотстраничный том вместил в себя произведения Михаила Шолохова и Всеволода Иванова, Леонида Леонова и Алексея Толстого, Аркадия Первенцева и Михаила Алексеева, Александра Яшина и Ярослава Смелякова, Леонида Мартынова и Людмилы Татьяничевой, Чингиза Айтматова и Нодара Думбадзе, Федора Абрамова и Валентина Распутина... Впрочем, всех не перечислишь, да и надо ли?

Читатель, раскрывший том, сам увидит, как многообразно и глубоко запечатлен отечественной литературой героизм советского народа, отстоявшего Родину в годину суровых испытаний.

Н. ЦВЕТКОВА

вместе начинали. И все же первый побудительный толчок Времени для каждого из нас был огромен, сыграв решающую роль в нашей общей литературной судьбе. Нас меньше опекали и пестовали, чем сегодняшних молодых писателей, с самого начала приучающихся зачастую полагаться на связи, а не на свой талант и настойчивость, искать стопроцентных, «верняковых» путей.

А на проторенных путях откуда взяться дерзаниям, открытиям? Без них же любое творчество сводится к ремеслу, к унылой посредственности...

— Вот вы коснулись сейчас проблемы мастерства. Существует мнение, что под напором «серой» литературы утрачивается культура письма.

— Конечно, неудержимый поток «серой» литературы, представители которой нередко занимали в писательских организациях руководящие посты, привел к явному усреднению критериев нашей поэзии и прозы. Оригинальные, самобытные произведения с трудом пробивались к читателю. Тем не менее, мне думается, у по-настоящему одаренных писателей культура письма неистребима, как острота видения жизни, чувство времени. Другое дело, что на хорошего писателя невозможно выучиться ни в каком литинституте.

Помню, Борис Леонидович Пастернак во время нашей единственной с ним встречи, когда я студентом Тбилисского университета пришел к нему в гостиницу со стихами, в ответ на мои сетования по поводу того, что мне не посчастливилось поступить в Литературный институт, удивленно заметил: «Вы учитесь в университете, чего же лучше для будущего писателя». В стихах я тогда невольно подражал Пастернаку, и он отнесся к ним без энтузиазма. Но меня ободрил. На всю жизнь.

Надеюсь, нам все же удастся обуздать вал книгоиздательской «макулатуры» (иного слова, простите, не подберу). Она отбивает у массового читателя вкус к хорошей литературе, подрывает доверие к книге. Мы по праву считаем себя самым читающим народом в мире. Однако посмотрите, что читают многие в метро, автобусах, электричках... Когда-то я написал статью в защиту графоманов, где говорил: не стоит ругать поэта за плохую книжку стихов — ругать следует тех, кто эти стихи печатает. Прошли годы, а воз и ныне там.

Какое литературное поколение выдвинет теперешнее время кардинальных сдвигов и перемен, предсказывать не берусь. Но настоящая литература живет и развивается. Мне близок Фазиль Искандер. Я люблю Распутина. Упоминавшиеся уже мною новые романы, на мой взгляд,— явления, события, которых давно ждали...

— Ну а в поэзии?

— Здесь у меня лично потрясений почти нет. Возможно, из-за моей консервативности. С удовольствием читаю Кушнера, Чухонцева... Между прочим, у пятидесятилетнего Олега Чухонцева вышло всего два поэтических сборника с интервалом в одиннадцать лет. А есть, говорят, никому не известные стихотворцы, умудрившиеся напечатать по 15—20 книжек.

Иной раз заставит вздрогнуть стихотворение кого-нибудь из молодых. Чаще — лишь отдельная строфа или даже строка. Впрочем, и это немало. Среди молодых поэтов встречаются примечательные фигуры. Им бы еще дерзости, окрыленности. И — пореже обращаться к нам, старшим, за советом. Мы ведь сами в нем нуждаемся, просто боимся признаться. Но вообще все это субъективные ощущения. Окончательный приговор нашим трудам выносит опять же Время. И не исключено, что те, кого сегодня не замечают, как раз-то останутся. А мы, вдруг выяснится, только прошумели...

Беседу вел Юрий ОСИПОВ.

Начало на стр. 16.

жалобы только что сработанной зурны, постукивание ткацкого станка — словом, звуки ожившей мелодии незабытого народного мастерства.

У СУХОГО ИСТОЧНИКА

Неправдоподобно голубые, словно нарочно раскрашенные в цвета, которыми дети изображают воду, струи изливались из темно-серых щелей обрывистого склона. Здесь сорок четыре источника — Чилучор Чашма. Темные косяки рыб резвятся в прохладных струях, могучие чинары и туранги-тополя раскинули ветви над благодатной влагой, серебрятся кусты лоха. В кронах мелькают, переливаются длиннохвостые райские мухоловки. Здесь вода, здесь жизнь.

Трудно поверить, что еще минуту назад наша машина, цокая клапанами перегретого двигателя, переваливалась по окаменевшей выжженной земле, где вянет даже верблюжья колючка.

Этот уникальный природный памятник находится на юге Таджикистана в Шаартузском районе. Им гордятся местные власти, сюда возят гостей, в прохладных беседках-мостиках расстилаются восточные застолья — дастарханы...

А рядом забытая крепость. И ведь название какое: Бешкент — Пять городов! Когда-то здесь живительным потоком струилась жизнь, развивались торговля и ремесла. Стены многих построек не разрушены, некоторые пестрят цветным ганчем — среднеазиатским гипсом.

Почему же пересох этот источник? Ведь хотя бы эта крепость способна привлечь в Шаартузский район десятки тысяч туристов из сотен стран мира.

Неподалеку, на окраине села Сайёд, стоит один из лучших памятников национальной архитектуры IX—XII столетий. В многовековой истории среднеазиатского зодчества это один из самых блестящих периодов.

К сожалению, памятники зодчества того времени, особенно в южном Таджикистане, мало известны за пределами научного мира.

...Издали, еще с дороги, видны два одинаковых, стоящих рядом купола. Вблизи оказывается, что форма их все же разная да и сами здания под куполами различны. Строгий, величественный интерьер сумрачных залов вдруг рождает ассоциацию с римским Пантеоном. Удивительны декор фриза, выполненного из фигурного кирпича, резная терракота обрядной ниши (михраба).

Не счесть копий, сломанных учеными в спорах о назначении этого архитектурного комплекса: мавзолей, двойной мавзолей, ханака (обитель дервишей), медресе. Местные жители называют его мавзолей Ходжа Машад, а возможно, здесь действительно находилось одно из самых древних в Средней Азии медресе.

Но бесспорно: комплекс Ходжа

следами столетий

Машад является ценнейшим шедевром мировой культуры, бесспорно также, что Ходжа Машад гибнет. Разрушается памятник не только от времени. В прошлом году, например, учеными из Душанбе отсюда были сняты и увезены кирпичи с нерасшифрованными надписями. Судьба их неизвестна. А еще раньше из купола левого здания «для исследования» были вынуты резные плитки, и сейчас неясно, где они находятся.

Заместитель председателя кишлачного Совета Сайёда Донιер Тоштемиров — школьный учитель. В Ходжа Машад он приводит учеников из седьмой школы. Они расчищают памятник, удаляют растения, корнями расшатывающие кладку куполов и стен.

— На уроках мы часто беседуем о мире, странах, о нашем кишлаке, о наших памятниках. Я стараюсь объяснить, что они должны остаться не только для нас. Мы готовим и базу для реставрации. Когда она начнется, поможем рабочей силой. По генеральному плану развития кишлака будем строить автостоянку для экскурсантов, ресторан, гостиницу, изготовим сувениры. Я добьюсь, что Министерство культуры выделит реставраторов, а ученые вернут назад то, что они у нас забрали.

Верилось, что, когда есть такая поистине коренная заинтересованность, не пересохнет погибший было источник, а оживет и вселит радость в души многих и многих поколений.

ТАХТИ САНГИН — ОТКРЫТЫЙ ГОРОД

Куват Додов напевал какую-то озорную песенку — весело блестели глаза на орлином лице горца. Девятый год заведует он отделом культуры Кабадианского района. Простой эту работу не назовешь, к тому же в районе выявлено более тридцати памятников, многие из них в скверном состоянии, так что мотаться приходится.

Кончилась дорога внезапно: машина подпрыгнула, нырнула в канаву, а затем медленно поползла по неровному карнизу, прилепившемуся к почти отвесному склону. Впереди, внизу мелькнула лента реки, подожженная закатным светом.

— Окс,— пояснил Додов,— так греки называли Амударью. Это граница.

Богатую многострадальную землю Кабадиана в знойной долине между реками Кафирниган и Пяндж не миновали катаклизмы истории. Здесь увидишь огромные глиняные холмы — остатки бактрийских крепостей, вошедших затем в Ахеменидскую державу. Поднимая тяжелую лессовую пыль, по земле древнего Кубода проскакала конница великого завоевателя Искандера — Александра Македонского. Когда его империя, не выдержав груза внутренних противоречий, распалась, эта область вошла в Греко-Бактрийское царство, а позже — империю Великих Кушан. Здесь правили эфталиты, арабы, саманиды, газневиды, монголы, тимуриды...

Что поделаешь, выгодно расположен Кабадиан. Он как бы служил мостом, соединявшим Иран с Тураном, Хорасан с Мавераннахром — междуречьем Сырдарьи и Амударьи. Завоеватели старались положить в карман ключи от торгового пути и всячески укрепляли Кабадиан, который временами успешно соперничал с многими городами Востока.

Архитектурные памятники средневекового Кабадиана, скромные и неяркие, вряд ли строили пришлые мастера. Вот белый сырцовый мавзолей Акмазар на окраине кишлака Чапари с остроконечным уступчатым куполом и невысоким порталом, толстым слоем резного ганча изнутри и кольцевым поясом поребрика на своде.

Много неясного и загадочного в архитектуре Акмазара. Ученые относят его к чрезвычайно интересным сооружениям. Мавзолей очень древний в основе и сохранил ряд неизвестных или редких черт и приемов средневековой архитектуры.

Или малюсенький мавзолей в Гузари Боло, который не сразу найдешь среди высокой травы. Он имеет два названия: Куммазар и Мазори Мирон. Размеры сырцового здания — всего два с половиной на три метра. Да и построен он странно: ориентирован по странам света углами. Арки, образующие своды, сложены явно на глаз, сильно перекошены, провисают.

И в то же время план мавзолея отличается поразительной точностью и пропорциональной взаимосвязью частей, за единицу которых принят квадрат со стороной 48 сантиметров.

А рядом, возле сухой чинары, увенчанной гнездом аиста, сохранились еще один мазар (мавзолей) и мечеть. Местная легенда утверждает: их построила женщина, что совсем уж необычно для тех времен. Все это памятники народного зодчества с неповторимыми конструктивными опытами кабадианских строителей.

...Кончился наконец спуск, когда машина чуть ли не скребла левым бортом скалу, а из-под правых колес летели в бездну увесистые булыжники, и мы выкатились в долину Окса.

— Вон там был найден Амударьинский клад,— показал вдаль Додов.— А вот и Каменный Трон — Тахти Сангин!

Много интересного нашли археологи в Тахти Сангин: части мечей и кинжалов, металлические украшения, статуэтки, изделия из слоновой кости, резного камня, керамику.

Поражаешься энтузиазму ученого, который здесь под палящими лучами за короткий полевой археологический сезон извлек из-под земли все это чудо.

И все же...

Тоненький ручеек осенних дождей размыл сырцовую кладку. А здесь рухнула стена, затянуло лессовыми отложениями плитки пола. Дальше еще хуже: уничтожены коридоры, неразличима их планировка. Что же это, раскопки закончены, уложены в ящики находки, сделаны обмеры и фотосъемка, а дальше?

Получается, археологам нет дела до того, что будет с открытыми ими городом. Древнее зодчество использовало здесь кирпич-сырец, который без ухода долго не живет. Пройдет немного времени, и вязкая, тяжелая глина бывших стен затянет, поглотит, погребет теперь уж навсегда античный город. Больше его никогда не будет — он останется лишь на бумаге и в фотографиях. Что же увидят потомки?

Археология — наука относительно молодая. За какие-нибудь последние сто лет ею на свет божий извлечены тысячи памятников, на многие века законсервированные в земле. Честь и хвала за это археологам. Но задача их состоит не только в том, чтобы открыть памятник, сделать ошеломляющее сообщение, защитить диссертацию, но и сохранить его, чтобы наглядной историей воспитывать новые поколения. К сожалению, об этом ученые нередко забывают. Как здесь, в Тахти Сангин.

В Шаартузском районе, в том самом уникальном природном оазисе Чилучор Чашма, я увидел античное основание колонны.

— Откуда это?

— Из Тахти Сангин! — с гордостью ответили мне,— археологи подарили.

Нужно говорить о профессиональной этике врача, учителя. Нужно говорить и о профессиональной этике археолога.

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Он тихонько пошел под утро. Это был не тот сплошной осенний сеенец, который ждал нас в Москве, влага лишь коснулась окаменевшей, потрескавшейся земли, сбила пыль с листьев тополей, слегка замочила иглы арчи. Но этот дождь напомнил, что не за горами настоящая осень, что в полях стоит еще не убранный хлопок, что скоро снега замкóм лягут на перевалы, отрежут от мира горные кишлаки. А археологи закончат полевой сезон, подведут итоги реставраторы.

В кабинете начальника республиканской Госинспекции по охране и использованию памятников истории и культуры А. Тоатова на стенах висят рисунки, фотографии архитектурных шедевров. Многие теперь мне знакомы лично.

— Инспекция создана в 1968 году при Министерстве культуры Таджикской ССР, — рассказывает хозяин кабинета,— и должна контролировать сохранение и использование памятников. На самом деле это невозможно — у меня всего пять человек, а на нас дополнительно возложено: выявление, паспортизация памятников, научные исследования, пропаганда. Кроме всего, мы заказчики реставрации по всей республике! Контроль, таким образом, остается в стороне. На местах нет резидентуры госинспекции, стало быть, нет оперативного вмешательства. Вот и гибнут памятники: недавно для строительства коровника в Кулябской области распахали городище Мажартепе, в Кабадианском районе также разделали Кей Кабад-шах под яблоневый сад. По всем этим случаям возбуждены судебные дела, но наказывается колхоз, а не инициатор преступления. Заместители председателей исполкомов,— продолжает Тоатов,— являются председателями областных или районных советов по охране памятников. Но они либо этого не знают, либо не хотят этим делом заниматься. Далеко не всегда внимательны к памятникам и партийные органы, невзирая на соответствующие постановления ЦК КПСС и Совмина СССР. Не все, конечно, так мрачно, с 1978 года в республике отреставрировано тринадцать разных памятников; для нас это много. Утверждено более двадцати проектов реставрации. Беда наша, что отсутствуют лаборатории по видам материалов, не совершенствуются, «варятся в собственном соку» научные кадры. Не хватает специалистов высокой квалификации, в основном, как вы видели, работают народные мастера.

Не ясна позиция Госплана республики и банка: недавно произошел неприятный случай — приехала бригада из Ленинграда для восстановления буддийского храма Аджинатепе, а денег для работы им не выдали. Напряженные отношения у нас и с Институтом истории республиканской Академии наук. Археологи не сообщают нам о найденных объектах, не всегда фиксируют в органах Госохраны открытые листы. С 1947 года ни одна экспедиция не сообщала об окончании работ. За это время раскопано более 200 объектов, но все понемножку, не до конца, их нельзя ни консервировать, ни музефицировать. Была бы моя воля,—говорит Тоатов,—я создал бы республиканский комитет, куда сходились бы все нити управления работами по сохранению наших памятников истории и культуры, и дал бы ему власть — поощрять хорошую работу и наказывать нерадивых и прямых виновников...

Гигантская перестройка, которая происходит в нашей стране, должна коснуться также дела сохранения и использования памятников истории и культуры, исключить косность, рутинность, привычное отношение к свидетелям седой старины, как к чему-то второстепенному, малосущественному. А ведь это наша история...

И еще, в таджикских традициях уважение к старости. Об этом нельзя забывать.

после суда

О том, что курить вредно, известно и дошкольнику. Но табак, оказывается, гораздо опаснее. Особенно, если, прежде чем использовать по прямому назначению, его украдут. Тогда можно так навредить здоровью, что придется долгие годы «лечиться» в местах, строго изолирующих корыстных любителей никотина от внешнего мира.

Юрий ЛУШИН,
собкор «Огонька»

Я читал их объяснения и жалобы, и меня аж слеза прошибала от умиления. Боже мой, какие люди! Да их же в президиумы сажать нужно, а не в КПЗ, медалями награждать, а не обвинительными приговорами. Ну как не расчувствоваться, читая, например, такое:

«В настоящее время я нахожусь с несовершеннолетними преступниками на правах старшего по камере. Веду с ними как воспитательную, так и правовую работу. Вместе с ними в мастерских изолятора выполняем и перевыполняем индивидуальные планы, укрепляя при этом трудовую и производственную дисциплину. У меня семья, имею троих детей...»

Скромный передовик и наставник-воспитатель (впрочем, поневоле) Марат Кидиков, тридцатидвухлетний грузчик со среднетехническим образованием, стал известен новаторством в сфере погрузки табачных изделий как в вагоны, так и в автомашины. Алма-Атинский городской суд определил, что за эти новации их автор заслуживает 11 лет изоляции в колонии усиленного режима и конфискации имущества.

«О себе могу сказать, что свою трудовую жизнь я начал с 15 лет... Добился хороших результатов в спорте, выступая и защищая честь республики в команде ДСО «Спартак» по регби, за что неоднократно награждался почетными грамотами и дипломами, а также медалями. Вел скромный образ жизни, воспитывая двух детей школьного и дошкольного возраста. В настоящее время моя жена на шестом месяце беременности... Мне кажется странным, что мои чистосердечные показания как следователю, так и суду использовались не в мою пользу, а, наоборот, против меня».

Не менее скромный, как видите, тридцатилетний экс-спортсмен Владимир Ромашенко, водитель грузовика, тоже новатор... по части «левых» рейсов с похищенными сигаретами. Его скромность суд оценил в три года изоляции.

«Работая грузчиком, я получал неплохую зарплату, 350—400 рублей в месяц, этих денег мне хватало. Ведь, кроме старушки матери, у меня никого нет. Мать получала пенсию по инвалидности и, кроме того, еще и работала во Дворце культуры АХБК, в музее. Денег нам хватало, и поэтому я никогда не держал в голове мысли, что надо воровать».

Вот ведь какой правильный человек Леонид Жебенев. В свои двадцать пять лет кое-чего достиг. Окончил техникум, например, но, видимо, только для того, чтобы применить полученные знания при погрузке сигаретных коробок. Не будем говорить о том, что государство бесполезно потратилось на его образование, что Жебенев преградил кому-то путь к любимой профессии. Обратим внимание на обиду Леонида Леонидовича. Он страшно обижен, что суд приговорил его к четырнадцати годам лишения свободы. Он считал, что его «успехи» в области погрузки напрасно квалифицировали как хищения в особо крупных размерах.

«Хочу еще раз обратить ваше внимание на то, что с моей стороны материального ущерба государству нет, так как продукция была полностью возвращена государству. (То есть вовремя схватили за руку.— Ю. Л.) Прошу суд учесть старость моих родителей, нуждающихся в помощи, а также двух моих больных детей».

Это снова крик души из сборной шоферов. Кается и уверяет, какой он хороший, Ахмед Паша-оглы. Этот хоть признался, что воровал, да не успел сбыть краденое (пять лет изоляции от соблазнов.— **Ю. Л.**). А вот его коллега по баранке Владимир Чирков выбрал иной путь для оправданий.

«Я никогда ни с кем не состоял в предварительном сговоре о хищении сигарет. Откуда эти сигареты, я не знал. Я не помню точно ни числа, ни людей, которые мне давали сигареты. Действовал из чувства товарищества и еще из-за того, что в семье было тяжелое материальное положение, так как в семье я работал один... У меня двое детей четырех и восьми лет. За такой большой срок я могу потерять семью, а дети забудут отца».

Чувствуете — слезу высекает. Верный товарищ, чуткий семьянин, чадолюбивый папаша, а вы, граждане судьи, на десять лет его... Хочу обратить внимание на одну деталь: как резко скамья подсудимых влияет на потерю памяти (в определенном направлении) и одновременно обостряет чувство любви к ближним. Вот еще пример, последний. Дадим слово опять представителю команды грузчиков (так сказать, для равного счета, дело-то общее, поскольку обе команды «играли» в одни ворота) Фариту Нурмухаметову, взявшемуся даже попенять суду:

«Я в судебном заседании пояснил, что из предъявленного обвинения признаю только кражу семи пакетов сигарет «Медео» на сумму 896 рублей совместно с Кидиковым и водителем Гольвых... К тому же суд не учел то обстоятельство, что сигареты могли похитить те, кто составлял претензионный материал, то есть когда выгружали на станции назначения... Судом не приняты во внимание смягчающие вину обстоятельства, а именно то, что я ранее не судим, положительную характеристику с места работы, ходатайство коллектива о передаче меня на поруки. Суд не принял во внимание, что на моем иждивении находятся больная жена и пятеро несовершеннолетних детей, один из которых грудного возраста».

Ну, как вам это нравится? Просто яростный защитник справедливости. Но суд-то как раз учел все обстоятельства дела (в том числе и вышеперечисленные подсудимым), напомнив забывчивому Нурмухаметову еще о десятке совместных краж и определив ему меру наказания в 11 лет заключения в колонии усиленного режима...

Описание «табачного дела» заняло шестнадцать объемистых томов, один из которых целиком посвящен обвинительному заключению. Если же говорить коротко, то суть его в том, что группа грузчиков Алма-Атинского табачного комбината по предварительному сговору с группой шоферов автокомбината № 2 в течение года совершала хищения табачных изделий в особо крупных размерах.

Воровали среди бела дня, воровали открыто, беззастенчиво, грубо и нагло. Тем не менее остановить их удалось лишь через год, да и то благодаря случаю. Водитель Тагир Долгиев нарушил правила стоянки. Заодно с водительским удостоверением проверили груз, на который документов не оказалось (32 пакета сигарет, в каждом пакете 320 пачек — всего товара на четыре с лишним тысячи рублей). Продавщица магазина, около которого остановился грузовик, показала, что Долгиев предложил ей купить у него сигареты по заниженной цене (по 35 копеек вместо сорока). Потом она бы их продала по нормальной государственной цене, а разницу, понятно, положила бы в свой карман. Не успела, для заключения сделки не хватило каких-то полчаса. Долгиев же (или какой-либо другой водитель) с выручкой, как это бывало не раз, должен был вернуться в тупик № 190, где загружались табачными изделиями вагоны, чтобы поделить с грузчиками деньги за ворованный товар.

Такое происходило, случалось, и не по одному разу в день. Но в тот день Долгиева ждали напрасно. Сгоряча он попытался было прикинуться простачком: мол, что за сигареты — не ведаю, может быть, их просто забыли выгрузить. Поехали в тупик посмотреть, кто же такой забывчивый. В тот день на погрузке работала смена Козлова. Причем у него и у грузчика Жебенева оказались при себе крупные суммы денег. Этот факт Жебенев объяснил так:

«В это время на тупике находился один из членов нашей бригады, Гребенников, который в тот день был в отгуле. Он и Козлов стояли и разговаривали, я подошел. В это время Козлов передавал Гребенникову сверток, что в нем было, я не знаю, и свой бумажник, сказав: «Приехала милиция, вот это спрячь, а я вечером заберу». (Он не предполагал, что свободный вечерок выдастся у него лет через четырнадцать.— Ю. Л.) У меня при себе были деньги в сумме 520 рублей, из которых 220 были моими, 300 материнными. Я попросил у нее эту сумму (помните, мама-пенсионерка, инвалид? — Ю. Л.), чтобы купить себе хороший костюм, так как у меня, кроме двух брюк и куртки, из одежды ничего не было (понятно, заработок-то скромный, 400 рублей в месяц.— Ю. Л.). Видя, что Козлов передал бумажник Гребенникову, я тоже отдал ему свой бумажник с деньгами. Когда мы приехали в Ленинское РОВД, то увидели возле него машину Долгиева...»

Тут, надо полагать, они поняли, что их дело — табак. Однако сознаваться в преступлении не торопились. Одни из них, давая показания с признаниями, потом отказывались от них (как, например, Андрей Ковалев, грузчик с высшим образованием — окончил Институт физической культуры, тренировал, к счастью, недолго, юных спортсменов). Другие, как, например, Жантума Карабалин, пытались пустить следствие по ложному следу. (Шофер Карабалин, кстати, тоже имеет высшее образование, бывший юрист, ранее уволенный из органов МВД за порочащие звание действия. Следователь Аппаев говорил мне, что труднее всего ему пришлось именно с Карабалиным и Ковалевым.) Третьи просто валили вину на других.

В связи с многоэпизодностью и сложностью дела была создана специальная оперативно-следственная группа из шести человек, которую возглавил лейтенант транспортной милиции Акимжан Аппаев. Он понимал, что прежде всего нужно разгадать одну загадку, заданную преступниками: каким образом вагоны, прибывающие на далекие станции назначения с исправными пломбами и без малейших следов взлома, оказывались все-таки крупно ограбленными? Не буду раскрывать секреты следствия и «секреты» махинаторов, скажу только, что Аппаеву и его товарищам разгадать механизм преступления удалось довольно быстро.

И прежде всего необходимо сказать: если бы приемщики неотлучно находились при погрузке (что им и положено по должности, за это зарплату получают) и не доверяли пломбирование кому попало, то главный канал хищений был бы перекрыт. Однако подобных «если бы» в этом деле набралось прискорбно много... Если бы на выезде из тупика автомашины проверялись (такой контроль обязан был осуществлять табачный комбинат, арендовавший у железнодорожников тупик)... Если бы шоферы просто отказались вывозить и сбывать краденое... Если бы продавцы десятков магазинов отказались это краденое принимать... Если бы ревизии и проверки, неоднократно проводившиеся в то же время и в тех же магазинах, хотя бы раз вскрыли наличие «левого» товара... К сожалению, ни одно из этих «если бы» не осуществилось, поэтому маховик хищений набирал все большие обороты. Дошло до того, что шоферы, впервые приезжавшие разгружаться в ставший уже знаменитым тупик, открыто спрашивали:

— Сколько можно с собой увезти?

— А сколько сумеешь,— получали лихой ответ.

И началось в тупике своеобразное соревнование: кто сколько сумеет. Больше других умели Жебенев с Козловым (эти умельцы воровали не просто ежедневно, а в иной день не однажды, им завидовали и подражали). Впрочем, мало им уступали Ковалев, Кидиков, Шаповалов, Нурмухаметов... Среди асов левых рейсов наибольшую популярность приобрели Губкин, Чирков, Решетников, Гольвых, Ваганов, Паша-оглы, да и другие стремительно прибавляли в «мастерстве». Мне кажется, что близился момент, когда очередной вагон отправился бы на станцию назначения совершенно пустым, хотя по накладным числился бы доверху забитым сигаретами... Да, работа в тупике закипела нешуточная. Воровали на тысячи рублей ежедневно, но и мелкой монетой не брезговали. Передо мной унылая в своем однообразии хроника преступлений.

«16 августа. Козлов по предварительному сговору с Жебеневым из вагона №... похитили пять коробок сигарет «Медео»... на общую сумму 1120 рублей, которые сбыли неустановленным лицам».

«18 августа. Козлов повторно по предварительному сговору с Жебеневым из вагона №... похитили 6 коробок сигарет».

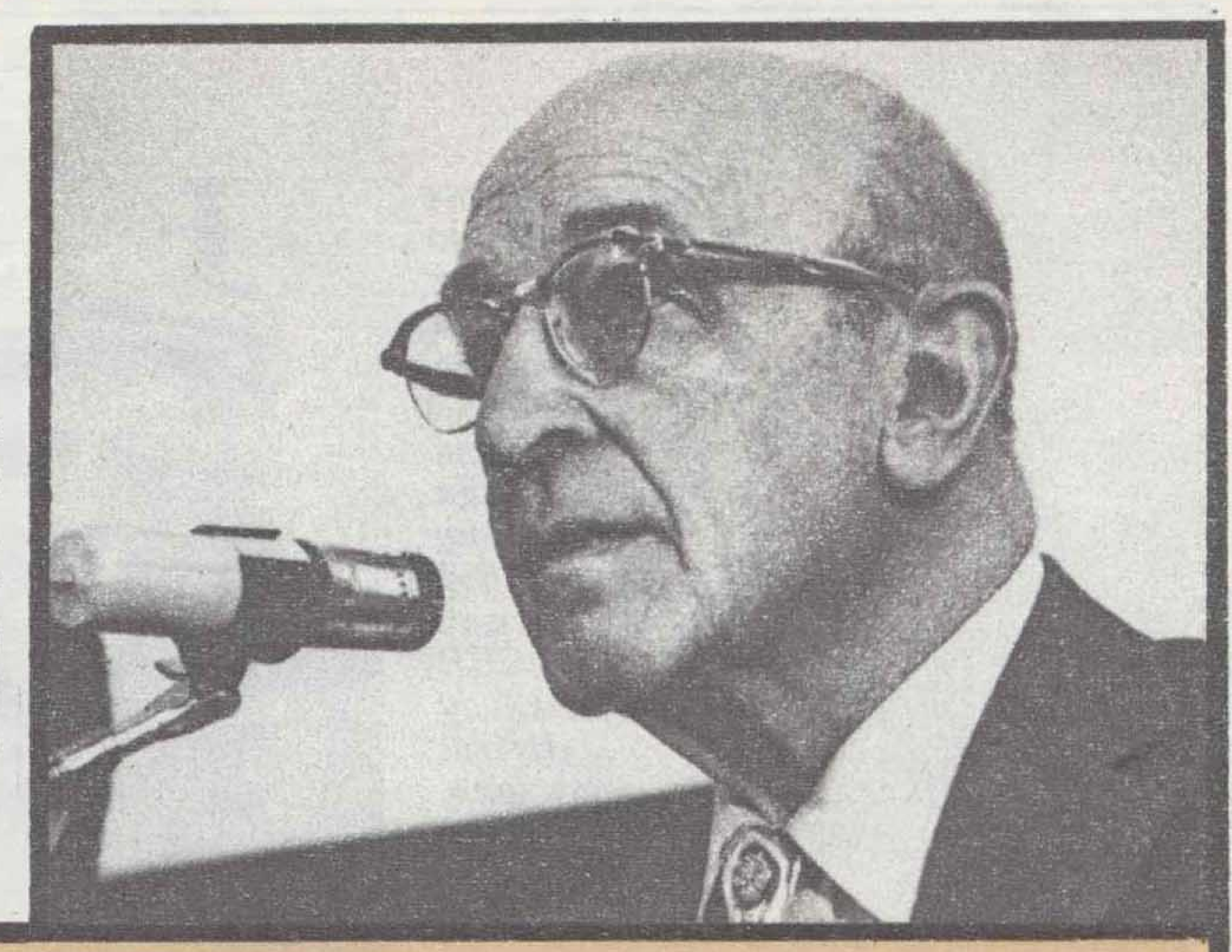
«19 августа. Козлов повторно с Жебеневым похитили...»

Примерно то же самое происходило и в другие месяцы, пока их не задержали с поличным.

Порок, как мы знаем, наказан, справедливость восторжествовала. 23 человека, проходивших по «табачному делу» и совершивших хищения на 92 с лишним тысячи рублей (кроме того, в процессе следствия возвращено в доход государства 27 тысяч рублей), получили в общей сложности более 150 лет заключения. Как говорится, торговали — веселились, подсчитали — прослезились. Тем не менее после знакомства с делом меня не покидало чувство недоумения. Почему, скажем, из нескольких десятков торговых работников, скупавших краденые сигареты с целью наживы, никто серьезно в общем-то не пострадал? (Все освобождены от уголовного наказания указом об амнистии, кроме Таисии Ковалевской, осужденной за спекуляцию в особо крупных размерах на пять лет.) Почему ни одного из приемосдатчиков, допустивших архихалатное отношение к своим обязанностям, даже не пожурили?

Суд в частных определениях в адрес автокомбината № 2, Алма-Атинского табачного комбината, министра пищевой промышленности Казахской ССР и начальника городского управления торговли перечислил вопиющие недостатки в работе этих подразделений. После суда миновало несколько месяцев, но никто из перечисленных организаций на частные определения никак не отреагировал. Почему? Может быть, везде все прекрасно? Но вот передо мной газета «Вечерняя Алма-Ата», в которой начальник Ленинского РОВД Е. Елемисов сообщает, что «на Алма-Атинском табачном комбинате задержана работниками охраны машинистка сигаретного цеха М. Мендыгалиева, у которой изъято 30 пачек сигарет «Медео» и 3 пачки «Космоса» на общую сумму 14 рублей 10 копеек». Мелочь? Не думаю. «Табачное дело» тоже начиналось с мелочей.

Недавно в нашей стране впервые побывал психолог, бывший президент и один из основателей ассоциации «За гуманистическую психологию в США» Карл РОДЖЕРС.

МОСКОВСКИЕ ИНТЕРВЬЮ КАРЛА РОДЖЕРСА

я и семья

Большая аудитория Института общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР забита до отказа. Неподалеку от меня в проходе, прямо на ступеньках, примостились молодые психологи, которых я встречала в московской консультации по вопросам семьи и брака. Здесь же собрались известные ученые, профессора, аспиранты, студенты. В руках у многих я замечаю раскрытые блокноты и тетради. Идет урок постижения человека человеком.

— Доктор Роджерс, меня давно мучает серьезная семейная проблема. Я обвиняю своих родителей в том, что они лишили меня счастливого детства. Между ними были постоянные ссоры...

Эту исповедь слушают несколько сот людей. Но эти двое не слышат и не видят никого. Они слышат и видят только друг друга. Для Карла Роджерса это интервью — одно из многих тысяч, которые он за свои восемьдесят пять лет жизни провел в самых разных странах. Предельная откровенность — главное условие учебного интервью профессора Роджерса. Учебного? Да! Ведь сегодня здесь, в одном из старейших психологических центров нашей страны, Карл Роджерс делится опытом с советскими коллегами.

Чем же интересен опыт работы Роджерса? Оторвавшись от теории, профессор вывел психологию из стен кабинета, осуществив огромное количество исследований в семье и школе.

— Мама моих советов не слушает. Она сильный человек и считает, что сама справится со своими проблемами, и даже пытается вмешиваться в дела моей семьи. Мне кажется, что она вообще ненавидит всех мужчин...

Приглушенный волнением женский голос замирает в тишине, и тогда навстречу ему, не сразу, после паузы, устремляется голос мужчины:

— Вас особенно раздражает стремление матери вмешаться в вашу жизнь и ее отношение к вашему мужу?

— Да... И еще меня беспокоит, что мама пытается влиять на дела моей семнадцатилетней дочери. Я понимаю, она хочет быть кем-то в семье.

— Вы понимаете, что для нее это способ сохранить свою личность, свою необходимость и важность в семье?

— Понимаю! Понимаю, что она оказалась обделенной любовью, но меня раздражает ее постоянное стремление к лидерству... Я устала. Я все время сдерживаюсь, но чувствую, не выдержу и взорвусь...

Всего сорок пять минут шел этот урок Карла Роджерса. Профессор наглядно показал нам, что значит уметь слушать друг друга и как важно быть услышанным. Мы с вами часто говорим знакомым, друзьям, которые пришли к нам с бедой или радостью: «Я слушаю тебя, рассказывай!» И вроде бы слушаем их, но... не слышим! Ведь для того, чтобы понастоящему услышать человека, понять его боль или радость, нужно прожить с ним вместе этот кусочек его жизни. Другого способа услышать и понять человека не существует. Попробуйте проверьте это сами, и вы убедитесь, что очень непросто войти в жизнь другого человека.

Как же все-таки этого достичь? Вопросы, вопросы, вопросы. Молодую женщину спрашивают: «Вы почувствовали, что идет научный эксперимент?» И она признается, что ни минуты не думала об этом. «Я следовала за доктором Роджерсом, который, я чувствовала, хочет мне помочь». «Как вы нашли решение своей проблемы?» «Разговаривая с профессором, я вдруг совсем неожиданно для себя поняла, что сама могу найти выход». Роджерс не задавал каких-то особых вопросов: все было, как в жизни, но это была кажущаяся простота. За ней стояла череда бесконечных опытов, исследований, экспериментов. За ней была целая жизнь.

Я спросила профессора Роджерса:

— Тем родителям, кто не читал ваших книг, что вы посоветуете взять на вооружение из вашего метода для семейной педагогики?

— Три главные заповеди моего метода. Первое: родители должны уметь слушать ребенка и стараться посмотреть на мир его глазами. Второе: уважайте в ребенке его неповторимость. Третья заповедь сводится к тому, чтобы родители оставались сами собой, не прячась за свой статут отца или матери. Не бойтесь признаваться в ошибках перед детьми, если их совершали по отношению к ним. Не скрывайте их от детей. Важно сохранить свою открытость перед ребенком, и тогда он также будет с вами открытым.

Беседовала Н. ИВАНОВА.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

«Огонек» сердечно поздравляет Александра Петровича Межирова в связи с присуждением ему Государственной премии СССР за книгу «Проза в стихах».

Александр МЕЖИРОВ

Никакого предварительного замысла две мои последние книги не имели. По-видимому, они (совсем небольшая, меньше двух печатных листов «Проза в стихах» и совсем новая, стихи из которой печатаются здесь) возникли из чувства недовольства собой, а также итогами, увы, непредварительными. Впрочем, недовольство собой — тема всегда актуальная, вечная. А вечные темы не стареют, не выходят из моды, не выветриваются. Тем более что недовольство собой испытывают не только отдельные люди, но иногда целые социальные системы. И это в определенных случаях идет им на пользу.

ЧЕРЕЗ КОСТЕР

●

На материках планеты,
Свой казенный путь торя,
Сколько раз бросал монеты
В океаны и моря,
Сколько раз бросал-прощался,
Ровно столько возвращался,—
Стало быть, бросал не зря.

И на этот раз бросаю
Горсть монет, на этот раз,
И на этот раз не знаю,
Возвращусь ли, но бросаю,
Впрок бросаю, про запас.

Чтоб вернуться в эти дали,
Где над черною водой
Птицы белые взлетали
В непроглядный час ночной.

●

Над океаном завыванье «ИЛа»,
Вдоль вытянуты кресла в три ряда.
Торонто... Дели... Но какая сила
Тебя сегодня привлекла сюда?

Твой длится день, просроченный, нелетный,—
Обшивки лихорадочная дрожь...
В салоне воздух редкий или плотный,
Иллюминатор потный. Не протрешь.

Ты тело чужеродное в системе
Орбит надземных. Твой металл устал.
Ни с этими не спелся и ни с теми
И даже балансировать не стал.

Ты притерпелся ко всему настолько,
Что сам сумел постигнуть всей тщетой:
Ах, это не трагедия, а только
Закон природы, грубый и простой.

А в остальном! Что ж в остальном? Стальное
Косит в иллюминаторе крыло.
В сыром, предъэкваториальном зное
Смешное что-то в голову пришло
(Чужая старость раздражает малость,
Своя к себе же вызывает жалость).

●

Там над коротенькой травой,
Там в палисадниках старинных,
Там розы при минусовой
Температуре на куртинах.

С материка на материк,
Ирландский город Лимерик —
Отель последнего транзита.
В кабину лифта взгляд проник
На миг, и снова дверь закрыта,—
И стал сопровождать всеместно
Меня повсюду и подряд
Тот совершенно неизвестно
Кому принадлежащий взгляд.
На долю малую минуты
Открылась дверь, слегка звеня,
И я увидел этот лютый
Взгляд, ненавидящий меня.

В пустой кабине лифта, в сонном
Отеле снег стекал с пальто.
Дверь на мгновенье с легким звоном
Открылась. Не вошел никто.

●

Был больше всех греховен и порочен
И перед всеми виноват кругом,
И щеки не остыли от пощечин,—
Но не об этом речь, а о другом.

О том, что жизнь прошла и сплю в могиле,
И вижу сон о том, как на земле
Виновен был,— да не за то судили
И присуждали к плахе и петле.

Скрипит во сне ступенька эшафота,
Вся лестница прямая без перил.
Да только не за то судили что-то,
Ах, что-то не за то, что натворил.

Суд надо мной, земной, под небесами,
Не Страшный, не за то, в чем виноват
Виновный, а за то, что судьи сами
Творили, натворили, натворят.

●

Бывало всяко. Даже тяжело —
До полного развала и распада.
Я требовал от вас того, чего
От человека требовать не надо.

А ваша прелесть в том и состоит,
Что явно или в тайне, в миг единый,
И образ и подобье исказит
Любой из вас без видимой причины.

Но не исключено, что заключен
Смысл наивысший бытия земного
И в том, что снова образ искажен,
И что искажено подобье снова.

ЧЕРЕЗ КОСТЕР

Все то, что сжечь с листвой не удалось,
Теперь в огне поглотит без возврата
Усадебный костер, летящий вкось,
Синтетикой чадящий сладковато.

Через огонь в лицо бросая мне
Упреки воспаленные и пени,
Сидели на обтесанном бревне
Три женщины различных поколений.

Три женщины... Четвертая не в счет,
Речь не о ней, поскольку малолетка,
Хотя меня по имени зовет
И без причины мне дерзит нередко.

Она еще не ведает о том,
Что дней моих совсем осталось мало,—
На рубеже каком-то возрастном
Она меня из виду потеряла.

И наконец остался я с тремя,
Беспомощными, дикими и слабыми,
На все лады бушующими бабами,
И, господи, твержу, помилуй мя.

●

Несколько однообразный,
Неизлечимо больной,
Праздный (какие соблазны!..)
Голос послышался твой.

Пляж опустелый осенний,
Схожесть незаданных тем,
Слышу слова умилений
Этим больным бытием.

Сонные всполохи света
На берегу, в пустоте,
И благодарность за это
Призрачное бытие.

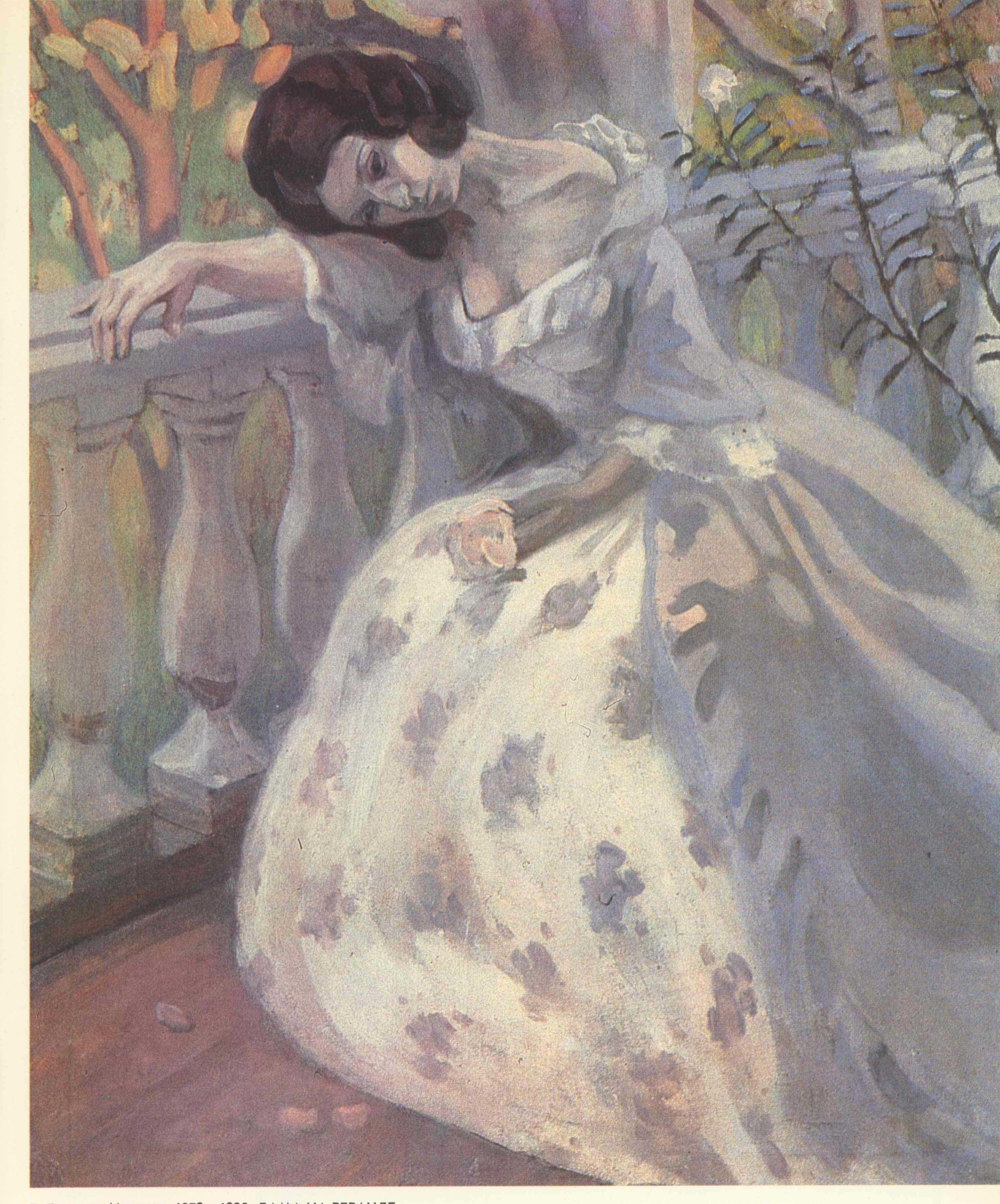
●

Осенний дождь способствует беседе —
На летнюю, зеленую траву
Он льет и льет. Еще не видно меди
В том пригороде близком, где живу.

Беседа наша длится бесконечно,
Почти лишает отдыха и сна,
И надоела каждому, конечно,
Тем более, что скучная она.

Мы говорим о совершенном вздоре,
О том, что и без слов понятно всем.
Я часто повторяюсь в разговоре,
Поскольку я неграмотен совсем.

Не наделен способностью к познаньям
И к поученьям абсолютно глух,
Я засыпаю на рассвете раннем,
Сквозь сон беседу продолжая вслух.

В. Борисов-Мусатов. 1870—1905. ДАМА НА ВЕРАНДЕ.

К. Сомов. 1869—1939. ПЬЕРО.

из частных коллекций

В журнале «Огонек» № 24 с. г. напечатана статья заслуженного деятеля искусств РСФСР Савелия Ямщикова «Вернисажи коллекционеров», в которой рассказывалось о проблемах, связанных с частными собраниями произведений искусств... Эта публикация сопровождалась цветными репродукциями с замечательных картин художников Зинаиды Серебряковой, Бориса Кустодиева, Константина Сомова, Александра Головина, Бориса Григорьева. Они экспонировались на выставке «Русское искусство XVIII — начала XX века из частных собраний», которая состоялась в Центральном выставочном зале Ленинграда. В этом номере журнал на трех страницах вкладки продолжает знакомить читателя с творениями мастеров, представленных на ленинградской выставке: Валентина Серова, Александра Бенуа, Николая Крымова, Виктора Борисова-Мусатова. Это превосходные образцы отечественной школы живописи. Четвертая полоса вкладки — репродукция с акварели художника Константина Сомова «Пьеро». Эта работа принадлежала в свое время к известной коллекции произведений искусства академика Владимира Федоровича Миткевича, обладавшего уникальным собранием полотен Исаака Левитана и других русских мастеров. «Пьеро» Константина Сомова публикуется впервые.

ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

В № 24 «Огонек» рассказывал о сотруднике кафедры социальной психологии МГУ кандидате психологических наук А. У. Хараше, приехавшем в Чернобыль в начале июля по собственной инициативе. «Я знаю,— сказал тогда Адольф Ульянович корреспонденту,— что мои знания психологии общества, коллектива, семейной жизни сейчас там просто необходимы...»

Прошло четыре месяца. За это время психолог еще несколько раз побывал там, где живут и работают сотрудники станции и их семьи. Наш корреспондент беседует с ним о первых выводах и результатах этих поездок.

— Как у вас возникло решение отправиться в Чернобыль с профессиональной миссией?

— Мне казалось, что для практического психолога там невпроворот всякой работы. И туда в принципе надо бы направить психологическую службу. Понимал, что один в поле не воин. Но все же обратился в ВПО «Союзатомэнерго» и через месяц был в Чернобыле.

— Как встретили вас там? Не было ли у этих чрезвычайно занятых людей недоумения: они погружены в неотложное, в тяжелое дело, а тут... психолог.

— Да, иной раз встречали и с недоумением. А между тем на многих оказывал прямо-таки терапевтическое действие тот факт, что приехал психолог по своей воле, чтобы побыть с ними вместе какое-то время. Не учит их жить, не вмешивается, но готов помочь, если обратятся.

— И обращались?

— Да, конечно. И лекции читал, и консультировал индивидуально, и проводил групповые занятия. Старался незаметно поддержать и ободрить каждого, с кем вступал в контакт даже по случайному поводу. Но это все, так сказать, местная анестезия. А проблемы ведь глобальные.

Чернобыльские события оказались естественным нравственно-психологическим «тестом» для всего нашего народа, для каждого человека в отдельности, понял я, обдумывая и анализируя результаты поездок. Люди как бы разделились на сбежавших и оставшихся. И не только в зоне аварии. Ведь и вне ее кто-то поспешил за путевкой добровольца на ликвидацию последствий катастрофы, а кто-то—сдавать путевку на курорт, потому что поезд идет через Украину. Сама жизнь провела эксперимент, объективно засвидетельствовавший существование двух полярных типов личности.

— Но между этими полюсами существуют, наверное, и менее «жесткие» варианты? Ведь на поведение человека в такой ситуации могут влиять и внешние, не зависящие от него обстоятельства?

— Могут, конечно. И деление на полярности с психологической точки зрения не столь уж однозначно. Ибо внутри каждого из нас «герои» и «беглецы» живут рядом, подчас не зная друг о друге. И устоять, не уступить, остаться — это значит вовремя одернуть, удержать за шиворот своего «беглеца», вернуть его на место...

Вот к вопросу об обстоятельствах. В Чернобыле в первый же свой приезд я познакомился с двумя инженерами-атомщиками. Оба лет сорока, оба приехали по разнарядке. Один, когда произошла задержка с оформлением пропусков на станцию, выразил по этому поводу удовлетворение: ну и ладно, время, мол, идет. Я поинтересовался, отчего такая неохота. «Как же,— ответил он,— у меня дети!» Вечером, вернувшись со станции, встречаю другого товарища. Разговорились. Он, как выяснилось, не ждал, пока его пошлют в Чернобыль, сам вызвался. По разнарядке, но добровольец. Спрашиваю: «Почему вы приняли такое решение?» «Дети у меня,— объясняет,— двое сыновей. Их надо воспитывать...» Вот вам и обстоятельства. Одни и те же, а мотивируются ими диаметрально противоположные настроения и состояния духа.

И еще, что я увидел воочию, побывав среди чернобыльцев: большая беда не только испытывает — она учит. При всей трагичности — а может, именно в силу своего трагизма — создавшаяся ситуация обладает колоссальным воспитательным потенциалом. Люди в одночасье лишились всего, что скопили за долгие годы, потеряли прекрасные квартиры, обстановку... Сейчас-то выяснилось, что имущество можно понемножку вывозить, но поначалу об этом и думать было нечего. Люди знали: они потеряли все. Но несчастье предоставило случай задуматься, что же им нужно на самом деле. Меня поразила одна работница с четвертого энергоблока. Вспоминая «мирную» жизнь (так чернобыльцы именуют время до аварии), она говорила в основном о своем блоке, а не о своем доме.

Да, воспитательный потенциал есть, но его ведь нужно еще извлечь. Взять, например, героизм, проявленный персоналом станции во время аварии. Вслед за геройским поступком продолжается обыденная жизнь, и это, оказывается, тоже проблема, взгляд на которую у разных наук и ученых различный. Среди медиков, психиатров, которые занимаются проблемами катастроф, распространена концепция, утверждающая, что если у человека, совершившего подвиг, «фаза героизации» продолжается чересчур долго, если он из нее не выходит, переживает свой героизм вновь и вновь,— его нужно успокаивать, лечить, отпаивать лекарствами. Чтобы он скорее вернулся к повседневным заботам. Такова «норма».

На мой же взгляд — и я тут отнюдь не одинок, если иметь в виду моих коллег-психологов,— аномальна как раз столь нецепкая человеческая память, что позволяет предать забвению то важное, существенное, святое, возникшее в момент героического поступка. Это новообразование надо сохранить в себе надолго, на всю жизнь.

Но подвиг — это часто жертва...

— «Умный в гору не пойдет...»?

— Вот-вот. Обыватель безжалостен в своем цинизме.

В своей речи в Краснодаре Михаил Сергеевич Горбачев говорил о том, как трудно придется людям, действительно верящим в перестройку и стремящимся к ней. Краснобаям, которые, выступая «по поводу», бьют себя в грудь, на первых порах придется легче — им ведь только притвориться, пока... Тем же, кто перестраивает себя и окружающую жизнь, надлежит подняться над обыденным. А найдутся охотники так истолковать твое рвение, что «окажешься» еще хуже, чем они: дескать, больше всех надо. И человек начинает себя подозревать. Почему? Потому, что действительно при таких поступках часто возникает возможность «стричь купоны».

Очень важно сделать так, чтобы человек остался верен своему поступку, ибо верность героическому деянию — неотъемлемая составляющая самого феномена героизма. И задача состоит в том, чтобы люди совершали добрые дела не просто под влиянием минуты, а независимо от любых последствий — отрицательных или положительных.

Люди воспитываются на событиях. Когда я однажды высказал это утверждение в своей лекции, то по окончании ее ко мне подошла одна из слушательниц, жительница Кишинева. Она рассказала, что в доме, где она живет, во время землетрясения несколько лет назад каждый, как ей казалось, думал только о себе, о собственном спасении. Сейчас, хотя состав жильцов не изменился, люди вели себя совсем по-другому. Все, у кого есть личные автомобили, хватали детей, своих и чужих, сажали в машины, чтобы увезти подальше от зданий, которые могут упасть. Землетрясение было ночью, и многие выбежали из домов раздетыми — прохожие делились одеждой...

— В чем-то это, наверное, приобретенный с прошлого землетрясения «навык»?

— Нет, это переориентация личности: подавить в себе импульс к бегству. Это изменение критерия выбора. Это результат осмысления прошлого, раскаяния в чем-то. Это — воспитание.

Свой выбор должна сделать и психологическая наука: будет ли она идти по кочкам абстракций или по событийной географии страны, в которой мы живем. А для этого психология должна смотреть вокруг, как говорят в народе, «разутыми глазами», не ориентироваться на готовую сетку заданных проблем, не искать проблемы под эту сетку, а поспевать всюду, где возникает острый конфликт, где страдают люди, где совершается несправедливость. То есть можно говорить о «психологии горячих точек» или «психологии больших неприятностей». Кажется, Лев Толстой сказал: маленькие неприятности выводят нас из себя, а большие возвращают нас к себе. И у меня возник проект создания психологической службы ускоренного отклика. Это не психологическая «неотложка», а служба, которая будет заниматься «сиюминутно» возникающими проблемами. Ее функция — помогать людям, ведомствам, всем, кого «вернула к себе» большая неприятность, извлекать полезный опыт из экстремальных ситуаций.

Беседовала Инга АГЛИЦКАЯ.

прошу слова!

ИДТИ К ЛЮДЯМ

Сейчас особенно надо больше внимания уделять человеку. Не людям вообще, а конкретному человеку, то есть доходить в партийной и хозяйственной работе до каждого.

Что греха таить, как нередко бывает у нас? Любая высокая комиссия, любая делегация, любое, так сказать, «руководящее посещение» — всегда в передовой район, передовой колхоз, а если взять уровень республики — в передовую область. А надо бы, по-моему, чаще поступать наоборот. Передовики и без того хорошо трудятся, к ним ездить даже для похвал — только работе мешать. Надо, чтобы высокие гости, высокие проверяющие, изучающие, проводящие всякие исследования посещали прежде всего отстающую область, район, колхоз... А если приезжают районные руководители в хозяйство, то стремились бы попасть в самую отстающую бригаду. Там наверняка больше «фактов для размышлений»...

Мы, ветераны труда, верим, что курс, взятый нашей партией на интенсификацию всего народного хозяйства,— единственно верный, и всей душой поддерживаем его.

Мария ДЕМЧЕНКО,
пятисотница-стахановка
30-х годов

«ЧТОБ ЗАВТРА ЖЕ БЫЛИ КОСЫ!..»

Звонок в дверь раздался в половине одиннадцатого вечера. На пороге стоял наш приятель в мокром плаще.

— Ребята, у вас есть портрет Шевченко? Тараса Григорьевича, писателя, а? Понимаете, кто завтра к уроку литературы не принесет — «двойка». А сказала об этом учительница дочери только сегодня. Выручайте! Можно на открытке, можно из книжки старой или журнала...

Звонок по телефону раздался в одиннадцать того же вечера. Междугородный звонок. Брат просил срочно достать для сына три рубашки защитного цвета. Школа утвердила их как обязательные, а в городе таких рубашек нет.

Только синие колготки и красные банты! Только черные галстучки на резинке — завязывающиеся ни в коем случае!..

А слова, вынесенные в заголовок, были вслед за окриком «Что за безобразие!» произнесены директором школы, когда она увидела остриженную «под мальчика» ученицу. Это было давно. С тех пор не однажды менялись программы обучения, сменились поколения учителей. А окрик остался. Вот уж и реформа школы идет... Но властный императив все звучит в классах и коридорах, да что там — и на родительских собраниях. Как будто, если родители разобьются в лепешку, забросят свои чертежи, штурвалы или пуанты, будут весь рабочий день бегать по магазинам и достанут наконец для всех 38 учеников «обязательные» голубые береты, этот «обреченный» класс явит собой образец... дисциплины? Не думаю. Культуры? Знания предмета, на уроки по которому без голубого берета ни-ни? Сомневаюсь.

Три недели репетировали в седьмом классе открытый урок по английскому языку. Потом, на этом уроке, за лучшие ответы учительница поставила четверки. «Чтобы они (те, кто присутствовал на уроке.— **И. Е.**) знали, что мы можем отвечать лучше»,— доверительно сообщила она детям. Кем же они вырастут, наши дети, если мы сообщаем им такой заряд лицемерия в 14 лет?

Контурные карты по географии выполнены фломастером, а не карандашом — и будущий Пржевальский получает «2»! Требования, «чтоб карандашом», записаны в таком-то формуляре. Но, может быть, эти требования писались еще ручкой-вставочкой с чернильницей-непроливайкой в незапамятные времена?

Дети отличаются от нас порой, как чистый лист, на котором, может быть, напишется нечто гениальное, от листа, на котором уже написано общепринятое среднее. И пока мы можем влиять почти на каждую букву будущего, пожалуйста, давайте не будем сосредоточиваться лишь на наклоне строки и цвете чернил!

Инга ЕФИМОВА

«ОГОНЕК» С НАГРУЗКОЙ?

ВОПРОСЫ К МИНИСТЕРСТВУ СВЯЗИ СССР

Слышали ли вы, дорогой читатель, чтобы газеты и журналы продавались с нагрузкой? Нет? И мы тоже. До тех пор, пока наша постоянная читательница О. И. Орлова из Днепропетровска не развеяла наше неведение, сообщив ошеломляющую новость.

«В последнее время из вашего журнала сделали дефицит! — рассказывает она.— Купить его невозможно, особенно в киосках, расположенных на улице Богдана Хмельницкого. На прилавок его не выкладывают, а когда спрашиваешь, есть ли, сообщают, что только с нагрузкой. Предлагают все, что не пользуется спросом: другие журналы, брошюры, открытки. Иногда нагрузка превышает стоимость самого «Огонька», но если отказываешься ее брать, журнал не продадут. Начинаешь спорить с киоскерами, говорят: «Нас заставляют это делать». Кто же их заставляет?»

Резонный вопрос задает Ольга Ивановна, и редакция переадресует его Днепропетровскому городскому отделению Союзпечати.

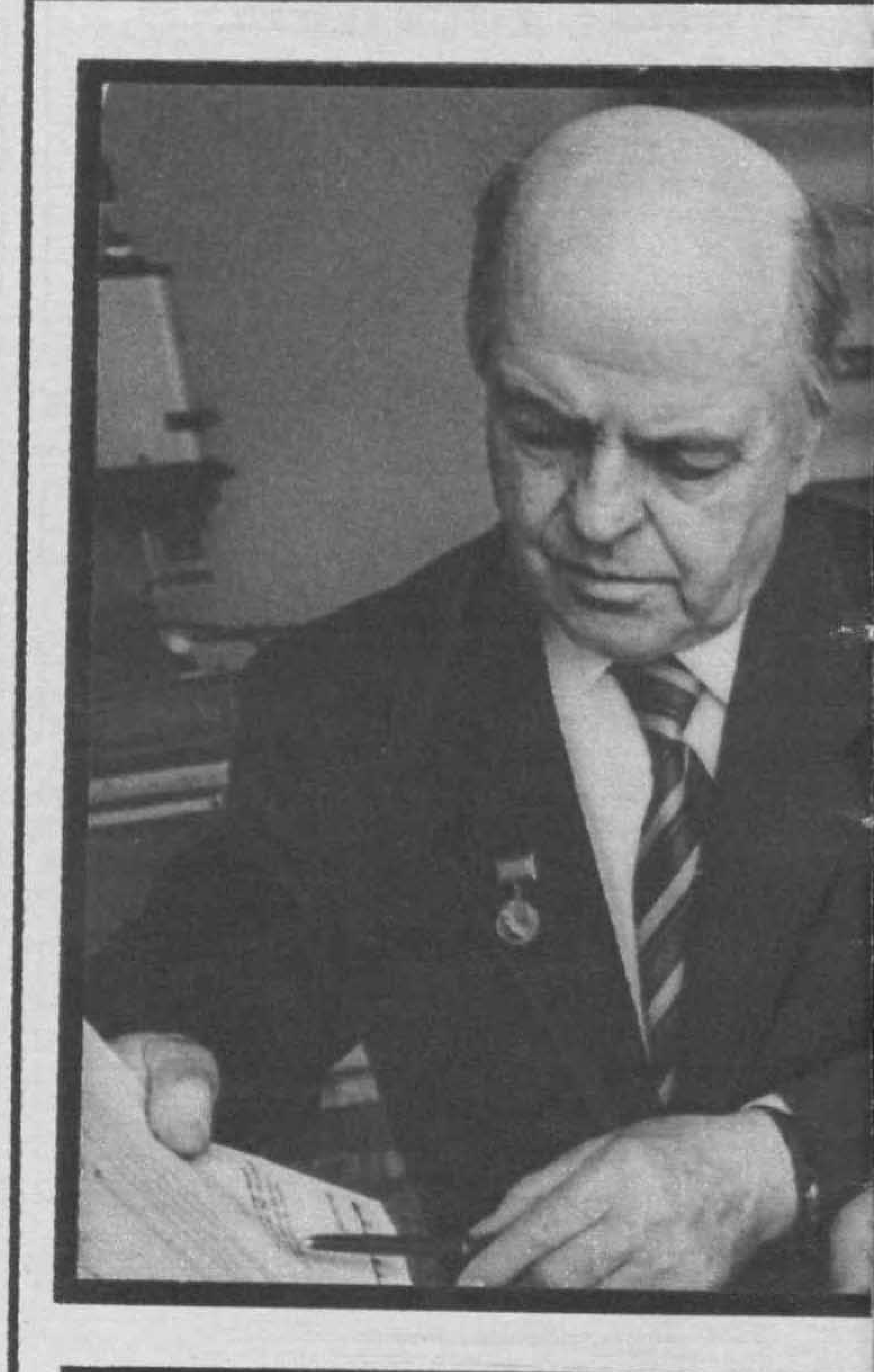
Конечно, нам приятно, что журнал пользуется вниманием читателей. Но спрос, как известно, должен рождать предложение. Естественно предположить, что Главное управление по распространению печати Министерства связи СССР, своевременно и гибко отреагировав на новую ситуацию, отправит дополнительное количество экземпляров туда, где их ждут с нетерпением. Но, видно, верно говорят, что только сказки скоро сказываются. Пока же дело делается, «инициатива», как видим, не дремлет.

В номерах 37 и 43 мы писали о том, что во многие города страны «Огонек» приходит с большим опозданием, практически сводя на нет девиз редакции: «Скорее, ярче, смелее, чем в других изданиях».

Едва ли не каждая редакционная почта по-прежнему приносит неутешительные сведения: недостаточное количество экземпляров журнала поступает в киоски, доставка нерегулярна, сильно затягивается.

Однако мы до сих пор так и не получили ответ из Министерства связи СССР о скорых и конкретных мерах, которые могли бы изменить к лучшему положение с доставкой журнала.

ОТДЕЛ ПИСЕМ
И МАССОВОЙ РАБОТЫ

ПО Т

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Это произошло свыше сорока лет тому назад, в 1942 году. На один из столичных вокзалов пришел выпускник Московского авиационного института — совсем еще молодой парень Василий Гудов. В кармане его потертого студенческого пиджачка лежало направление на авиационный завод, только что срочно эвакуированный на восток.

Подходящих поездов не предвиделось. У перрона стоял госпитальный состав с ранеными — его путь лежал тоже на восток. Гудов разыскал начальника госпиталя.

— Подвезите...

— Хорошо,— согласился майор медицинской службы.— Поедешь с нами. Будешь помогать в дороге. Людей не хватает, а раненых— сам понимаешь...

Так начинающий инженер Гудов связал свою судьбу с человеческим страданием, с человеческой надеждой.

Две недели шел госпитальный поезд до места назначения.

Две недели Василий помогал бороться за жизнь людей, отдавших кровь свою защите Родины. Перетаскивал раненых, помогал врачам при операциях, перевязывал, сидел над умирающими. И одна неотступная мысль преследовала его: «Ну как же это возможно?.. У солдата здоровая рука, нога, не тронутая пулей. Перебит лишь осколком какой-то тоненький кровеносный сосуд. И врачи вынуждены ампутировать руку, отрезать ногу.

Эксперимент начался. Слева — профессор В. Ф. Гудов. Фото А. Кулешова.

Открыв на своих страницах журналистскую фирму «Внедрение» (№ 44), наш журнал взял под опеку не только названные конкретные направления в изобретательстве. Мы постоянно будем освещать проблемы, с которыми сталкиваются творцы технических и социальных идей.

РЕТЬЕМУ КРУГУ

Делать человека на всю жизнь инвалидом, казалось бы, из-за пустякового ранения?»

Неужели нельзя помочь, что-то придумать...

— Как помочь, если орган лишается жизненного кровотока,— объясняли ему.—Наступает гангрена. Рука отмирает, отравляя весь организм продуктами распада. Единственное спасение — резать, чтобы сохранить жизнь...

— А соединить разорванные сосуды? — не соглашался Гудов.

— Попробуй сшей трубочки диаметром меньше миллиметра,— разводил руками врач.— Даже если это удастся чудо-хирургу — в месте соединения, возле ниток вскоре создается сужение и образуется тромб. Сосудик закупоривается — и снова тот же единственный выход: ампутация.

— Непостижимо, — бесновался Гудов...— Я инженер. Я могу соединить любые трубы: металлические, резиновые, бетонные... Свинтить, сболтить, сварить, склеить, наконец... А здесь? Умру, но что-нибудь придумаю...

И он придумал... На это ушло несколько лет напряженного труда.

Но то, что придумал Василий Федотович Гудов, воистину обогатило все человечество. Его изобретение — аппарат для сшивания кровеносных сосудов — применяется сегодня во всем мире.

Тысячи идей. Сотни вариантов. Десятки образцов. Почти нечеловеческое преодоление сопротивления традиций, неверия окружающих, научно-технического бюрократизма. Гудов победил.

Как сшивать сверхтонкие живые трубочки?

От привычной иглы надо отказаться. А что применить, чтобы получить плотный шов по всему едва приметному периметру сосуда? Как достигнуть не сужения, а расширения диаметра в месте сшива? Чем сшивать, чтобы соблюсти хрупкую совместимость сшивающего средства с живой тканью? После долгих и мучительных поисков решения были найдены. Сшивать с помощью крохотных металлических скобок, острые ножки которых, пронизывая ткань сосуда, сгибаются, как проволочки в конторском бумагосшивателе. Нажал — и мгновенно шов лег по всему периметру сосуда. А если оба конца сосуда при сшивании вывернуть, как чулок на ноге,— место соединения будет не суженным, а расширенным.

Единственный металл, приемлемый для скоб,— это тантал. Он со временем полностью рассасывается в организме — он совместим с живой тканью.

Один из авторов этого очерка помнит, как через несколько лет, уже после войны, он впервые встретился с Василием Федотовичем в его лаборатории. В облике изобретателя ничего не осталось от зеленого студента-выпускника. На лице — следы пережитых волнений и трудностей. На губах — усталая улыбка победителя. В глазах — непрерывное биение мысли.

— Глядите.— И он протянул маленький аппаратик, почти умещающийся на ладони.— Здесь все, о чем я мечтал и чего я добился...

В крохотные обоймы пинцетом закладываются танталовые скобочки тоньше человеческого волоса. Короткое нажатие рычажка, и они, пронзив вывернутые стенки сосуда, автоматически загнулись, сшив живую кровеносную трубку.

Поразительно просто, как все талантливое. Но сколько за этой простотой преодоленных трудностей! Словно действительно пепел погибших и раненых воинов годами стучал в сердце первопроходца, давая ему новые силы для поиска.

...В кабинет вбежала собака. Гудов улыбнулся:

— Не бойтесь. Пес привык к чужим... Вы лучше обратите внимание на его заднюю лапу.

Вокруг лапы, на уровне ляжки, по шерсти пролегало выстриженное кольцо.

— Месяц назад мы отрезали собаке ногу, поместили ее в холодильник, а затем снова пришили. Как видите, без последствий... И все это благодаря аппарату, сшивающему кровеносные сосуды. Каково?..

По системе Гудова сшиваются сегодня не только сосуды, но и нервы, кишки, желудок, бронхи, легкие, желчные протоки и даже ребра. 39 моделей сшивателей разного назначения созданы изобретателем и приняты во многих странах мира.

Однако как дорого обошлась победа автору.

— За годы становления моего изобретения,— рассказывает Василий Федотович,— меня несколько раз по наветам маститых противников исключали из партии, снимали с должности директора института, лишали научного звания. Это всего лишь отголоски той борьбы, которую я, инженер, непримиримо вел за утверждение новых принципов в медицине. И каждый раз Центральный Комитет партии восстанавливал меня во всех правах.

Так пришла первая победа. А за ней последовала и вторая. Но уже совсем в другой области.

Теперь лауреат Государственной премии СССР, Василий Федотович Гудов обратился к людям, потерявшим зрение, с тем, чтобы помочь им с высоты сегодняшних достижений науки.

— Ведь большинство слепых не утратило окончательно возможности воспринимать окружающие образы, если их многократно усилить по яркости, по размеру, по контрастности, — объясняет изобретатель.

Гудов создает целую серию аппаратов. Вот приставка к обычному телевизору, помогающая практически слепому человеку читать. Книжные строки усилены более чем в 40 раз — они как бы пробивают плотную пелену слепоты. Вот прибор, дающий возможность человеку с резко ослабленным зрением смотреть обычную телепрограмму. А вот, наконец, портативный переносный аппарат для ориентации практически слепого в пространстве. Оптический объектив смотрит на окружающий мир, он усиливает воспринимаемое и передает его глазному нерву слепого. Без поводыря ориентируется теперь человек, потерявший зрение.

И, пожалуй, самое смелое: Гудов ставит задачу — искусственно, через электроды, вставленные в череп, вводить непосредственно простейшие образы в кору головного мозга слепому. Ему удается получить даже цветное изображение помимо зрительного нерва. Впереди новые открытия в этой области.

И опять борьба. Жестокая, бескомпромиссная. И снова победа...

— До сих пор не забуду,— рассказывает Гудов,— с каким радостным волнением прочитал я в газете «Правда» статью «Вижу свет». Она поддержала меня. А ведь было это, когда противники почти одолели меня...

Шли годы... Профессор Гудов вместе со своими соавторами профессорами А. Г. Маленковым, Ю. Л. Семененковым, М. Г. Ахалая, В. Ф. Пугачевым, Н. Е. Яхонтовым переключился на использование ферромагнетиков в медицине для лечения тяжелых заболеваний. Остроумно. По-гудовски... И, как оказалось, очень своевременно...

Сущность вторжения достижений физики и техники в медицину не так уж нова — она широко известна. В том числе и эта направленная и контролированная доставка лекарства в конкретный источник болезни.

Принимая лекарство обычным способом, вводя его внутрь живого организма, мы подвергаем его воздействию весь организм, хотя нам нужно, чтобы лекарство действовало лишь избирательно — только на источник болезни.

Работа Гудова одобрена Ученым медицинским советом Минздрава СССР, Президиумами АМН СССР и АН СССР. В Научно-исследовательском институте лекарственных средств создан новый сектор, которым руководит Василий Федотович.

Казалось бы, все складывается наконец удачно. Однако встает вопрос: почему же снова так медленно и мучительно трудно протекает в Государственном комитете по науке и технике СССР утверждение к реализации столь важной работы?

Вот что пишет, например, «гражданину Гудову» начальник управления ГКНТ по рассмотрению новых видов техники член коллегии комитета В. П. Ващенко, предлагающий не расширить, а сократить исследования по проблеме: «Однако Вы с завидной настойчивостью и упорством предлагаете работы, которые не отвечают установленным требованиям ГКНТ, не направлены на получение практических результатов для здравоохранения, а по фундаментальной составляющей не добавляют ничего нового к проводимым по утвержденному плану работам, не конкретны и не обоснованы в части запрашиваемого их материально-технического обеспечения».

Невольно думаешь: а не с таким ли отношением сталкивался В. Ф. Гудов, когда он боролся за свои предыдущие изобретения? Ведь только «завидная настойчивость и упорство» привели его тогда к победе.

ДАЮ УРОКИ

Лазарь КАРЕЛИН

Роман

Рисунки П. Пинкисевича

Проиграв в рулетку государственные деньги, бывший журналист-международник Знаменский, скомпрометированный, возвратился на Родину. Друг по институту устраивает его на работу в Ашхабад. Здесь Ростислав подружился с Аширом Атаевым, которого оклеветали торговцы наркотиками и он был уволен с работы старшего следователя по особо важным делам. Атаев уговаривает Знаменского сопровождать в поездке по Туркмении важного гостя из Москвы. На самом же деле Ростиславу поручена роль связного между Аширом и его друзьями, собирающими для Атаева сведения о посевах опийного мака. В поездке Знаменский встречается с Мередом, который рассказывает об этих посевах, и стариком туркменом, тайком передающим Ростиславу пакет для Атаева.

Вдруг вспомнилась Знаменскому — в этой гостинице на краю света — другая гостиница. Сперва даже не понял, почему вдруг вошло в глаза, извлеклось из памяти это воспоминание. Прыгает наша память. Очень большие скорости часто развивает. То ты тут, то ты за пять тысяч километров отсюда, а через миг, за долю мига снова здесь и снова на пять тысяч километров назад отлетел. Вдруг вспомнилась Знаменскому вокзальная площадь Хельсинки... Когда это было? Да года три назад. Отозвали поближе к Москве, Лена могла бы часто туда к нему наезжать, всего ночь пути в поезде, вечером голову на подушку, а утром уже чистенькая станция с цветочками в вазонах на перроне и замечательный кофе в чистеньком, благоухающем, с тут же изготавливаемыми пончиками пристанционном кафе. Как называлась эта станция? У финнов все названия такие замысловатые, что можно язык своротить. Вспомнил! Вайниккала... Да, именно так, Вайниккала... Первая остановка после нашей границы, после станции Лужайка. Долгая остановка, таможенный контроль, проверка виз. Финские таможенники, собственно, только одно досматривают — спиртное. Можно провезти две бутылки водки и бутылку сухого вина. Все сверх того либо отбирают, либо велят вылить при них же. Таможенники идут по вагонам, всматриваются в лица. Всех же не обыщешь. И вот они высматривают потенциальных провозчиков лишней бутылки. Часто угадывают, психологи как-никак. И тогда показывай им чемоданы. Его ни разу не попросили открыть чемоданы. Служебный паспорт тут роли не играет, корреспондентский аккредитаж — тоже. Досматривают любого, кто покажется предрасположенным к бутылке. Тонкая игра, безобидный досмотр. Но его ни разу не заподозрили, он внушал доверие, можно было предположить, а так оно и было, что он вполне кредитоспособен, чтобы и в Хельсинки, если нужно ему будет, купить эту самую водку. В десять раз дороже? Ну и что? Он может себе это позволить. Это угадывалось, и финские таможенники уважительно взглядывали на него.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—46.

Да, Лужайка... Вайниккала... А почему привокзальная площадь в Хельсинки?.. А потому, что там, в глубине этой площади, стоял старинный, самый старый хельсинкский отель прошлого века. Все прочие дома на площади были много моложе, сверкали большими окнами и витринами, а этот был хмуроглаз, толстенные стены умели держать тепло, когда еще печами и каминами отапливались гостиничные номера. Вспомнилось, добыла память, как назывался этот отель. «Севра-отель» — так называли его хельсинкцы по старинке, хотя надпись по полукружью ротонды над входом в отель была другой. Да, вспомнился этот отель... Здесь, в Красноводске, среди жарких ковров и с пыльной завесой за окнами от ураганного ветра. Но почему именно он вспомнился?..

Знаменский подсел к столу, вторя Самохину, забарабанил пальцами по гладкой поверхности, приметив на столе круглые пятна от стаканов. Этот письменный столик, оснащенный чернильным прибором времен еще довоенных, с бронзовыми крышечками на чернильницах и ручкой с пером, именно с пером, носящим на себе следы чернильной закаменелости, наверняка не ведал ни единого письменного усилия своих постояльцев, но зато знал звон стаканов.

Да, а сперва была... А как же, все начинается со звона стаканов, что здесь вот, что там. Но не в «Севра-отеле». Сперва не в нем. Смешно вспомнить, решили отобедать в клубе пожарников. В Хельсинки полно этих клубов по профессиям. По сути, обыкновенные ресторанчики. Но все-таки этот вот для студентов, этот — для любителей духовой музыки, а есть и для актеров, есть и для землячеств, кто из Турку, кто из серединного Куопио, кто из самого северного, заполярного Ивало. Этот, где тогда встретились, был рестораном, полюбившимся пожарным. Это были весьма состоятельные бизнесмены, два молодых человека одного с ним возраста, ну, чуть постарше, но один уже был совладельцем крупной обойной фабрики, а второй — крупным издателем. Был еще и третий. Этот был представлен как человек из рабочих, а ныне профсоюзный деятель. Веселый, рыжебородый, неумолкаемый рассказчик, владевший худо английским, худо французским, худо русским, но смело управлявшийся всеми тремя языками, смело переводивший, поскольку бизнесмены твердо знали только свой финский, и, лишь выпив, заговорили и по-английски, и по-французски, да и по-русски тоже. Русский, как часто выяснялось, очень многие знали в Финляндии. Память у них усвоила этот язык, но память наша причудлива, часто придерживает свои знания, капризничает, скрытничает, хитрит.

Так почему же все-таки выбрали ресторан пожарных? Шутки ради, надо думать. Пригласившие, видимо, решили продемонстрировать свою фантазию. И кажется, в этом ресторанчике хорошо готовили рыбу. Мол, пожарники все время имеют дело с водой, но и рыба тоже не обходится без воды. Шутники! Впрочем, здесь было тихо, даже безлюдно в тот дневной час, когда они встретились. Надо думать, что эта вот уединенность и определила выбор. Потом-то он понял, что именно в этом было все дело. Сперва, пока были трезвыми, два бизнесмена и один профсоюзный деятель из рабочих соблюдали осторожность. Встречались-то они с советским журналистом, а в Хельсинки нет-нет да и начинали задувать холодные ветры, особенно когда кто-либо из высокопоставленных «штатников» оказывался визитером города. В те дни в Хельсинки гостил вице-президент Буш.

Обед как обед, сколько их было, с кем только и где только — не счесть, не упомнить. Этот вспомнился. Здесь вот, отмелькав памятью с крайнего юга на крайний север, из Средней Азии в Северную Европу, а оттуда — назад, в Красноводск. Пять тысяч километров туда, пять тысяч километров сюда. И все это за миг какой-нибудь. Не со скоростью ли света работает наша память?

Обед как-то сразу удался, весело пошел. Молодые собрались люди за столом, никакой официальной цели у них не было. Знакомство, все ради этого самого знакомства, познания друг друга. Соседи как-никак. Им нравилось к тому же, что человек из России объехал весь мир, что был он европейски воспитан. Они все время дивились всякой малости в его поведении, восхищались его умелостью за столом. Элитарный, это сразу чувствовалось, был этот гость из России. Ему нравилось, что им он нравится, да и славные были парни. Забавные отчасти в своем старании подражать английскому мужскому образцу, сдержанной манере английских джентльменов, а не каких-то там развязных янки. И когда они узнали, что он год провел в Оксфорде, то окончательно влюбились в него, не уставая изумляться, что в Советской России есть, оказывается, и такие вот, как он. Словом, обед удался, он раскованно пошел, приязненно, и когда череда блюд подвела их к завершению трапезы, жаль стало расставаться. Финны медленно расшевеливаются, но уж если расшевелились... Да и дружба же началась... Словом, молодые и заводные хозяева преисполнились желания продлить общение и чем-либо даже изумить столь симпатичного им гостя. Не закатиться ли куда-нибудь еще, сменив, так сказать, антураж? Осторожность побоку! Буша с его холодными ветрами побоку! Да здравствует доверие! И покатили.

И прикатили к «Севра-отелю», по пути рассказав его историю: что это самый респектабельный отель в городе, когда финны хотят побыть сами с собой, что это даже в чем-то закрытый отель, не для иностранцев, с виду даже бедноватый, старомодный, с мрачным и не слишком ухоженным холлом. Но внутри там есть такие комнатки... Но все партии из главных именно там проводят свои конференции. Но... словом, они ему там кое-что покажут.

Прикатили...

Ветер за окнами становился ураганным. Сплошной стеной шел по улочкам песок, ворвавшийся из пустыни, барханный, до крови секущий песок. Наверное, и море вздыбилось.

Каспий оттого и прозван «седым», что этот ветер из пустыни в клочья рвет его, вздымает, вспенивает.

...Молодые бизнесмены да и профсоюзный деятель из рабочих, как оказалось, были очень уважаемы в «Севра-отеле». Едва вошли, едва швейцар распахнул двери, к ним кинулись навстречу и еще какие-то униформы, появился и метрдотель во фраке. Сбегались, кланяясь. Не совсем обычная то была манера поведения в строго демократическом Хельсинки. Восток вспомнился, поясные там поклоны служащих отелей перед богатыми гостями, особенно иностранцами. Но то было на Востоке. Стало быть, он обедал нынче с очень уважаемыми в городе лицами. Он и сам оказался в отблеске их значительности. Метрдотель, прикинув, заговорил с ним по-английски и не ошибся, услышав уверенную, с лондонской накатливой невнятицей ответную фразу. Англичанин! Метрдотель был рад приветствовать в своем отеле именно англичанина. Этот отель был в английском духе. И вообще в Хельсинки особенно уважают англичан, их благовоспитанность, сдержанность. Совсем иное дело гости из Штатов, которых сейчас полно в городе. Немножко шумнее, чем хотелось бы, не правда ли? Метрдотель был счастлив приветствовать гостя из Британии. Кстати, английская королева с супругом, когда она была с визитом в Хельсинки, посетила их отель. Осталась фотография их посещения. Большая честь, не правда ли? У их отеля славная и давняя история. И даже историческая история. Генерал Юденич имел тут свой штаб в пору, когда его войска наступали на Петроград. Этот зал с белым камином, он так и называется «залом Юденича», сохранен и поныне в неизменном виде. Все это метрдотель рассказывал англичанину Знаменскому, но на слишком хорошем английском, но из хорошо затверженного — это была его обычная информация для почетных гостей. Рассказывая, он вел их куда-то, отдавая на ходу короткие распоряжения возникавшим и исчезавшим официантам. Они сразу попали не в парадные помещения, они продвигались узенькими коридорами, поднимались по крутым, узким лестницам, они шли в тайное тайных отеля. И покуда шли, все таинственней и торжественней становились лица молодых бизнесменов и их друга, профсоюзного деятеля из рабочих. Они просто взволнованными становились, их лица.

В узких коридорах лампочки горели тускловато, в темно-коричневых стенах тут жила стародавняя пыль, въевшаяся в обшивку. Не со времен ли Юденича пыль? Он, помнится, напрягся, начал было притормаживать. Но потом журналистская любознательность возобладала, да и спутники его были милейшими людьми, в их планы входило развлечь его, ну, изумить, но и только. Пожалуй, он был поопытнее их, пожив и поработав на Ближнем Востоке, побольше их повидал. Стриптизом каким-нибудь решили угостить, заставив раздеться перед ними неловких и застенчивых северяночек? Вот уж удивят его! Это после Парижа и Каира...

А ветер за окнами все ураганнее делался, он ударял в стекла кулаками песка, сотрясал рамы, и кондиционер в спальне, задыхаясь, жалобно присвистывал. Душно стало, просто невмоготу. И трудно, медленно стало вспоминаться, притормаживать стал Знаменский свою память, будто там, в узких, пыльных коридорах, на узких лесенках «Севра-отеля» начал он упираться и притормаживать, решив повернуть к выходу. Но ведь не повернул. Его вели — и он шел.

Память притормозила, помедлила, дала ему поглядеть за окна в эту мглу из песка, прислушаться к колотящимся в стекла кулакам, и снова повела его в тайную тайных хельсинкского отеля, где он покорялся чужой воле, беспечно уверовавший всем опытом своей жизни, что ничего худого с ним не случится.

Вошли. Метрдотель торжественно распахнул дверь и замер, потеснившись, чтобы не мешать гостям.

Комната, куда они вошли, была обыкновенным банкетным кабинетом, из небольших, когда к столу собираются человек десять —

двенадцать. И это был запущенный, явно редко посещаемый кабинет. Все в нем в полумрак было погружено, из-за задернутых штор сочился пыльный и коричневый от пыли свет. А когда шторы были разведены одним из суетившихся официантов, то глазам открылись старые, обшитые деревом стены, пыльные, потрескавшиеся, утратившие свой цвет, и открылся стол, на сукне которого пестрели древние пятна, вмиг, правда, исчезнувшие под крахмальной скатертью, которую торопливо накинул на стол другой из суетящихся официантов. И вот уже появились, встав толпой у края стола, маленькие, золотоярлычные бутылочки пива, появились под фигурно заломленными салфетками тарелки с миндалем в россыпи горячей соли, призывно зазвенели бокалы, пробуждаясь и побуждая взять их в руки. Официанты исчезли, метрдотель исчез, стало тихо, как в храме. И лица его новых знакомых, авторов этой наиобыкновеннейшей затеи попить пивка после обеда, ну пусть даже дорогого пивка, в каком-то дорогом ресторане, а вот лица его хозяев вдруг стали даже не торжественными, а напряглись, помрачнели или нет — важно насупились. С чего бы? Ни яств волшебных, ни вин заморских, столь здесь дорогих, и даже ни намека на стриптиз — какой уж там стриптиз в такой сумрачной комнате? И все? Пивком его решили угостить? Он огляделся, понимая, что чего-то еще не углядел здесь, что неспроста все-таки так напряглись, насупились, заважничали эти три молодых финна. Огляделся и увидел на одной из стен фотографии. Не разобрать было, чьи это были портреты, а это были портреты. Он подошел поближе, чтобы разглядеть. Фотографии были вытянуты в шеренгу. Эта шеренга прерывалась посредине небольшой нишей, в которой стояла маленькая, но в полный рост скульптура, вырезанная из темного дерева. Он вгляделся, слыша напрягшуюся за спиной тишину. На фотографиях-портретах были одни только мужчины, кто в штатском, кто в военном. Твердые воротнички, старомодная повязь галстуков, а у военных старомодные, кончиками вверх, усы и френчи, каких теперь не носят...

Стоп! Ринулась память назад, сюда, вот в этот город, на улицах которого сейчас хозяйничала пустыня, песком тараня окна и стены, завихриваясь смерчами на площадях. И на той площади, где стоят четверо из гранита, сейчас сплетаются смерчевые столбы, выстрелами хлопая от ударов о гранит...

Фотографии и фотографии... Из одного времени люди, повязанные одной историей и одной эпохой, столь похожие старомодными воротничками и повязью галстуков. Музей и музей! Но только в воротничках и галстуках их сходство, а дальше различие, противоположность, вражда, ненависть, смертельное противоборство. Музей и музей... Здесь и там, в той коричневой комнате «Севра-отеля». Так вот что добыла ему память?! Ко времени... К месту... Память, о, память наша умеет стукать нас лбом в стену!

Так что же это были за люди на тех фотографиях? Кто же это был изваян там из дерева и, как святой в церковном притворе, помещен в нишу? Память снова, вмиг отмахав пять тысяч километров, примчала его к стене в той комнате, напомнила ему, как он вчитывался тогда, близко наклоняясь, в надписи под фотографиями и скульптурой. На трех языках были надписи: финском, немецком, английском. Эрфурт... Рангел... Рюти... Вальден... Гейндрихс... Диттел... В дереве же был изваян Маннергейм... То были люди войны, то были враги, а иные и просто гитлеровцы, которых и врагами невозможно назвать, ибо они хуже врагов, им нет названия хоть на финском, хоть на немецком, хоть на английском.

А что же было дальше? Вот в этом-то и вся суть: что же было дальше?

А ничего, ничего особенного. Стали пить пиво. Да, разговор почти прервался, стал труден. Он вспомнил себя там — сейчас, здесь вспомнил. Ему было трудно, хотелось подняться и уйти, он вспомнил, что ему хотелось это сделать. Но он не поднялся и не ушел. Что удержало? То, что он был гостем? То, что он находился в чужой стране, живущей по своим законам и со своими кумирами? Но хозяева его нарушили правило гостеприимства. Они не должны были тащить его в свою коричневую комнату. Это была их вера, а не его. И все же он не ушел, хотя и замкнулся; он помнит! Не ушел, хотя ему там стало противно до тошноты — он помнит!— до тошноты. Не ушел...

А они, Шаумян, Азизбеков, Фиолетов, Джапаридзе, все Двадцать Шесть, а они бы в той комнате остались? Ни на минуту! Ни за что! Ни ради какой дипломатии! Они бы ушли! Разгневанные и презирающие! Но... Но их бы и не привели в ту комнату! Не посмели б!

Вот к чему подвела его память, сравнивая и тыкая лбом в стену: его привести туда посмели.

Но и это не все. Дальше вспоминать? Что ж, пошли, память, дальше... Где и вспоминать, как не здесь, где так трудно дышать от урагана за окнами. Когда и вспоминать, как не сейчас, когда отлетел ты уже не памятью, а судьбой. Пошли, пошли дальше...

А дальше было вот что... Попили пивка, хмурые и молчаливо рассорившиеся, похрустели соленым миндалем, потомились от молчания и ушли из этой коричневой комнаты, прогорклой от пыли. Расстались на улице? Нет...

В пути он думал: ну что за люди это, что их толкнуло потащить его в ту комнату? Бравада? Им ли мечтать о черной поре войны и фашизма, столь влюбленным в жизнь? Да, скорее всего, бравада. И он решил, ему захотелось в это поверить, что он столкнулся всего лишь с бравадой. Но, чтобы поверить, надо проверить. Он и поехал с ними в гости к одному из них. Так ли уж трудно уговорить себя на безрассудство, на бесконтрольность, призвав на помощь рассудительность и самоконтроль? Это хитрая штука — самоуговаривание. В чем хочешь можешь самоуговориться. Он ехал с ними, чтобы понять их. Впрочем, опыт, каким он разжился в последние годы, вполне уверенно сулил ему, что все сложится как нельзя лучше, все обойдется.

Минут через пять подкатили к «Президенту» — новенькому, из стекла и металла отелю. Можно бы было и распрощаться. Но рыжебородый увязался за ним. Обойный бизнесмен отвязался, распростился, а этот, профсоюзный деятель из рабочих, толстый и веселый, чуть что — и принимающийся хохотать, никак не хотел его покинуть.

Ну, в каком-то баре выпили, добавили. Еще куда-то переместились — и здесь, в этом отеле, полно было баров, больших и маленьких,— еще добавили.

Они очутились в холле отеля. В просторном, как улица в торговой части города. Тут было все: бар, магазинчики, даже рулетка, небольшой стол, из таких, какие устанавливаются в барах океанских лайнеров. Не Монте-Карло, а все-таки рулетка, а все-таки можно и здесь пополировать кровь, рискнув сотней-другой марок. Рыжебородому обязательно захотелось рискнуть. Завелся человек, финны если уж заведутся, их трудно остановить. Рискнул и сразу же просадил все жетоны, купленные им на сто марок. Купил несколько жетонов и он. Помнится, купил, чтобы отделаться от рыжебородого, настаивавшего, напиравшего, как все пьяные люди. Поставил, не думая о выигрыше, лишь бы отвязаться. Поставил на самую ненавистную для себя цифру «одиннадцать». Он почему-то ненавидел эту цифру. Рулетка была пущена, шарик поскакал, заметался и вкатился в лунку с цифрой «одиннадцать». Выиграл! Рыжебородый был просто счастлив. Он ликовал, кричал, вскидывая руки, хохотал. Их обступили. И снова он небрежно поставил на ту же ненавистную цифру «одиннадцать», только чтобы отделаться. Шарик поскакал, заметался, совсем лениво покатился и снова закатился в лунку с цифрой «одиннадцать». Это было невероятно! Целая груда жетонов перешла к нему. Но он не обрадовался, а рыжебородый. Этот ликовал. И уже порядочная толпа ротозеев собралась. Надо было уходить. Он был обучен, это было инстинктивным у него, когда надо уходить. Жаль, инстинкт этот, наука эта сработала тогда чуток с запозданием. Да, жаль...

Наутро его зачем-то вызвал к себе посол. Так, какая-то маленькая понадобилась ему информация. Спросил, как ему тут живется, не скучно ли в строгом Хельсинки после шумного Каира. Поулыбались друг другу, пошутили. Посол был из очень славных, симпатичнейший. Прошел войну от звонка до звонка, но не казался старым. Был сухощав, спортивен. Лицо явно примонголенное, он был из Сибири родом.

Вот и все, что вернула ему память, поговорив с ним в этой комнате, где было трудно дышать, потому что за окнами свирепствовал ураган, иссушив и без того сухой воздух. Вот и все...

А еще через два-три дня его снова вызвали в посольство, и уже не посол, а советник по культуре, милейший тоже парень, добрый приятель и тоже из МГИМО, суховато уведомил его — на службе суховатость уместна,— что его отзывают срочно в Москву.

Ну и что?.. Он тогда не придал этому значения... И прав был. В Москве его долго не продержали. Вскоре он снова очутился на своем Ближнем Востоке.

Вот и все. Ветер за окнами неистовствовал, в смертельную загоняя тоску.

21

Маленький вертолет, скользя по барханам диковинной тенью, низко шел над песками. После вчерашнего урагана, вздыбившего тут все, до неба подкинувшего смерчевые столбы, пустыня отдыхала, ее парило, она наново укладывала свои барханные морщины, громадные шары верблюжьей колючки неприкаянно замерли, не ведая, куда их занесло. Вахтовый вертолет, добытый Мередом у нефтяников, придерживаясь курса асфальтовой дороги, но идя сбоку, заскакивая тенью в пески, был так обычен тут, что верблюды, пасшиеся у шоссе, даже голов не поднимали, не шарахались от странной, несущейся тени, вообще считали эту неуклюжую, громадную и очень шумную птицу вполне своим существом. Меред не обманул, обещая, что можно будет почти касаться рукой спин верблюдов, так низко пойдет вертолет. Верно, совсем низко вел молоденький, азартный пилот машину, все можно было разглядеть на коричневой равнине песка, всякую малую тропку, насвежо проложенную каким-то трепетным, мелькающим существом — тушканчиком, ящерицей, а может быть, и змеей. Пустыня жила своей жизнью, давно приняв вертолет вместе с его тенью, яростным шумом мотора, с посвистом лопастей в свой мир. В свой мир были приняты и шагнувшие в пески буровые вышки, то тут, то там выглядывавшие из-за барханов. В свой мир уже начинали принимать здесь бесконечный протяг из труб, укладываемых в траншею, извивистую, как змея, если только возможны многокилометровые змеи.

Меред забыл о своих спутниках, он приник к окну, отодвинул стекло, ветер сразу же высек слезы из его глаз, но Меред смотрел, смотрел, чуть не вываливаясь в окно, и что-то кричал, безмерно счастливый, кричал или пел; ветер сминал его слова, сносил звук, закручивал в общий рокот и посвист мотора и лопастей. Меред был счастлив. Он, наверное, все же пел, а не кричал, он пел от счастья, переполнявшего его. Трубы тянулись через пустыню, трубы, по которым совсем скоро пойдет вода! Он пел, конечно же, а не кричал. И если можно бы было разобрать в вертолетном треске слова его песни, то это были бы слова о воде, о чуде, которое сотворит вода в этих бесплодных песках, о счастье его, Мереда, что он дожил до этих дней, когда снова пришла сюда вода, на бесплодную, но некогда плодоносную землю.

— Вот он, счастливый человек!— громко, чтобы перекрыть шум мотора, сказал Самохин, кивнув Знаменскому на Мереда. И все так же громко продолжил:— Я задумываюсь, там ли я искал свое счастье в жизни?! Все чаще задумываюсь!.. Дурно спали эту ночь?! А я так и совсем не спал. Думал, не тайфун ли какой-нибудь накинулся на Красноводск. Страшная штука эти тайфуны! Не довелось испытать?! А я, знаете ли, два года прослужил в консульстве на Яве. Рай, просто рай, а не земля! Но тайфуны!.. Никакого рая не захочешь, когда ветерок начинает дуть со скоростью в двести километров! Все сносит! Дома летают в возду-

хе! И самое страшное, что необъяснимый охватывает тебя страх. Именно необъяснимый страх, то есть человек не может сам себе объяснить, что происходит! Мозг отказывается понять! Оттого и ужас! Подобное же состояние испытываешь, когда начинается землетрясение! Не доводилось испытать?! Теперь испытаете! В сейсмическую зону переселились! А я разок попал! Господи, это даже страшнее тайфуна! В Японии тогда служил, представительствовал в Иокогаме! Перепугался, знаете ли, на всю жизнь!— Он говорил, о чем-то страшном выкрикивал, но губы у него благодушно шевелились, он был доволен чем-то, в хорошем пребывал настроении. Похоже, разглагольствуя сейчас, он тоже пел, это его была песня, исторгшаяся из души, возникшая из радости полета, тоже, видимо, совершенно необъяснимого чувства.

А вот Знаменский так и не выбрался из вчерашней тоски. Не летелось ему сейчас, не смотрелось на диво пустыни, диво труб, которые вот-вот грянут тут водой, на семь веков покинувшей эти места.

графин с чалом, и милая, очень смущающаяся девушка, вся увешанная старинными украшениями из серебра, в шапочке с серебряными бляшками, в длинном синем платье до пят, вся сокрытая да еще и лицо почти сокрыв согнутой в локте рукой, вдруг так глянула на старика, блеснув глазами и зубами, что он замер, осекся и влюбился.

— Остаюсь!— шепнул он, таращa глаза.

И остался бы, ей-богу, шутка уже не шутка, когда такие сверкнут глаза, но сморгнул, глянул, а девушки уже нет, только столик с мутным чалом в графине стоял перед ним да пиалушка зелененькая ждала, когда он ее наполнит. И все вспомнилось, отлетела радость.

Встречавшие, солидные, хотя и молодолики хозяева города уговаривали Самохина остаться на часок, поглядеть город, который был просто замечательным, ведь он же возник в пустыне, а вот теперь какие тут дома, какие прижились деревья, но Самохин был непреклонен. Он отхлебнул чала и заспешил.

— Город ваш замечательный, согласен, но он не войдет в зону туризма,— сказал Самохин.— Посмотрим с воздуха. Нам надо засветло попасть в сухие субтропики, в Кара-Калу. Как-нибудь в другой раз...

— Ростик, дорогой, смотри, белый верблюжонок!— обернул к нему сияющее лицо Меред.— Это к счастью! Добрая примета! Хорошим пловом нас будут встречать!— И он опять сунулся в окно, опять завопил свою песню счастья.

Короткая остановка в Небит-Даге, где вертолет заправился горючим для трехсоткилометрового броска к Кара-Кале. На площадке, под навесом, уже ждал их стол, так заваленный дынями и многоцветным виноградом, что чудо земных этих даров перестало казаться чудом, становясь обыкновенностью. Столько было всего, что ни к чему уже не тянулась рука. И это приметил мудрый и хорошо себя нынче чувствовавший старик.

— Замечали, Ростислав Юрьевич, когда столь щедр стол, то и азарта нет вкусить от щедрот?— сказал Самохин.— Человеку необходимо создать ситуацию, когда бы он мог пожадничать. Скорей, скорей, чтобы схватить! Самый лучший кусок! Чтобы другому не достался! Ну, как на всех этих а-ля фуршетиках, когда братва наша накидывается, будто из голодной деревни. На столах ведь там больше посуды, чем лакомых кусков. А тут...

Но тут ему на отдельном столике вынесли

Знаменский отошел чуть в сторону, отстранился от разговора, да его никто и не уговаривал остаться, про него сразу тут поняли, что он не более как сопровождающее лицо. Либо поняли, догадались, либо заранее были извещены о нем, как извещен был Меред, зона-то пограничная, тут каждый человек учтен и примечен. А он так и держался, как сопровождающий, хоть на шаг, да позади Самохина. А сейчас и просто отошел в сторонку, сойдя с асфальтовой полосы, мягкой, почти вязкой, сразу же ступив в пустыню, в пески, в барханную до горизонта рябь. Тут вокруг все было резко обозначено, резко поделено. Вот новое, вот старое, вернее, древнее, просто даже библейское, добиблейское, существовавшее в миг сотворения мира. Убийственно пекло солнце, на которое невозможно было поднять глаза, до горизонта тянулись застывшими волнами барханы, неподвижными казались в далеком мареве верблюды, эти странники вечности, но тут, если на тысячелетия мерить, еще недавние пришельцы. Несколько бетонных плит вертолетной площадки, домик из сырца с оплавившейся крышей, потекшей гудроном, какие-то чахлые деревца с железными листочками, изнемогшие машины, сбежавшиеся под незримую тень домика и деревьев, люди у столика с плодами и сосудами — это все было нереальным тут, странным, принесенным лишь на миг каким-то причудой-ветром, чтобы через миг и сгинуть. Реальным, навечным тут были барханы, зной, эти верблюды, парящие в мареве.

К Знаменскому, возникнув ниоткуда, как шар из колючек, подкатился какой-то круглый старик в черном халате и узорчатой черно-белой тюбетейке. Нет, это был не старик. Крепкозубым оказался, когда разжал губы в улыбке. И просверлили Знаменского зоркие, узкими щелочками глаза. Подкатился, уставился, сверкнул зубами, спросил тонким голосом, странно распевно произнося русские слова:

— Зачем приехал? Песок считать?

— Сопровождаю,— сказал Знаменский.

— Этот больной бурдюк?— сверкнул белесой полоской зубов человек в тюбетейке.

— Не понял.— Знаменский решил повернуться к тюбетейке спиной, но не повернулся. Глаза из-под тюбетейки удержали. Была в их взгляде-дуплете сила, наглая, бесцеремонная, вязали движения эти буравящие глаза.

— Прикрывает тебя, так?

— Не понял.

— Я понял. Его туша, а твои глаза и уши. Иди, зовут. Ты из Москвы?

Знаменский промолчал, медленно, трудно, как если бы отдирал от плеч что-то липкое, как мы во сне отдираем, освобождаясь от настырных глаз.

— Не пожалели человека, пригнали к нам в такую жару! А в Москве сейчас прохлада. Вах, не жалеют у нас людей!— Голос за спиной глумился, истончаясь, язвил, человек в тюбетейке шел по пятам. И вдруг умолк, едва Знаменский вступил на бетон вертолетной площадки. Знаменский оглянулся. За спиной тянулись барханы, плыли в мареве верблюды, будто свершая неподвижный и очень торжественный танец, и не было никакого человека в тюбетейке. Нырнул, должно быть, в стайку встречающих, растворился.

И вот они снова в воздухе, и помрачневший Самохин печально смотрит на проносящуюся рядом с вертолетной тенью землю, на этих игрушечных, славных верблюдов, таких тут красивых, созвучных с пустыней, и прощается, прощается со всем этим миром окрест, все время помня свою беду и понимая, что другого-то раза уже не будет.

Слева открылись холмы и предгорья Копет-Дага. Все вверх и вверх идущие гряды. Где уже выжелтившиеся холмы, черновато-коричневые скалы, убереженные от солнца глубокие темно-зеленые расщелины, где, если совсем вверх глянуть, снежные, избывающие тайнички,— загадочный и влекущий мир.

— А знаешь, Ростик, дорогой,— снова обернулся от окна Меред,— а у нас тут в горах иногда страшные бандиты прячутся! Сбегают сюда от правосудия. Месяцами живут, грабя чабанов. Попробуй отыщи их тут! Ну, конечно, в конце концов их ловят. Я бы тоже сбежал сюда, если бы был бандитом! Хоть месяц бы пожил еще на воле...— Он снова всунулся в окно, но лицо его успело опечалиться, песню горланить не стал.

В Кара-Кале на крошечном вертолетном аэродроме, прильнувшем к крутящейся, обмелевшей горной речке, их встретил маленький пряменький летчик с большими усами. С Мередом он обнялся. Они потоптались немного, стараясь один другого приподнять от избытка чувств. Меред был куда потяжелей летчика, но летная сила одержала верх, и маленький летчик, по-борцовски изловчившись, высоко поднял круглого Мереда, а потом мягко, нежно опустил на землю. С гостями летчик поздоровался по-военному сдержанно: отдал честь Самохину, чуть кивнул Знаменскому.

— Добро пожаловать,— сказал он и, будто усомнившись, что его поняли, перевел:— Салам алейкум.

Продолжение следует.

ЦЫПЛЯТА В ЛАМПОЧКЕ И ДРУГИЕ ЧУДЕСА

Несколько лет назад они были на гастролях в Швеции. Одна из стокгольмских газет тогда написала: «Никогда не посещайте московского цирка. После выступления артистов Мозжухиных вы уходите дураками». Газета отнюдь не кидала камешки в огород советских гостей. Наоборот, она делала им рекламу. В кассах не осталось ни одного билета. Каждый зритель надеялся, что он окажется сверхпроницательным, разгадает иллюзионные секреты.

Мозжухины показывали то, чего никогда не видели шведы. На сцене зажигалась обыкновенная электрическая лампа. На нее ставился бокал, куда только что вылили содержимое разбитого яйца — белок с желтком. Лампа под абажуром светила вовсю. А затем... Бокал оказывался абсолютно пустым и чистым. Лампочка выкручивалась, разбивалась на глазах у зрителей, и оттуда, попискивая, выбирались два цыпленка. Это было «фирменное блюдо» Мозжухина. Как «Необыкновенный концерт» в театре Сергея Образцова.

А все началось так. Давным-давно они сидели в алма-атинском цирке и говорили о фокусах, которые набили оскомину. О столиках, накрытых плотными бархатными скатерками, ведерках, в которые дождем сыплются монеты, цветах, выскакивающих из вроде бы пустых коробок. Мозжухин посмотрел на электрическую лампочку под потолком:

— Вот если бы из лампочки вылез цыпленок...

Неожиданная идея застряла в нем, как заноза. Она не давала спать ночью и думать о чем-нибудь другом днем. Как сделать, чтобы цыпленок оказался в лампочке? Чтобы не задохнулся, не обжегся, не перепугался до смерти треска разбиваемого стекла.

Мозжухин ломал голову три года, прежде чем привез с птицефабрики первых семерых цыплят. Почему именно семерых, толком не может объяснить до сих пор. С того памятного дня цыплята стали вылезать из лампочек всюду — в московских концертных залах, на дрейфующей станции «Северный полюс», сибирских золотых приисках, на БАМе и космодроме Байконур. Порой там, где артистам приходилось работать, не было ни сцены, ни кулис. И тогда они больше всего боялись, чтобы их пушистые маленькие партнеры не запищали раньше времени, ибо момент неожиданности — это, наверное, главное в любом фокусе.

Артисты Москонцерта Мозжухины считают просто неприличным показывать то, что показывают или когда-то показывали другие. Всю жизнь они сами изобретают свои фокусы. В хохломской вазе, которую только что наполнили водой, вдруг не оказывается ни капли влаги. Да и сама ваза сжимается в комок, словно лист папиросной бумаги, и исчезает. Расписной столик, прямо-таки обнюханный дотошными зрителями, прилипает к руке иллюзиониста и начинает как бы летать над сценой. Из хохломского ведра появляется тульский самовар...

В иллюзии, где счет аппаратурных трюков ведется десятками, а то и сотнями тысяч, не так-то просто отличиться. Порой от выдумки до выпуска фокуса, который на сцене длится считанные минуты, проходило несколько лет.

Можно быть в двух шагах от Мозжухиных и неизмеримо далеко от разгадки их секретов. Один из новых трюков у них называется «Конфетницы». В прозрачной, как воздух, коробке нет ничего, кроме фотографий изящных ваз. Но пустота у иллюзионистов обманчива. Фотографии вдруг обретают хрустальную плоть, и Юрий Мозжухин галантно предлагает зрительницам угоститься из них «Кара-Кумами» или «Мишкой».

В Буэнос-Айресе афишами с их матрешками залепили весь город. В Америке им аплодировали стоя, как до этого аплодировали Плисецкой. В Англии избрали почетными членами института чародеев. Десятки стран ставили въездные визы на их паспорта.

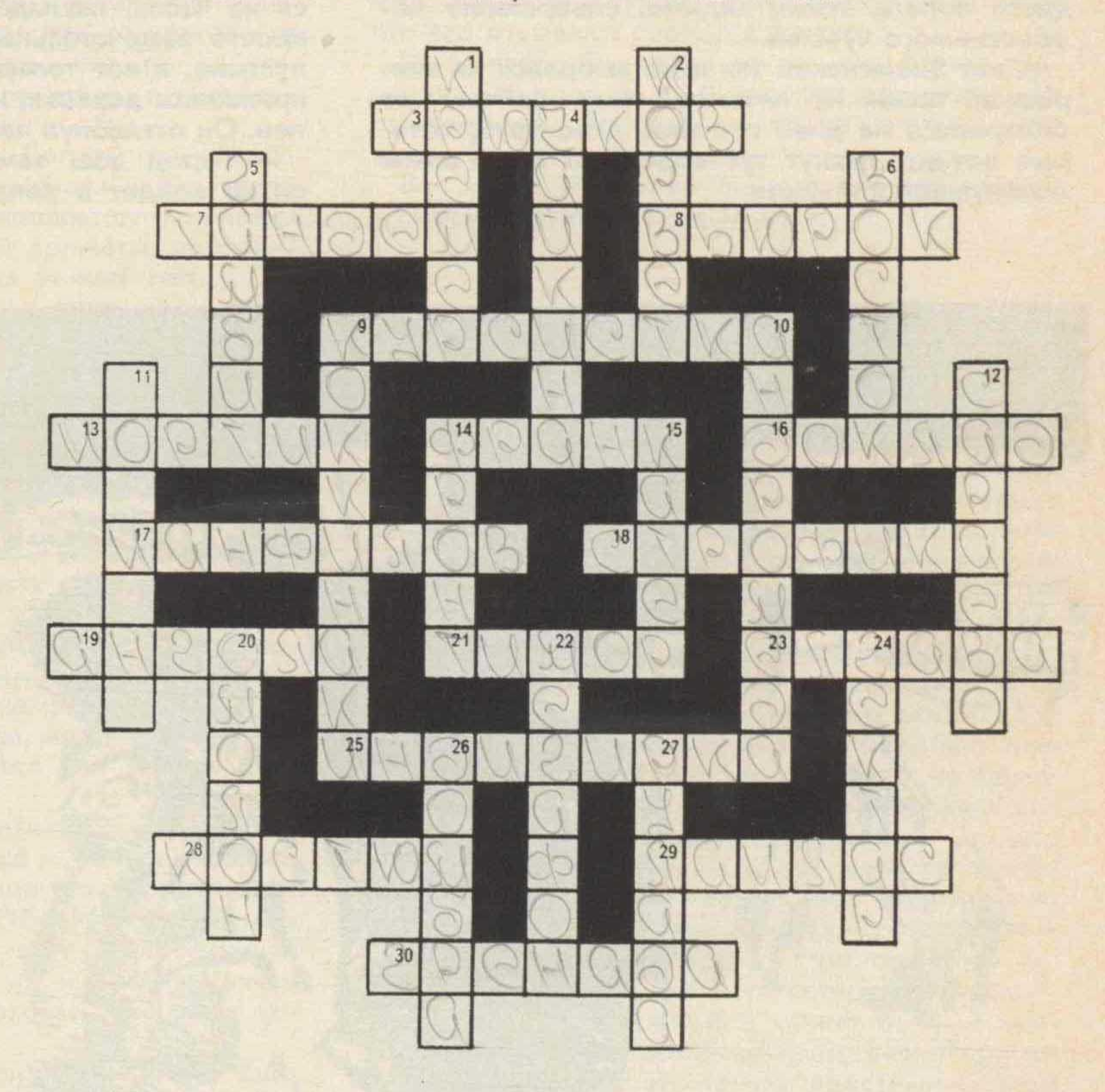
Нынче исполняется полвека, как красноярский восьмиклассник, победитель на смотре художественной самодеятельности Юрий Мозжухин получил письмо от директора филармонии. В письме его впервые называли по имени и отчеству и приглашали на переговоры. А через пару дней он покинул отчий дом, оставив записочку: «Я стал артистом и уехал на гастроли». Потом встретил в Алма-Ате первокурсницу горного института, и с той поры тридцать пять лет они работают вместе — заслуженные артисты РСФСР, народные артисты Марийской АССР Юрий и Лидия Мозжухины.

Евг. ГОРТИНСКИЙ

Фото Дм. Бальтерманца

кроссворд

По горизонтали: 3. Киноактер, народный артист СССР. 7. Двухместный велосипед. 8. Лесная птица. 9. Картина Н. А. Ярошенко. 13. Крытая галерея с колоннадой у входа в здание. 14. Советский биофизик, академик. 16. Публичное сообщение на определенную тему. 17. Герой Советского Союза, командир дивизии, оборонявшей Москву в Великую Отечественную войну. 18. Раздел стиховедения. 19. Государство на западе Африки. 21. Один из Малых Зондских островов. 23. Город в Латвии. 25. Река в Якутии. 28. Одежда, верхнее платье. 29. Французский астроном, математик, физик XVIII — XIX веков. 30. Стихотворение М. А. Светлова.

По вертикали: 1. Немецкий скульптор, автор памятников жертвам фашизма. 2. Парусный корабль. 4. Партизанка в Великую Отечественную войну, Герой Советского Союза. 5. Начало шахматной партии. 6. Серия советских космических кораблей. 9. Летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза. 10. Северное созвездие. 11. Персонаж романа А. С. Серафимовича «Железный поток». 12. Столица социалистической республики в Югославии. 14. Пьеса А. Е. Корнейчука. 15. Небольшой военный корабль. 20. Приток Колымы. 22. Рупор для усиления голоса. 24. Мера земельной площади. 26. Струнный инструмент, распространенный в Казахстане. 27. Быстрый, виртуозный пассаж в пении.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 5. Семестр. 6. Аркалык. 9. Флаг. 11. Аванс. 12. Опал. 14. Погодин. 16. Скирда. 17. Омоним. 18. Дактилоскопия. 21. Сандал. 22. Кряква. 23. «Ариадна». 26. Дыня. 28. Днепр. 29. Карт. 30. Актиний. 31. Борисов.

По вертикали: 1. Берг. 2. Атрато. 3. «Бруски». 4. Рамо. 5. Суффикс. 7. Кулигин. 8. Малоярославец. 10. Азербайджан. 13. «Псковитянка». 14. Пастила. 15. Ножовка. 19. Кафедра. 20. Швартов. 24. «Родник». 25. Нартов. 27. Яшин. 29. Крит.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народная артистка СССР Елена Образцова. (См. в номере материал «И снова «Вертер».)

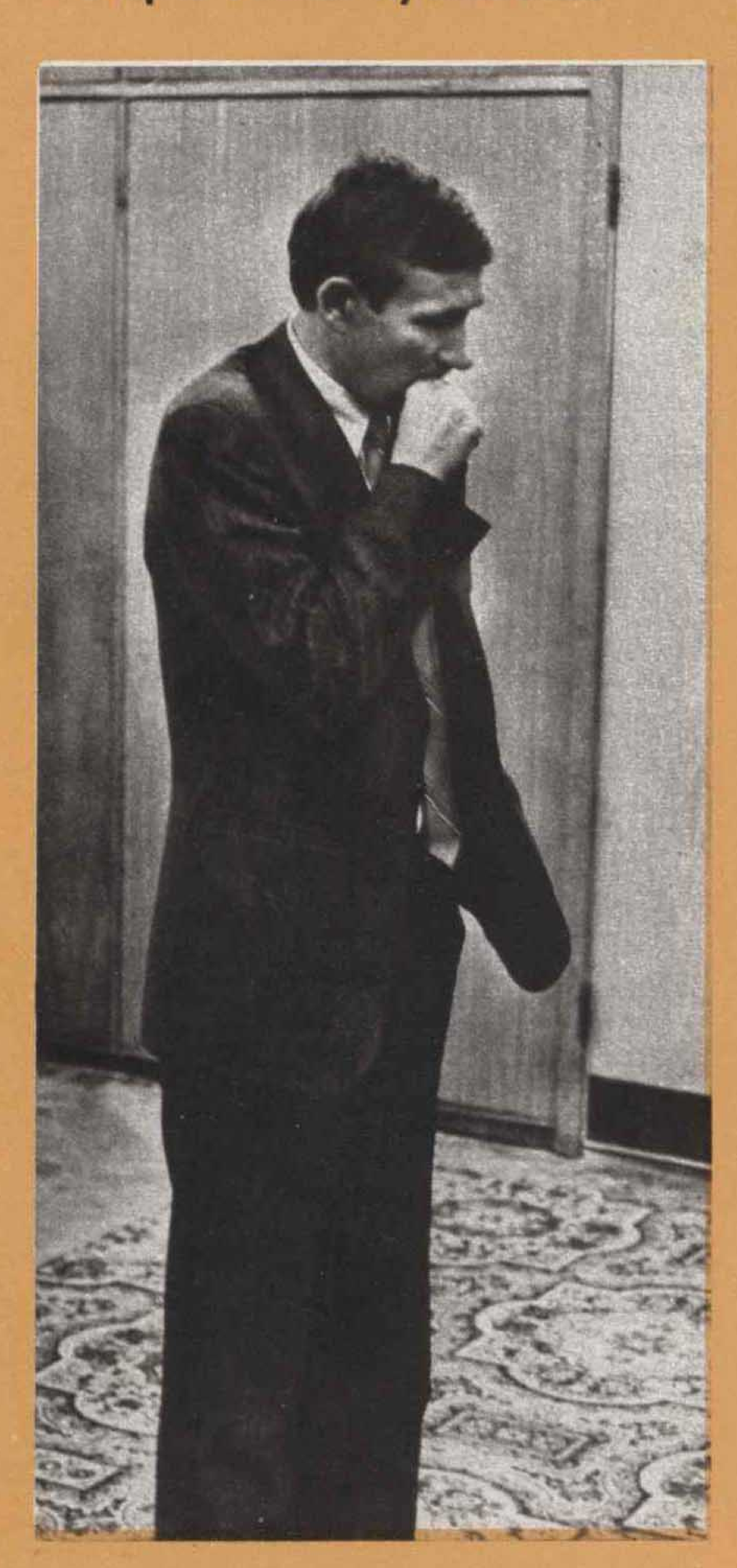
Фото С. Петрухина

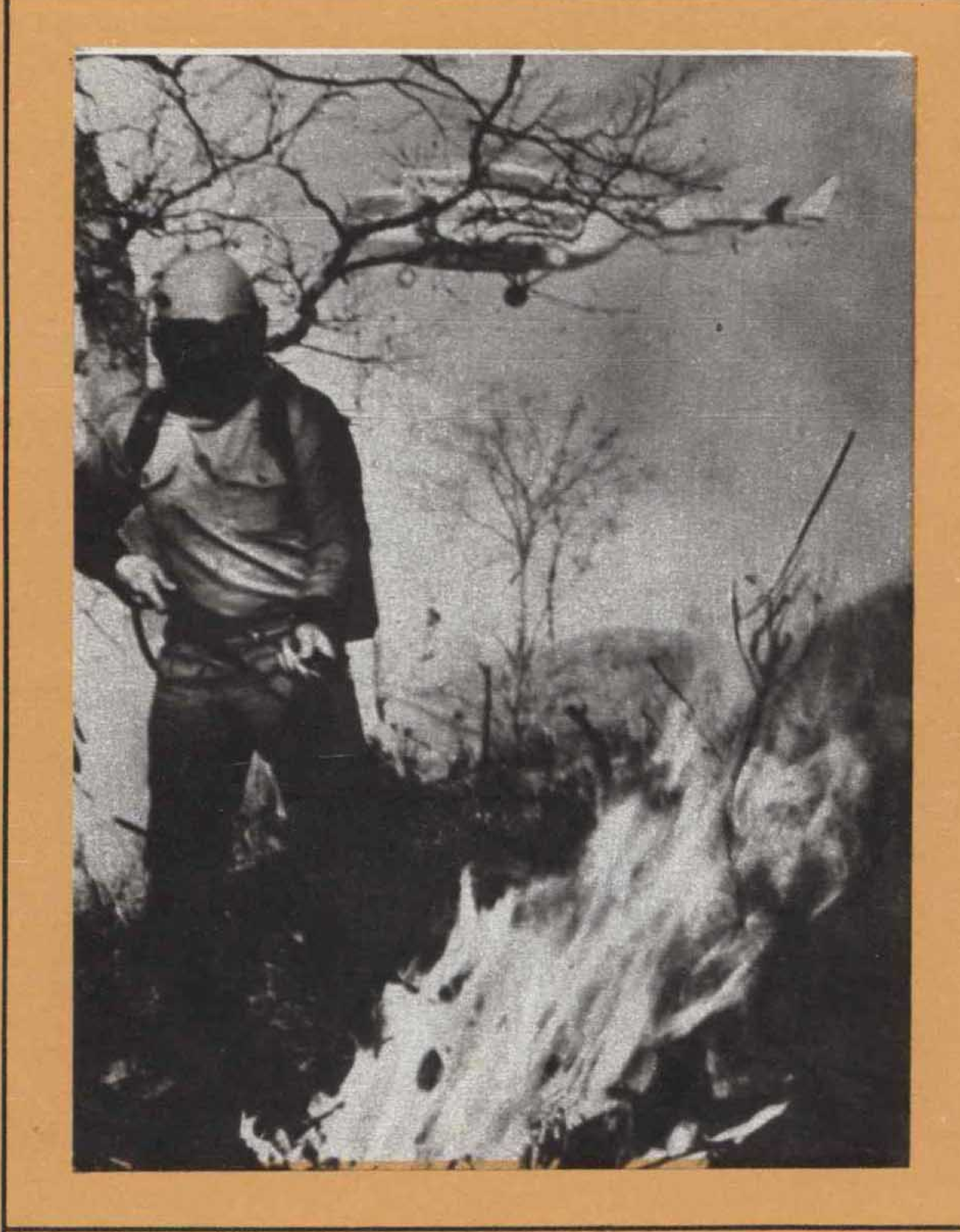
СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

ЧТО ТАКОЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОВЕТ

В тресте «Мособлсельстрой» № 18 ищут новые способы привлечения работников к управлению производством. Один из них — хозяйственные советы. Каждые две недели рабочий и инженер идут сюда руководить предприятием. В хозсовете они выступают в двух лицах: с одной стороны, решают вопросы предприятия, а значит, и государства; с другой — защищают интересы своей бригады, звена, отдела. Через полгода — перевыборы совета.

Об этой своеобразной школе единения интересов общественных и личных и молодом управляющем трестом № 18, Герое Социалистического Труда Николае Ильиче Травкине вы прочтете в ближайшем номере в очерке Галины Куликовской.

С НЕБА — НА ПОЖАР

«Большинство людей никогда не видели лесных пожаров. Поэтому они кажутся им чем-то настолько далеким, что и думать об этом не стоит,— говорит заместитель начальника летной службы Приморской базы авиационной охраны лесов Вячеслав Федотов.— А ведь именно человек в большинстве случаев виноват в том, что сгорают целые лесные массивы».

О том, как ведется борьба с лесными пожарами, читайте в одном из ближайших номеров журнала.

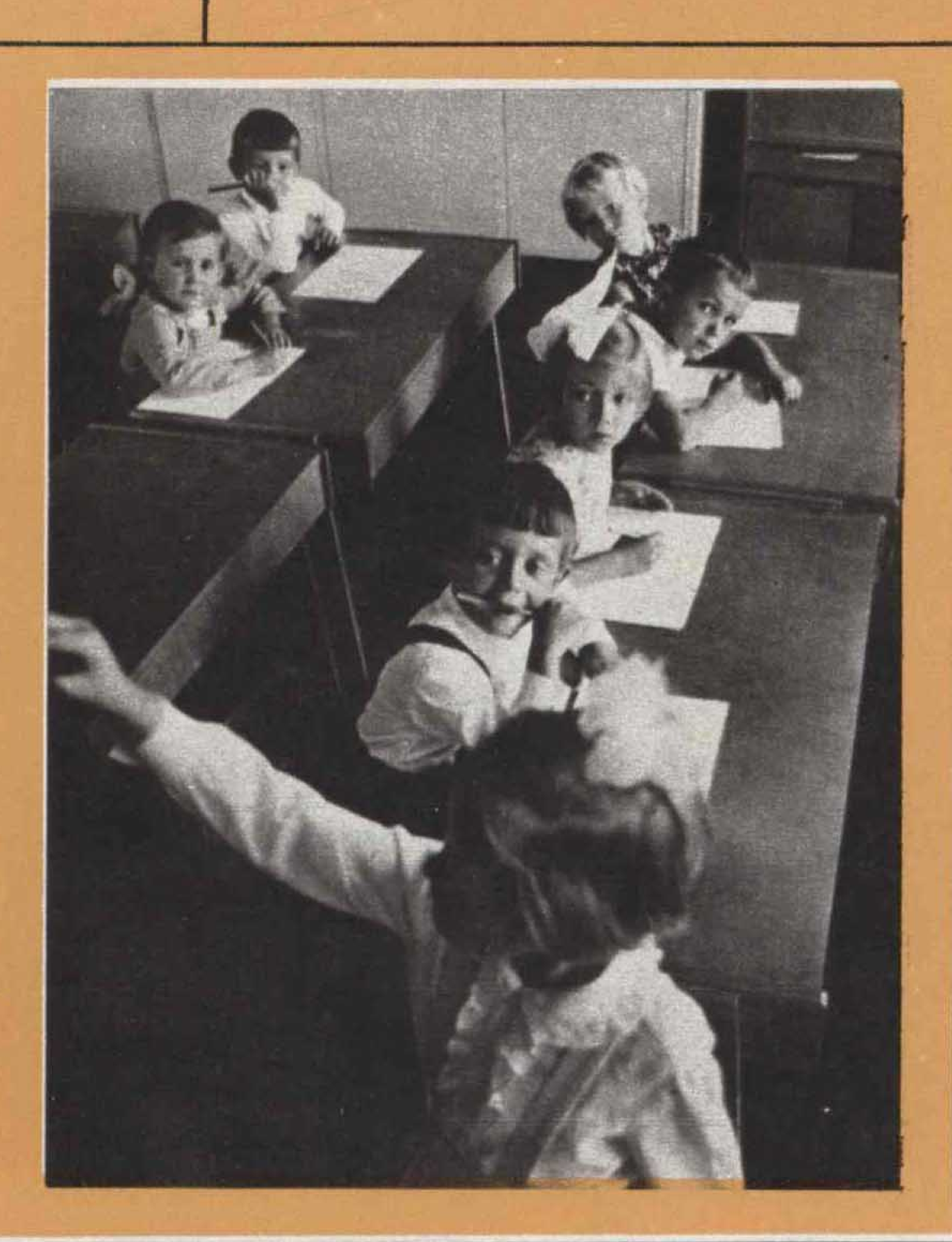
В ГОСТЯХ У БИЧЕВСКОЙ

«Зашла я однажды в клуб на танцы,— рассказывает Жанна Бичевская.— Ужас!.. Новые веяния, перемены к лучшему, перестройка, борьба с негативными явлениями — сколько сейчас об этом обо всем пишется и говорится! Но ведь для материальной нашей базы может быть опорой только духовная, неужели это непонятно!»

Рассказ о певице читайте в ближайших номерах.

ФОРМУЛА ЛИЧНОСТИ

За последние двадцать лет брак помолодел на три года.

При опросе семьдесят пять процентов новобрачных ответили, что они твердо рассчитывают на материальную помощь родителей, так как сами не в состоянии себя обеспечить. Большинство призналось, что имеют очень приблизительные знания о психологии семейной и половой жизни.

Педагогические и медицинские знания по уходу за малышом до трех лет, которые молодым родителям было предложено оценить самим по пятибалльной системе, оказались между «тройкой» и «двойкой»...

Отчет о заседании «круглого стола» «Огонька», посвященном проблемам семьи и формированию личности, читайте в одном из ближайших номеров.

ПОДПИСКА ЗАКОНЧИЛАСЬ?

НЕТ. ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

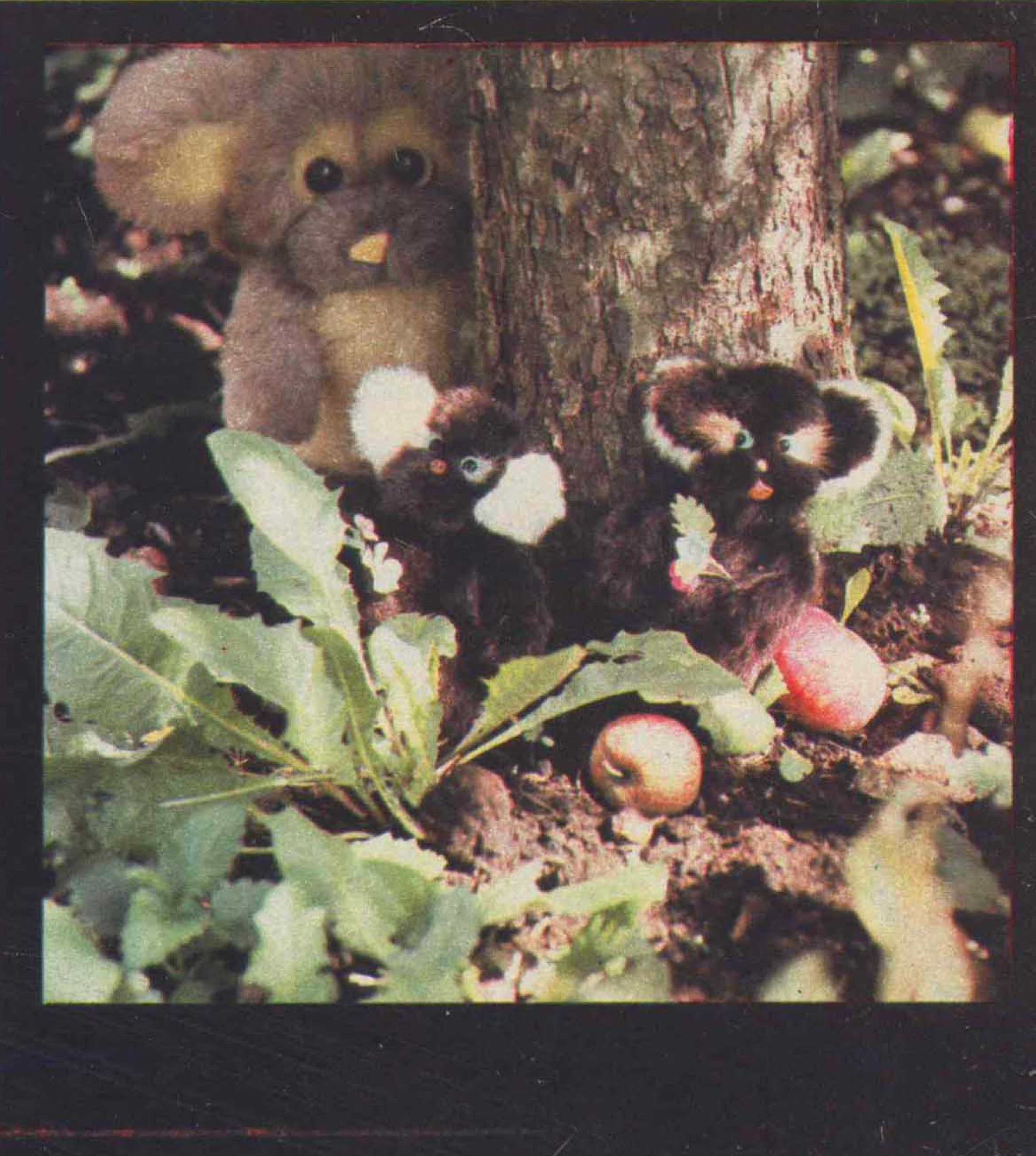
Да, дорогие друзья, в течение всего года вы можете подписаться на «Огонек».

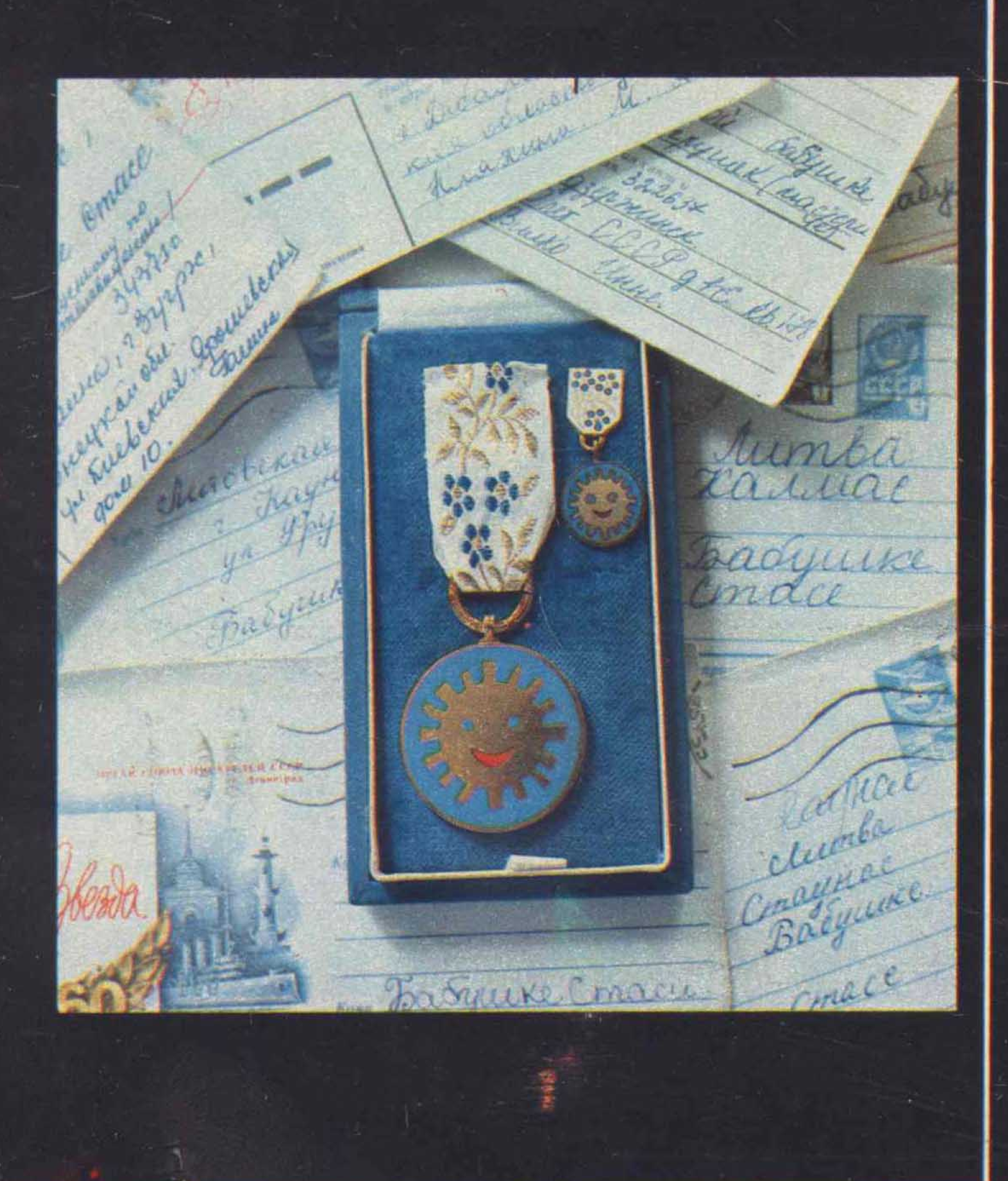
Не огорчайтесь, если не сумели это сделать до 1 ноября.

Если вы оформите подписку до 1 декабря, журнал начнет приходить к вам с 1 февраля. Подписавшись до 1 января, получите его 1 марта. И так далее, в течение всего года.

Подписка на журнал «Огонек» принимается без ограничений во всех отделениях связи.

«Орден Улыбки» — награда за труд,
приносящий радость детям.
Его учредили маленькие жители Варшавы.
Одним из шести кавалеров ордена в нашей стране стала
народная художница Литвы Стасе Самулявичене,
создатель этих симпатичных пушистых игрушек.
О ее добром искусстве рассказывает в номере
Валерий Красновский.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663